

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Дубман Э.Л., Малинкин Е.М. Гарнизоны засечных черт Южного Средневолжья в начале XVIII в.	9
Годовова Е.В. Влияние иногородних на повседневную жизнь казачьих станиц	19
Кабыгов П.С., Тюрин В.А. Самарский губернатор А.Д. Свербеев	26
Парамонов В.Н. «Великий перелом» в восприятии современников	33
Гуменюк А.А. Деятельность санаторно-курортных учреждений Нижнего Поволжья во второй половине 1950-х – середине 1980-х гг. как неотъемлемый атрибут советского образа жизни	42

ПЕДАГОГИКА

Руднева Т.И., Соловова Н.В., Стрекалова Н.Б., Сысоева Е.Ю., Санько А.М., Никулина И.В. Педагогическое сопровождение инновационной педагогической деятельности	50
Соловов А.А. Подготовка бакалавров: проблема востребованности выпускников на рынке труда	58
Егорова У.Г., Чистакова О.А. Работа с родителями в критические периоды развития дошкольников	65
Горячев М.Д., Яндукова Т.А. Применение социальных сетей для взаимодействия с семьями учащихся в процессе формирования коммуникативной культуры младших школьников	72

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Ишимбаева Г.Г. Диалектика притяжения–отрицания идей Ницше в романе Д. Тартт «Тайная история»	78
Коржова И.Н. Уроки нелюбви: традиции лирики А. Блока и Н. Гумилева в цикле К. Симонова «С тобой и без тебя»	84
Кучумова Г.В. Немецкоязычный роман 1990–2000: война как экзистенциальный «Другой»	93

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Балашова Е.С. Семантико-прагматическая специфика абстрактных имен существительных в англоязычных рекламных текстах	102
---	-----

Казаченко О.В. Американизмы в зеркале русского сознания (межпоколенческая специфика образа семьи и старшего поколения)	107
Габец А.А. Функции прецедентных феноменов в деловом дискурсе	113
Попова Т.А. Когнитивные особенности концепта «RAIN» («дождь») в английской лингвокультуре (на материале лексико-семантического анализа)	120
Дзедаева М.С. Оппозиционные модели, символы в осетинской религиозно-мифологической традиции: концепт «нымæц» (число)	128
Беспалова Е.В. Концептуальное осмысление ландшафта в немецких и русских словарях	133

РЕЦЕНЗИИ

Кабьгова Н.Н., Леонов М.М. Первый библиографический справочник по истории народничества XX века	140
<i>Сведения об авторах</i>	143
<i>Требования к оформлению статей</i>	148

CONTENTS

HISTORY

Dubman E.L., Malinkin E.M. Defense line garrisons of the Southern Middle Volga Region at the beginning of the XVIII century	9
Godovova E.V. Influence of non-residents on the daily life of Cossack villages	19
Kabytov P.S., Tyurin V.A. Samara governor A.D. Sverbeev	26
Paramonov V.N. «The Great Turn» in the perception of contemporaries	33
Gumenyuk A.A. Activity of health resort institutions of the Lower Volga Region in the second half of 1950-ies – middle of 1980-ies as an essential attribute of Soviet way of life	42

PEDAGOGICS

Rudneva T.I., Solovova N.V., Strekalova N.B., Sysoeva E.Yu., Sanko A.M., Nikulina I.V. Pedagogical support of innovative pedagogical activity	50
Solovov A.A. Preparing of bachelor's: problem of relevance of graduates on the labour market	58
Egorova U.G., Chistakova O.A. Helping parents demand the critical periods of preschool children development	65
Goryachev M.D., Yandukova T.A. Application of social networks in cooperation with students' families in the process of formation of communicative culture of primary school pupils	72

STUDIES OF LITERATURE

Ishimbaeva G.G. Dialectics of acceptance–denial of Nietzsche's ideas in «The Secret History» by D. Tartt	78
Korzhova I.N. Lessons of absence of love: traditions of A. Blok and N. Gumilyev in K. Simonov's cycle «With You and Without You»	84
Kuchumova G.V. German language novel of 1990–2000: the war as an existential «Other»	93

LINGUISTICS

Balashova E.S. Semantic-pragmatic specificity of abstract nouns in the English-language advertising texts	102
--	-----

Kazachenko O.V. Americanisms in the mirror of Russian consciousness (intergenerational specificity of the image of family and the older generation)	107
Gabets A.A. Functions of precedent phenomena in formal discourse	113
Popova T.A. Cognitive features of the concept «RAIN» («ДОЖДЬ») in the English linguistic culture (on the material of lexical-semantic analysis)	120
Dzedaeva M.S. Oppositional models, symbols in the Ossetian religious mythological tradition: concept «nymæts» (number)	128
Bespalova E.V. Conceptual interpretation of landscape in German and Russian dictionaries	133

REVIEWS

Kabytova N.N., Leonov M.M. First biobibliographical reference book on the history of narodnik movement of the XX century	140
<i>Information about the authors</i>	143
<i>Requirements to the design of articles</i>	148

ИСТОРИЯ

УДК 94(47).05

*Э.Л. Дубман, Е.М. Малинкин**

ГАРНИЗОНЫ ЗАСЕЧНЫХ ЧЕРТ ЮЖНОГО СРЕДНЕВОЛЖЬЯ В НАЧАЛЕ XVIII В.**

Статья посвящена изучению состава и размещения служилых людей на территории Симбирского уезда. Анализ совокупности источников свидетельствует, что военное значение гарнизонов уезда сохранилось вплоть до начала XVIII в. Однако произошли существенные изменения в их размещении. За вторую половину XVII в. территория уезда namного расширилась, прежде всего в южном направлении. Здесь, по широте Пензы и Сызрани, сложилась совокупность гарнизонов, призванных защищать вновь осваиваемые территории. Именно она стала базисом новой военной системы Южного Средневожья. Формирования из «старых» категорий служилых людей (казаков, стрельцов, местного дворянства и т. д.) остались в основном по засечным линиям, построенным в середине XVII в.: Карсунской, Симбирской, западной части Закамской. Однако численность гарнизонов на них существенно уменьшилась, а военная значимость снизилась.

Ключевые слова: служилые люди, казаки, стрельцы, дворяне, область понизовых городов, Симбирский уезд, засечные черты, книги сбора даточных людей, Генеральный двор в с. Преображенском.

На рубеже XVII–XVIII вв. произошло снижение военной напряженности на южных границах средневожского Правобережья. К этому времени Россия закрепилась в низовьях Дона и на северном побережье Азовского моря; предприняла масштабную попытку соединить каналом Волгу и Дон; построила несколько городов с крупными гарнизонами в их междуречье. По смете ратных людей понизовых городов 1704 г. в Петровском числилось 1020 солдат (правда 886 из них было переведено в Царицын),

* © Дубман Э.Л., Малинкин Е.М., 2016

Дубман Эдуард Лейбович (dubmane@mail.ru), кафедра российской истории, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Малинкин Евгений Михайлович (evmlk@mail.ru), отдел использования архивных документов ГБУСО «СОГАСПИ», 443096, Российская Федерация, г. Самара, ул. Мичурина, 13.

** *Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект «Служилые люди Южного Средневожья в XVII – начале XVIII в.», № 15-11-63001 а(р).*

в Дмитровском — 1 тыс. чел. (из них 700 было отправлено в «свейский поход»), в Борисоглебском (на Хопре) — 355 чел. [15. Ф. 9. Отд. 2. Д. 3. Л. 434–437]. Казалось бы, угрозу нападений степняков на вновь освоенные земледельческим населением районы Южного Средневожья удалось ликвидировать. Однако это было далеко не так. Голландский путешественник К. де Бруин (de Bruyn), проплывавший по Волге в 1703 г., писал: «Калмыцкие татары делают набеги из этих мест вплоть до Казани и захватывают все, что могут, или сумеют, людей, скот и проч. и проч.» [1, с. 175]. О том, что такие набеги совершались не только в Заволжье, свидетельствует челобитная жителей Томышевской слободы на р. Сызранке, в которой сообщается, что «в прошлом в 199 (1690/91. — Э.Д., Е.М.) году их, крестьян, разграбили калмыки и в полон побрали пятьдесят человек ясажных крестьян той Томышевской слободы» [14. № 12].

Помимо того, мощные социальные конфликты, разразившиеся в Заволжье (башкирские выступления), низовьях Волги (Астраханское восстание) и на Дону (Булавинское движение), заставили правительство сохранять значительные воинские контингенты в южном пограничье Симбирского, Пензенского, закамских землях Казанского и других близлежащих уездов. Да и после завершения волнений, во втором десятилетии XVIII в., угроза нападений для этих районов не только не ослабла, но, напротив, выросла (например, Кубанский погром 1717 г. и ряд других менее масштабных набегов) [12, с. 61–62; 10, с. 34–37]. В значительной степени это было обусловлено уходом России из северного Приазовья после неудачно завершившегося Прутского похода. Позднее, уже в конце 1710-х гг., для того, чтобы обезопасить недавно освоенные территории, пришлось перекрыть в районе Переволоки пространство между Волгой и Доном Царицынской линией [11].

В связи с указанными обстоятельствами руководство страны, несмотря на перевод значительной части служилых людей из гарнизонов Южного Средневожья «в Азов», а позднее в «свейскую посылку», вынуждено было сохранять в регионе крупные воинские контингенты [15. Ф. 9. Отд. 2. Д. 3. Л. 431–437].

Вопросы о том, насколько велика была доля служилых людей и членов их семей в составе населения рассматриваемого региона; каким образом происходило перераспределение их по его территории, изучены далеко не полностью. Очевидно, что исследование военизированного населения уездов Южного Средневожья вряд ли возможно без анализа состава и численности отдельных гарнизонов. При этом крайне важно выявить наличие в них как старых, так и новых форм организации ратных людей. Необходимо также определить степень насыщенности отдельных локальных территорий региона вооруженными силами, их «военизованности». К сожалению, на все эти вопросы пока нет однозначного ответа.

Использовать для изучения указанных процессов данные массовых описаний населения, проводившихся после 1705 г., не совсем корректно [9, с. 28–30, 37, 310, 317, 355, 358; 13, с. 200–206]. Основные категории служилых людей к этому времени как в центре, так и в провинции претерпели настолько значительные изменения, что сопоставлять их с контингентами городских гарнизонов второй половины XVII — начала XVIII в. было бы ошибочным. Пожалуй, наиболее удобными и информативными в этом отношении являются материалы сбора даточных людей, проводившиеся Генеральным двором в с. Преображенском; коллекция книг, отложившаяся в фонде Поместного приказа. В них, в частности, содержатся своеобразные «переписи» ратных людей гарнизонов области понизовых городов конца XVII — начала XVIII в. Такие материалы сохранились по большинству городов и уездов, находившихся под юрисдикцией приказа Казанского Дворца [15. Ф. 1209. Оп. 4. Ч. 2. Д. 5106, 5107, 5124]

Работа с этими материалами позволила нам рассмотреть предлагаемую проблематику на примере Самары, Сызрани и Кашпира. Изучение этих городов и пригородов, находившихся в пограничье постоянного расселения Южного Средневожья, дало весьма интересные результаты [4; 5]. Именно в междуречье Волги и Суры, примерно по широте расположения Пензы и Сызрани, в конце XVII в. наблюдалось сосредоточение и расселение крупных воинских контингентов.

Но при этом возникает вопрос, а что же происходило в данный период с гарнизонами военных поселений (городов, пригородов, острогов и слобод), основанных в середине XVII в. по засечным линиям, — тем самым, которые стали основой для формирования территории и заселения Симбирского уезда (Симбирской, Карсунской и западной части Закамской).

Обоснование необходимости исследования такого рода локальных территорий, анализ источниковой базы и характеристика имеющейся историографии были рассмотрены в указанных выше работах, и поэтому нет нужды специально останавливаться на этих вопросах [5, с. 152–156]. Отметим лишь важность для определения численности и состава служилых людей введенной нами в научный оборот Сметы ратных сил понизовых городов 1704 г. [8, с. 179–186; 15. Ф. 9. Отд. 2. Д. 3. Л. 431–437]. Кроме того, для их изучения по отдельным гарнизонам особое значение имеют материалы «Книги низового набору 702-го году за скрепою дьяков Никифора Румянцева, Нестерова...», а также ряда других дополняющих ее источников. В описи фонда эта книга записана под названием «Переписная книга служилым людям... Карсуни, Самары, Симбирска...». Никифор Федорович Румянцев в это время был подьячим, а затем дьяком Поместного приказа. По поводу Нестерова, имя которого не указано, сказать что-либо сложно [2, с. 453; 15. Ф. 1209. Оп. 4. Д. 5128. 1702 г.], Практически деятельность комиссии охватила всю территорию Симбирского и других уездов и все размещенные в них категории ратных людей. Содержание указанной «Книги...» позволяет определить состав и численность военизированного населения, располагавшегося в «срединной части» Симбирского уезда, т. е. в поселениях по Карсунской, Симбирской линиям и западной части Закамской черты. Детальный разбор данного документа по Самаре, анализ эволюции основных категорий служилых людей ее гарнизона в XVII — начале XVIII вв., а также возможностей использования подобных материалов для уточнения демографических характеристик средневековых русских городов были проведены Э.Л. Дубманом и Е.М. Малинкиным [4, с. 102–115; 5, с. 152–163; 6, с. 57–75].

Сложности при таких подсчетах возникают прежде всего из-за систематических ротаций военизированного населения как в пространстве самой области понизовых городов, так и за ее пределами. Например, несколькими годами ранее, в 1696 г., крупные контингенты казаков были отправлены «на вечное жительство» в Азов, Петровский и т. д. Общее количество переведенных, по подсчетам переписчиков, только из одного Симбирского уезда (из 25 слобод казаки «Симбирского города отъезжих слобод» Каменной, Ишеевской, Карлинской, Тетюшской; «Карсунской черты» казаков слобод Вельдиватской, Кивацкой, Дозорной, «Кодорацкой», Сосновской, Кошелевской. Каменного Броду и др.) составило 6245 чел. (вместе с недорослями) [15. Ф. 1209. Оп. 4. Ч. II. Д. 5186. Л. 107–122 об.]. Также служилых людей отсылали для судебного дела в Казань, несколько позднее — в «свейский поход» и т. д. Очевидно, что общие итоговые сведения, приводимые на 1702 г., не дают возможности достаточно точно отразить реальную ситуацию с военизированным населением уезда на рубеже XVII–XVIII вв.

Изучение состава и численности гарнизонов отдельных локальных территорий невозможно без хотя бы краткой характеристики процессов, происходивших на всем

пространстве Симбирского уезда. Отметим, что на протяжении всей второй половины XVII в. его территория постоянно расширялась. Для нас особый интерес представляет прежде всего «большой» Симбирский уезд, каковым он стал после окончательного включения в его состав территорий по Карсунской черте; острогов западной части Закамской черты и резко расширившейся южной Сызрано-Кашпирской части. Следует отметить, что в документах, освещающих строительство и последующее состояние Симбирской и Карсунской засечных черт во второй половине XVII в., их обозначали как две самостоятельные линии. А территорию между Сурой и Барышом, прилегающую к Карсунской черте, нередко рассматривали как относительно самостоятельный от Симбирского Карсунский уезд (впрочем, как и примыкающий к Сызрани район локального сельского расселения) [7, с. 72–77].

Отметим в первую очередь указанную многими исследователями общую тенденцию, характерную для Южного Средневолжья, прежде всего Симбирского уезда. Он, стремительно разраставшийся в южном направлении, в последние десятилетия XVII – начале XVIII в. был буквально переполнен военными гарнизонами, состоящими как из традиционных для XVII столетия категорий служилых людей, так и из солдат полков нового строя.

В свое время Я.Е. Водарский, основываясь на данных сводных источников, писал, что в первой половине 1660-х гг. Симбирский (4944 служ. людей), Казанский (4435 служ. людей) и Саранский (3479 служ. людей) уезды резко выделялись по этому показателю не только среди других пограничных уездов Юго-Востока, но и всей Европейской России [3, с. 106–108]. К началу XVIII в., судя по данным сметы ратных сил 1704 г., Саранский уезд, ставший тыловым под прикрытием вновь созданного Пензенского, утратил свое значение передового форпоста. В нем резко уменьшилась численность гарнизонов (1021 служ. чел.). Казанский и Симбирский уезды продолжили играть ключевую роль в защите юго-восточных рубежей. Количество ратных людей в них значительно выросло (9056 и 6236 соответственно) по сравнению с 1660-ми гг. При этом Казанский уезд с самого начала присоединения Среднего Поволжья к России играл важнейшую структурообразующую роль для всего региона и являлся его военно-административным центром. Значение Симбирска и прилегающих к нему территорий среди других уездов по засечным линиям начинает усиливаться к концу 1660-х – началу 1670-х гг. После поражения Разинщины, несомненно, он занимал ведущее место среди «новых уездов» области пониженных городов.

Еще раз подчеркнем трудности в подсчете служилых людей региона в условиях постоянных мобилизационных мероприятий, в которых они были неизменными участниками. Видимо, поэтому итоговые данные по смете ратных людей 1704 г. и переписи 1702 г. существенно различаются. На наш взгляд, общие итоговые сведения, приводимые на 1702 г., не совсем точно отражают реальную ситуацию с военизированным населением уезда в последние годы XVII – начале XVIII в. Поэтому необходимо постоянное обращение к дополнительным источникам, вносящим в них существенные коррективы. Так, во время переписи значительная часть «традиционных» категорий служилых людей из гарнизонов Симбирского уезда была отправлена в Казань «к шамаковому делу», т. е. к строительству судов. Переписчики ту часть военного населения, которая осталась в своих поселениях, указывали в «домех», а об остальных, отправленных временно в Казань, писали – «к шамаковому делу» [15. Ф. 1209. Оп. 4. Ч. II. Д. 5128. Л. 2–195]. Так, по спискам, составленным в симбирской приказной палате, казаков, стрельцов, сызранских и кашпирских солдат насчитывалось в «домех», т. е. в Симбирске и Карсуни, их пригородах, слободах и т. д., 2163 чел., в казанской «посылке» – 1134 чел. [15. Ф. 1209. Оп. 4. Ч. II. Д. 5128. Л. 19–5 об.].

Помимо того, на территории уезда размещались солдаты. По списку «старых солдат» насчитали 1378 чел., а «новоприборных» — 622. Но в прошлом, 1701 г. из этого весьма значительного контингента 1700 чел. «русских... кроме татар и чувашей» были отправлены с полковником Ф. Каром в «свейский поход». Несмотря на столь большую «посылку», резерв для дополнительных наборов в солдатскую службу в Симбирском уезде был весьма велик. По данным переписчиков 1702 г., в солдатских семьях насчитывалось недорослей, «детей и братьев и всяких свойственников, которые в службу поспели» 2498 чел. Характерно, что солдаты «выборного полка» были размещены прежде всего в сельской местности и только сравнительно небольшое количество — в самом Симбирске [15. Ф. 1209. Оп. 4. Ч. II. Д. 5128. Л. 198–441]. Таким образом, к началу XVIII в. численность различных категорий служилых людей в уезде и резервы для их пополнения были весьма значительны.

Сводные данные о гарнизонах засечных черт (Симбирской, Карсунской и западной части Закамской) свидетельствуют, что они состояли из старых традиционных категорий служилого населения: дворян и детей боярских (только по Симбирской черте), казаков и стрельцов, пушкарей и воротников; а также небольшого количества служилых мурз и мордвы (очевидно, последние были записаны в казаки и стрельцы, но данных об этом в источниках мало) (см. табл. 1–3). Численность гарнизонов по Симбирской и Карсунской линиям к началу XVIII в. сократилась едва ли не вдвое по сравнению с данными 1650-х — 1660-х гг. Их основу составляли стрельцы (вследствие массового перевода казаков под Азов и другие города в конце 1690-х гг.). Совершенно очевидно, что эти гарнизоны, размещенные по линии засечных черт, уже не являлись основной военной силой в изучаемом регионе. Они значительно реже, чем ранее, выполняли непосредственно военные задачи. За единичными исключениями количество служилых людей по отдельным слободам не превышало полусотни человек. В среднем на 1 км протяженности Карсунской черты приходилось около 10 служилых людей, Симбирской — несколько менее 9; то есть в 1,52 раза меньше, чем в 1660-е гг.

Перечень военизированных поселений по Симбирской и Карсунской чертам, представленный на 1702 г., интересно сопоставить с данными о селениях, которые собрали воеводы Симбирска и других пригородов и острогов во время переписи оброчных угодий Симбирского уезда 1704 г. [15. Ф. 26. Оп. 2. Д. 54. Ч. IX].

Так, по Симбирской черте процент совпадений оказался достаточно высоким. Практически полное совпадение обнаруживается по слободам, приписанным к пригородам Уренску, Тагаеву и Юшанску (только в одном случае неопределенность), частичное по Симбирску. Можно считать, что в перепись военизированного населения 1702 г. попали почти все поселения, в которых оно размещалось на то время.

По Карсунской черте показатель таких совпадений следует назвать низким. Это можно объяснить тем, что отдельные слободы фактически слились с пригородами и острогами, а большинство сельских военизированных поселений были деревнями, населенными автохтонным населением Среднего Поволжья.

Таким образом, в перепись 1702 г., на наш взгляд, попало большинство поселений с военизированным населением, расположенных по Симбирской, Карсунской и западной части Закамской линий. Данные переписи в целом можно считать вполне отражающим реалии того времени источником. Они достаточно точно представляют «заполненность» служилыми людьми «серединной» части Симбирского уезда, той самой, которая для конца 1640-х — 1660-х гг. являлась территорией пограничья.

Вместе с тем очевидно, что в этом пространстве могли находиться неучтенные переписчиками селения солдат и других категорий военного населения края.

Таблица 1

Служилые люди по Симбирску и Симбирской черте по переписной книге 1702 г.
(«в домех» / в Казани «у шамакового дела») [15. Ф. 1209. Оп. 4. Ч. II. Д. 5128. Л. 1791]

№	Гарнизоны по поселениям	Дворяне и дети боярские	Стрельцы	Казаки	Пушкари	Воротники	Всего
А	Симбирск:	147*	100	–	40	5**	292*
	слободы Симбирска						
1	Подгородная слобода	–	–	44	–	–	44
2	Мостовая слобода	–	–	31	–	–	31
3	Сельдинская слобода	–	–	19	–	–	19
4	Карлинская слобода	–	–	30	–	–	30
Б.	Пригороды						
1	Юшанск	–	–	36	–	–	36
	слободы Юшанска						
	Царевосанчюрская и Уржумская	–	22/28	–	–	–	22/28
	Погребовская	–	25/19	–	–	–	25/19
2	Тагаев	–	–	73/10	–	–	73/10
	слободы Тагаева						
	Цивильская	–	15/33***	–	–	–	15/33
	Ядринская	–	14/21	–	–	–	14/21
3	Уренск	–	–	25/13	–	–	25/13
	Слободы Уренска	–	–	–	–	–	–
	Царевококшайская и Яранская	–	25/19	–	–	–	25/19
	Кузмодемьянская	–	21/26	–	–	–	21/26
	Устюжская и Холмогорская	–	34/34	–	–	–	34/34
	Итого	147	256/180	258/23	40	5	706/203*

* из них выборных – 44, дворовых – 5, городских – 98. Кроме того, указаны еще 50 человек, которые «на службах великого государя в полках служили».

** «симбирские пушкари, которые в толмачах и приставах».

*** стрельцы и казаки.

Интересно сопоставить данные 1702 г. по Симбирской и Карсунской чертам с аналогичными сведениями 1694/1695 г. по пригородам Закамской линии (без ее западной части, входившей в Симбирский уезд).

Всего, по подсчетам переписчиков, в пригородах Закамской черты насчитывалось 291 конный и 1105 пеших казаков и стрельцов. Кроме того, в службу «поспело» 164 конных и 697 пеших недорослей [15. Ф. 1209. Оп. 4. Ч. II. Д. 5124. Л. 55 об.]. Отметим, что сведения по этой черте были составлены до начала массовых переводов служилых людей. Кроме того, Закамская линия в 1690-х гг., да и в начале XVIII в., являлась основным рубежом, защищавшим территории Казанского уезда, располагавшиеся к югу от Камы. Фактически к этой же линии следует прибавить указанные выше гарнизоны Ерыклинска и Белого Яра. Это заставляло держать на ней значительные контингенты воинских сил. Позднее и отсюда начинают снимать служилых людей для различных «посылок». Но и для начала XVIII в. состав основных групп служилых людей в гарнизонах линии практически не изменился по сравнению с предшествующим периодом [15. Ф. 1209. Оп. 4. Ч. II. Д. 5124, л. 6 об.].

Таблица 2

Служилые люди по Карсуну и Карсунской черте по переписной книге 1702 г. («в домех» / в Казани «у шмакового дела») [15. Ф. 1209. Оп. 4. Ч. II. Д. 5128. Л. 92–131]

№	Гарнизоны поселений	Дворяне и дети боярские	Стрельцы	Казачьи конные	Пушкари	Станичные мурзы	Всего
1	г. Карсун	–	142/70	104/46	23*		269/116
	Кандарацкая слобода**	–	–	–	–	20	20
	Кулаевка, дер.	–		–	–	4???* ^{***}	4???* ^{***}
2	г. Малый Карсун	–	100/54	51/22	3	–	154/76
3	Сельдский острог	–	6/2	–	–	–	6/2
4	Ермаковская слобода	–	4/2	–	–	–	4/2
5	Тальский острог	–	19/13	–	–	–	19/13
6	Коноплянская слобода	–	–	20/16	–	–	20/16
7	Чалгаева, дер.?	–	–	11****	–	–	11
8	г. Аргаш со слободами и деревнями??	–	74/37	–	–	–	74/37
9	Чемарн(?)инская слобода	–	11/9	–	8	–	19/9
	Кривая Полатова, дер.	–	–	10/18	–	–	10/18
9	Сурский острог	–	37/14	–	–	–	37/14
	Аксаур, дер.	–	15/15	–	–	–	15/15
	Мамырева, дер.	–	11/4	–	–	–	11/4
	Налитова, дер.	–	–	10***	–	–	10
	Итого:	–	419/220	206/102	34	24	683/322

* «пушкари в домех служб не служат».

** в источниках они нередко именуются деревнями и наоборот.

*** есть сомнения в точности.

**** мордва казаки.

Таблица 3

Служилые люди Ерыклинска и Белого Яра по переписной книге 1702 г. («в домех» / в Казани «у шмакового дела») [15. Ф. 1209. Оп. 4. Ч. II. Д. 5128. Л. 132–159]

№	Гарнизоны по поселениям	Дворяне и дети боярские	Стрельцы	Казачьи	Всего
1	Ерыклинск	–	–	27/272	27/272
2	Белый Яр	–	7/178	–	7/178
	Итого	–	7/178	27/272	34/450

Анализ совокупности имеющихся в нашем распоряжении данных показывает, что военная значимость Симбирского уезда к началу XVIII в. практически не снизилась. За предшествующий период его территория существенно расширилась, прежде всего в южном направлении. Именно там, между Волгой и Сурой на широте Пензы и Сызрани, сложилась новая система военных гарнизонов, призванных защищать вновь осваиваемые

территории. В пограничном Правобережье города-крепости, построенные после 1680 г., стали ядром новой военной системы Южного Средневожья, в которой основную роль играли солдаты. Формирования из служилых людей прежних категорий военизированного населения по прибору и отечеству сохранились в основном в районе старых, построенных в середине XVII в., засечных линий — Карсунской, Симбирской, западной части Закамской. Однако численность гарнизонов на них уменьшилась. Значительная часть военных сил с засечных черт была направлена в «свейский поход» и на «шмаковое дело». В целом в регионе к началу XVIII в. сохранялся довольно высокий уровень мобильности служилых людей.

Библиографический список

1. Бруин К. де. Путешествие через Московию Корнелия де Бруина. М., 1873.
2. Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975.
3. Водарский Я.Е. Население России в конце XVII — начале XVIII века. М., 1977.
4. Дубман Э.Л. Документы Генерального Двора в с. Преображенском как источник по составу и количеству населения русского города рубежа XVII–XVIII вв. // Проблемы российской и социальной истории: сборник научных статей. Самара, 2011.
5. Дубман Э.Л., Малинкин Е.М. Гарнизоны городов Южного Средневожья на рубеже XVII–XVIII вв. на примере Самары, Сызрани и Кашпира // Вестник архивиста. 2012. № 2 (118).
6. Дубман Э.Л. Некоторые демографические особенности развития русского средневекового города (на примере Самары рубежа XVII–XVIII вв.) // Конфликты и компромиссы в европейском обществе в средние века и раннее новое время: сб. ст. в честь доцента Т.С. Никулиной. Самара, 2011.
7. Дубман Э.Л. «Карсунский уезд» во второй половине XVII — начале XVIII века: население и особенности его расселения // Российская деревня в XVIII–XXI веках: социокультурное измерение: сб. статей. Оренбург, 2014.
8. Дубман Э.Л., Малинкин Е.М. «В вышеписанных низовых городех конных и пеших ратных людей по списком...». Смета ратных сил понизовых городов 1704 г. // Исторический архив. 2012. № 5.
9. Клочков М. Население России при Петре Великом по переписям того времени. Том первый. Переписи дворов и населения (1678–1721). СПб., 1911.
10. Лавринова Т.И. Татарский набег 1717 г. на юго-восток России // Вопросы краеведения. Волгоград, 1991. Вып. 1.
11. Лавринова Т.И. Царицынская линия: история строительства в 1718–1720 гг. и первые годы существования: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1990.
12. Максимов Е.К., Мезин С.А. Города Саратовского Поволжья Петровского времени. СПб., 2010.
13. Милюков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. Издание второе. СПб., 1905.
14. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Библиотека. Материалы исторические и юридические района бывшего Приказа Казанского дворца. Т. IX.
15. Российский государственный архив древних актов (РГАДА).

References

1. Bruin C. de. *Puteshestvie cherez Moskoviiu Korneliia de Bruina* [Travel through Muscovy of Cornelis de Bruijn]. M., 1873 [in Russian].
2. Veselovsky S.B. *D'iaki i pod'iachie XV–XVII vv.* [Clerks and scribes of the XV–XVII centuries]. M., 1975 [in Russian].
3. Vodarsky Ya.E. *Naselenie Rossii v kontse XVII — nachale XVIII veka* [The population of Russia at the end of the XVII — beginning of the XVIII century]. M., 1977 [in Russian].

4. Dubman E.L. *Dokumenty General'nogo Dvora v s. Preobrazhenskom kak istochnik po sostavu i kolichestvu naseleniia russkogo goroda rubezha XVII–XVIII vv.* [Documents of the General Court of Preobrazhensky village as the source of the composition and the number of Russian city population at the XVII–XVIII centuries]. In: *Problemy rossiiskoi i sotsial'noi istorii: sbornik nauchnykh statei* [Problems of Russian and social history: collection of scientific articles]. Samara, 2011 [in Russian].

5. Dubman E.L., Malinkin E.M. *Garnizony gorodov Iuzhnogo Srednevolzh'ia na rubezhe XVII–XVIII vv. na primere Samary, Syzrani i Kashpira* [Garrisons of the towns of the Southern Middle Volga Region at the turn of XVIII–XIX centuries on the example of Samara, Syzran and Kashpir]. *Vestnik arkhivista* [Herald of an archivist]. 2012. No. 2(118) [in Russian].

6. Dubman E.L. *Nekotorye demograficheskie osobennosti razvitiia russkogo srednevekovogo goroda (na primere Samary rubezha XVII–XVIII vv.)* [Some demographic peculiarities of development of Russian medieval city (on the example of Samara on the boundary of the XVII–XVIII centuries)]. In: *Konflikty i kompromissy v evropeiskom obshchestve v srednie veka i rannee novoe vremia. Sbornik statei v chest' dotsenta T.S. Nikulinoi* [Conflicts and compromises in the European society in the Middle Ages and early modern times. Collection of articles in honor of associate professor Nikulina T.S.]. Samara, 2011 [in Russian].

7. Dubman E.L. «Karsunskii uezd» vo vtoroi polovine XVII – nachale XVIII veka: naselenie i osobennosti ego rasseleniia [«Karsun county» in the second half of the XVII – beginning of the XVIII century: its population and features of its settlement]. In: *Rossiiskaia derevnia v XVIII–XXI vekakh: sotsiokul'turnoe izmerenie: sb. statei* [Russian village in the XVIII–XXI centuries: socio-cultural dimension: collection of articles]. Orenburg, 2014 [in Russian].

8. Dubman E.L., Malinkin E.M. «V vyshepisannykh nizovykh gorodekh konnykh i peshikh ratnykh liudei po spiskom...». *Smeta ratnykh sil ponizovykh gorodov 1704 g.* [«The grassroots described gorodekh cavalry and infantry fighting men on the list ...». Estimates of martial forces of lowland cities in 1704]. *Istoricheskii arkhiv* [Historical Archive]. 2012. No. 5 [in Russian].

9. Klotchkov M. *Naselenie Rossii pri Petre Velikom po perepisiam togo vremeni. Tom pervyi. Perepisi dvorov i naseleniia (1678–1721)* [Population of Russia in the time of Peter the Great according to the census of the time. Volume One. Census of households and population (1678–1721)]. SPb., 1911 [in Russian].

10. Lavrinova T.I. *Tatarskii nabeg 1717 g. na iugo-vostok Rossii* [Tatar raid of 1717 on the south-east of Russia]. *Voprosy kraevedeniia* [Issues of local lore]. Volgograd, 1991. Issue 1 [in Russian].

11. Lavrinova T.I. *Tsaritsynskaia liniia: istoriia stroitel'stva v 1718–1720 gg. i pervye gody sushchestvovaniia: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Tsaritsyn line: history of construction in 1718–1720 years and the first years of existence: extended abstract of Candidates of Historical sciences thesis]. Voronezh, 1990 [in Russian].

12. Maksimov E.K., Mezin S.A. *Goroda Saratovskogo Povolzh'ia petrovskogo vremeni* [Cities of Saratov Volga region in the Peter's time]. SPb., 2010 [in Russian].

13. Milyukov P.N. *Gosudarstvennoe khoziaistvo Rossii v pervoi chetverti XVIII stoletii i reforma Petra Velikogo. Izdanie vtoroe* [State Russian economy in the first quarter of the XVIII century and the reform of Peter the Great. Second edition]. SPb., 1905 [in Russian].

14. *Gosudarstvennyi arkhiv Ul'ianovskoi oblasti (GAUO). Biblioteka. Materialy istoricheskie i iuridicheskie raiona byvshego Prikaza Kazanskogo dvortsa. T. IX* [State archive of the Ulyanovsk region (GAUO). Library. Historical and legal materials of the former Order of the Kazan Palace district. Vol. IX] [in Russian].

15. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts] (RGADA).

*E.L. Dubman, E.M. Malinkin****DEFENSE LINE GARRISONS OF THE SOUTHERN MIDDLE VOLGA REGION
AT THE BEGINNING OF THE XVIII CENTURY****

The article is dedicated to the study of composition and deployment of military people on the territory of the Simbirsk district. The analysis of aggregate sources indicates that the military value of the garrisons of the county preserved up to the beginning of the XVIII century. However, there have been significant changes in their placement. During the second half of the XVII century county territory has expanded significantly, especially in the southern direction. A set of garrisons, designed to protect newly developed territories, has developed along Penza and Syzran. It became the basis of a new military system of the Southern Middle Volga Region. Service class people formations of the «old» categories (Cossacks, streltsy, local nobles, etc.) preserved mainly on Karsunsk, Simbirsk, the western part of Zakamsk defense lines built in the middle of the XVII century. However, the number of garrisons on them has decreased significantly, and the military significance declined.

Key words: service class people, Cossacks, streltsy, nobles, area of lowland cities, Simbirsk district, defense lines, books of acquisition of conscripted people, general courtyard in Preobrazhensky village.

Статья поступила в редакцию 15/III/2016.
The article received 15/III/2016.

* *Dubman Eduard Leibovich* (dubmane@mail.ru), Department of Russian History, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Malinkin Evgeniy Mihailovich (evmlk@mail.ru), Department of Usage of Archive Documents, Samara Regional State Archive of Social and Political History, 13, Michurina Street, Samara, 443096, Russian Federation.

** *The article is prepared with the financial support from the Russian Foundation for the Humanities, project «Service class people of the Southern Middle Volga region in the XVIIbeginning of the XVIII century», № 15-11-63001 a(r).*

ВЛИЯНИЕ ИНОГОРОДНИХ НА ПОВСЕДНЕВНУЮ ЖИЗНЬ КАЗАЧЬИХ СТАНИЦ

В статье с опорой на архивные материалы и источники личного происхождения дается характеристика особенностям взаимодействия казаков и иногородних, проживающих на казачьих землях, через проявление концепта «свой—чужой». Автор приходит к выводу, что, с одной стороны, присутствие невойскового населения оказывало вредное влияние на старые казачьи традиции, стесняло казаков, уменьшая размеры земельных участков, находившихся в их владении и пользовании, а также вызывало нежелание казаков заниматься промыслами. С другой стороны, появление иногородних на казачьих землях способствовало экономическому развитию территорий казачьих войск.

Ключевые слова: казачество, повседневная жизнь, концепт «свой—чужой», иногородние, невойсковое сословие.

Формирование особого локального казачьего мира повлияло на самоопределение казачества как сословия, отличного от других групп населения России. Это особенно проявилось в отношении к людям невойскового сословия. До 1861 г. постоянная оседлость невойскового населения на казачьей территории не допускалась. Основным контингентом иногородних в это время были беглые крепостные крестьяне, мещане, а также некоторые категории государственных крестьян и среди них однодворцы, отставные солдаты и их семьи, казаки, вышедшие из состава казачьих полков, мастеровой люд и торговцы. Иногородних разыскивали и высылали. В то же время местная администрация была заинтересована в использовании труда крестьян [15].

После отмены крепостного права крестьяне центральных губерний России в поисках земли и заработка устремились на окраины страны — в места, где не было помещичьего землевладения и земельной тесноты. С 1868 г. иногородним было разрешено селиться на казачьих землях согласно указу «О дозволении лицам невойскового сословия приобретать недвижимую собственность в казачьих землях»: «...во всех без изъятия казачьих войсках русские подданные невойскового сословия получили право приобретать в собственность существующие на войсковых, городских и станичных землях дома и всякого рода строения на общем основании, не испрашивая согласия ни войскового начальства, ни городского или станичного общества. При этом земля продолжала оставаться собственностью войска».

Среди представителей невойскового сословия можно выделить три группы: 1) иногородние, имеющие оседлость; 2) иногородние, оседлости не имеющие; 3) коренные жители невойскового сословия.

К первой группе относились жители, приобретшие в станицах в собственность усадебные постройки с правом потомственного пользования находящейся под пост-

* © Годовова Е.В., 2016

Годовова Елена Викторовна (godovova@mail.ru), кафедра гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Академия при Президенте Российской Федерации (Оренбургский филиал), 460000, Российская Федерация, г. Оренбург, ул. Курача, 26.

ройкой земли и с обязательством уплачивать за такое пользование «посаженную плату» до 10 рублей в год (за каждую сажень земли).

Лица второй группы проживали на квартирах или частновладельческих землях в качестве арендаторов или нанимались в батраки к станичным богатеям. Положение этих людей было крайне тяжелым, поскольку из-за малочисленности группы они не имели оседлости.

В третью группу входили те, кто устроился на казенных землях или приобрел земельные участки на правах частной собственности [15].

Применение закона о разрешении селиться на войсковой территории лицам невойскового сословия привело к переполнению иногородними жителями территорий казачьих войск.

По данным Л.И. Футорянского, удельный вес невойскового населения по отдельным казачьим областям на войсковой территории в 1900 г. составлял: в Терском – 80,4 %, Донском – 57,2 %, Кубанском – 55,4 %, Уральском – 45,6 %, Сибирском – 42,3 %, Семиречинском – 19,9 %, Оренбургском – 17,5 %, Астраханском – 14,2 %, Амурском – 12,1 %, Забайкальском – 3,4 %, Уссурийском – 2,2 %. В самих же станицах иногородние составляли 24 %. В Донском – 13 %, Кубанском – 43 %, Терском – 12 %, Оренбургском – 14 %, Уральском – 26 %, Астраханском – 16 %, Семиречинском – 21 %, Забайкальском – 3 %, Амурском – 11 %, Уссурийском – 2 %. Следовательно, налицо было компактное казачье большинство [18, с. 50–51].

Присутствие невойскового населения оказывало вредное влияние на старые казачьи традиции, стесняло казаков, уменьшая размеры земельных участков, находившихся в их владении и пользовании [12. Л. 105 об.], а также вызывало нежелание казаков заниматься промыслами. Казаки не любили ремесленничать, считая, что портняжничать, валенки валять, крышу чинить – это удел иногородних [9, с. 40–41].

К примеру, Самохвалов – недавний житель станицы, прибывший из Орловской губернии. Там он занимался крестьянством, но земли было так мало, что она не прокармливала семью. Приходилось заниматься другим ремеслом; в свободное время ходил в город, работал жестянщиком, маляром, но и этого было недостаточно для сносной жизни. А тут пошли дети – лишние рты. Заработка не хватало. Прослышал Самохвалов, что есть такая сытая страна, где из земли чуть ли не масло течет, где голодных никогда не бывает, потому что закрома у каждого набиты наливным зерном.

Распродав пожитки, усадил Самохвалов семью в поезд и поехал искать счастья и хлеба в этой заманчивой стране. Неприветливо встретила Донщина незваного пришельца. Два года перебирался он с семьей с хутора на хутор, ища такого места, где можно было обжиться своим хозяйством. Но такое желание «мужика» казаки всегда встречали сурово. Для «неказачьего» населения вводилась строгая регламентация на занятия различными видами хозяйственной деятельности. «Мужику» на казачьей земле самостоятельно сельским хозяйством заниматься нельзя. Его дело – батраком быть». Но Самохвалов – гордый «мужик», его не заставишь батрачить. Да и притом какой смысл: если бы он ремесла не знал, тогда другое дело. И решил Самохвалов отбросить пока что мечту в казачьем плодородном крае завести хозяйство.

Перебрался он в станицу Садковскую, вырыл себе землянку и стал промышлять ремеслом, а это оказалось небезвыгодным делом [9, с. 40–41], т. к. казаки ремесленничать не любили.

Дмитрий Петров в «Сказаниях о казаках» описывает интересный сюжет о том, как к дочери станичного атамана посватался молодой иногородний приказчик, атаман же и слушать не хотел – не понравился ему жених из иногородних. Но дочь настояла на своем, предъявив отцу ультиматум: если не выйдет замуж за приказчика, уйдет в монастырь. Атаману ничего не оставалось делать, как дать свое согласие. Однако атаман все время думал о зачислении зятя в казаки и, прося об этом проверяющего

станицу министра Куропаткина, говорил ему: «В казаки больно хочет он... тяготится мужичьим состоянием» [9, с. 29]. Следует отметить, что прием в казаки в пореформенный период был строго индивидуальным, ограниченным, поскольку рост казачьего населения негативно отражался на размерах паев.

Положение иногородних было незавидным. Один из священников так описывает положение крестьян, проживающих на территории Кубанского казачьего войска: «...оплачивая каждый шаг своей жизни, каждый вершок занимаемой земли, каждую голову хозяйственной животины, неся большую и труднейшую часть общественных повинностей, отбывая целиком повинности государству, сами ровно ничего ниоткуда и ни от кого не получают, живут без всяких прав, чужими между своими же русскими людьми казаками, которые все на каждом шагу дают им чувствовать как свое хозяйское преимущество, так равно и их полную, хуже крепостной, зависимость» [6, с. 91].

Казаки по-разному относились к иногородним. Однажды на джигитовке в одной из станиц Донского казачьего войска свое мастерство показал иногородний человек, проживающий в казачьей станице. По толпе пронесся возбужденный говор. Кто восторгался, а кто и возмущался: «мужик проклятый!», «опозорил казаков!» и т. д. [9, с. 26–27].

Сами иногородние говорили, что казаки смотрели на них «как турки на крестьян» [6, с. 91]. В пьесе «Маруся-казачка» Митрофана Седина так показано отношение к иногородним: «Разве можно жить тут, когда тебя каждый пьяница в черкеске называет бродягой – бездомной собакой. Здесь куском хлеба подавишься. Презирают, будто бы мы пришли из какой-нибудь турецкой или другой поганой земли, а не из православной святой Руси» [17]. Иногороднему необходимо было заслужить уважение казаков. Эта тенденция прослеживалась с детства. В своих воспоминаниях В. Прихода пишет о том, как учился в министерско-приходской одноклассной школе на хуторе Сосыкском, где среди казачат-учеников и казака-учителя он был один «из городовицких детей». От его способностей в учении зависело и отношение к нему. «Если бы я плохо учился и учитель был мною не доволен, казачата заклевали бы меня», – пишет он [10, с. 134]. Мальчик оказался хорошим учеником и помогал своим товарищам, когда они чего-то не понимали. В конце учебного года он был награжден похвальным листом, чем очень порадовал своих родителей [10, с. 135].

Необходимость пополнения станичных обществ, особенно ремесленными умельцами, способствовало восприятию казаками представителей невоевского сословия «своими». Например, беспаспортный человек Андрей Симоненко вольготно чувствовал себя в станице Староминской и даже почитался за казака [2. Л. 1, 3]. Астраханский казак В.И. Лисунов в своих записках характеризует иногородних как людей, необходимых станичникам. Сапожник («чеботарь») делал казакам необходимую обувь (сапоги и бахилы), плотники строили казакам дома в любое время года, шерстобиты приходили валять валенки, точильщик точил ножи и ножницы (топоры казаки точили сами), стекольщик появлялся вставлять стекла (его услуги стоили очень дорого), лудильщик чинил самовары, маляр ежегодно нанимался красить комнаты в домах станичников. Частым гостем в станице Дурновской был агент швейного предприятия «Зингер и К°», приходивший собирать денежные взносы за купленные казачками в рассрочку швейные машинки [14, с. 224].

Появление иногородних на казачьих землях способствовало и развитию земледелия. Так, благодаря иногороднему населению в Кубанской области одновременно с расширением площади запашек начинают входить в употребление и чрезвычайно быстро распространяться улучшенные земледельческие орудия. Примитивный плуг быстро выходит из употребления. Его заменяют улучшенным иностранного (потом и русского) производства. Повсеместно в употребление входят веялки-сортировки,

косилки, сеялки, молотилки. Согласно данным Мельникова за 12 лет в пределах станиц у коренного и иногороднего населения количество улучшенных орудий возросло с 39 919 в 1886 году до 194 840 в 1898 году [8, с. 87].

Далеко не редкостью были уже в конце XIX — начале XX века браки между казаками и иногородними, а также отстаивание общих интересов станицы. В 1882 г. в ответ на статью в «Кубанских областных ведомостях» священника станицы Курчанской, который обиделся на своих станичников и нелестно отозвался о жителях неказачьего происхождения, казаки писали: «Неуместны выражения, относящиеся [...] к армейскому офицеру, и мужику в пестрых штанах, и к бывшему бродяге Ивану, так как все эти лица теперь наши братья» [7, с. 229].

Известны были случаи пожертвований в пользу иногородних. Уральские войсковые ведомости свидетельствуют, что казак Павел Филимонович Сладков и его жена Екатерина Павловна для увековечивания памяти скончавшейся 8 марта 1911 года их дочери Любви Павловны Сладковой сделали следующие пожертвования: внесли в Хозяйственное правление четырнадцать тысяч рублей наличными деньгами с тем, чтобы из этих денег на четыре тысячи рублей были учреждены при Уральской войсковой женской гимназии две стипендии, по две тысячи каждая, для учениц этой гимназии без различия сословий и десять тысяч рублей, составившие капитал, на проценты с которого содержалась при Уральской Войсковой больнице кровать имени Любви Павловны Сладковой для беднейших лиц иногороднего сословия [16].

В целом же негативное отношение к иногородним сохранялось, и оно было не случайным. Например, на Кубани начиная с 70-х гг. XIX в., несмотря на экономическую развитость, казачьи хозяйства уступали крестьянским. Д.Ф. Сафонов отмечает в своих воспоминаниях, что на фоне станичных хлеборобов-казаков хуторяне жили значительно лучше [13]. Это замечает и статистический обозреватель, указывая на то, что отношения между пришлым иногородним элементом и казаками все более обостряются. Казаки станицы Новоминской Кубанского казачьего войска говорили, что прежде им жилось лучше, когда не было «городовиков» [5, с. 642]. Примечателен и такой факт, что в среде дальневосточного казачества, несмотря на дефицит женщин, крестьянок замуж не брали. Если не удавалось жениться на казачке, крестьянке предпочитали мещанку [1, с. 190].

Казаки понимали, что военная служба в новых экономических условиях является тяжелым бременем, консервирующим хозяйство. Идеологи казачества заговорили об «оскудении казачества» и постарались искать виновников на стороне — в лице все увеличивающегося количества иногородних, причем не только за счет миграции, но и благодаря высокой рождаемости [11. Л. 165]. «К сожалению, за последнее время в станицах хоперского полкового округа иногородний элемент быстро начинает увеличиваться, что оказывает на казачье население крайне ослабляющее действие», — пишет В. Толстов [4, с. 192] в Истории Хоперского полка Кубанского казачьего войска и считает, что браки между лицами войскового и невойскового сословия неблагоприятно влияют на упрочение боевых традиций и военных качеств казаков.

Заведующий училищем станицы Чамлыкской Е.П. Рясинский, рассказывая о вражде казаков и иногородних, отмечал в 1904 г., что «казачье население нравственно и экономически являлось лицом страдательным». Вся торговля, земледелие, скотоводство, огородничество и т. д. находятся в руках мелких торговцев и кулаков, которые, пользуясь острою нуждою казака, «дерут с него при тех или других обстоятельствах по три шкуры». Кроме этого, пришлый элемент явился нравственным деморализатором казачьего населения, малоопытного и малоустойчивого при влиянии на него посторонней силы. Не имея постоянной жизни и хозяйства, эта значительная часть пришлого населения проводит время в разгуле, воровстве и своим примером нередко увлекает казака, «являясь неотлучным спутником при казацкой невзгоде, которая нередко заливадается горькой» [3. Л. 22 об. — 23].

Итак, начиная с 70-х гг. XIX в. народонаселение, проживающее на территории казачьих войск, приобретает неоднородный состав. Появление новых людей воспринимается с позиции «свой–чужой». Процессы капитализации, тяготы военной службы и неумение использовать паи ухудшили положение казачества. Виновником этого считали иногородних, несмотря на то что они жили в своей массе гораздо беднее казаков [17]. С начала XX в. наблюдается рост недовольства своим положением невоинского населения в казачьих регионах, что проявляется в массовых и организованных выступлениях.

Библиографический список

1. Аргудяева Ю.В. Хозяйственный и семейный быт дальневосточных казаков во второй половине XIX в. // Казачество Дальнего Востока России в XVII–XXI вв.: к 120-летию Уссурийского казачьего войска: сб. науч. ст. Вып. 2. / Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН; Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова. Хабаровск, 2009.
2. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 396. Оп. 1. Д. 1115.
3. ГАКК. Ф. 670. Оп. 1. Д. 4.
4. История Хоперского полка Кубанского казачьего войска. 1696–1896: в 2 ч. / сост. есаул I Кубанского полка В. Толстов; под ред. Потто. Тифлис, 1901.
5. Кириллов П. Новоминская станица. Статистическое описание // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1888. Т. 1.
6. Котов С.Н. Особенности духовной культуры крестьянства Северного Кавказа в XIX начале XX вв. // Итоги фольклорно-этнографических исследований этических культур Северного Кавказа за 2001 год. Дикаревские чтения (8). Краснодар: Изд-во «Крайбибколлектор», 2002.
7. Матвеев О.В. Кубанское казачье войско (1860 – начало XX столетия) // Очерки истории и культуры казачества Юга России: коллективная монография / под ред. Г.Г. Матишова, И.О. Тюменцева; Южный научный центр Российской академии наук; Волгоградский филиал ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ». Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2014.
8. Мельников Л.М. Иногородние в Кубанской области // Кубанский сборник. Т. VI. Екатеринодар, 1900.
9. Петров (Бирюк) Д.И. Сказание о казаках. Роман-трилогия. М.: Вече, 1993.
10. Прихода В. Записки непокорного // Родная Кубань. 1999. № 3.
11. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1276. Оп. 17. Д. 44.
12. РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. Д. 43.
13. Сафонов Д.Ф. По дорогам XX века, 2004. URL: <http://kubangenealogy.ucoz.ru/index/memuary/0-166>.
14. Тропиницын И.В. Записки В.И. Лисунова как источник по истории станицы Дурновской Астраханского казачьего войска конца XIX – начала XX вв. // Источниковедческие проблемы в исследованиях по истории казачества XX века: Всероссийская научно-практическая конференция (2013 г., Волгоград) / отв. ред. И.О. Тюменцев; Волгоградский филиал РАНХиГС. Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2013.
15. Узлов Ю.А. Особенности колониальной политики России на Северном Кавказе // Теория и практика общественного развития. 2011. № 3. URL: http://teoriapractica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala2011/3/istoriya/uzlov.pdf.
16. Уральские войсковые ведомости. 1911. 11 мая.
17. Федина И.М. Кубанское казачество и иногороднее население на рубеже XIX–XX вв. как отражение социальных парадигм кубанской станицы // Теория и практика общественного развития. 2012. № 2. URL: <http://www.teoria-practica.ru>.
18. Фуроранский Л.И. Казачество России на рубеже веков. Оренбург, 1997.

References

1. Argudiaeва Iu.V. *Khoziaistvennyi i semeinyi byt dal'nevostochnykh kazakov vo vtoroi polovine XIX v.* [Economic and family household of Far East Cossacks in the second half of the XIX century]. In: *Kazachestvo Dal'nego Vostoka Rossii v XVII–XXI vv.: k 120-letiiu Ussuriiskogo kazach'ego voiska: sb. nauch. st. Vyp. 2.* [Cozatsvo of the Far East of Russia in the XVII–XXI century: on the 120 year anniversary of Ussuri Cossack Army: collection of research articles. Issue 2]. Institute of history, archaeology and ethnography of peoples of the Far East FEB RAS; Khabarovsk regional museum named after N.I. Grodekov. Khabarovsk, 2009 [in Russian].
2. *Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraia (GAKK)* [State archive of the Krasnodar region]. F. 396. Op. 1. D. 1115 [in Russian].
3. GAKK. F. 670. Op. 1. D. 4. [in Russian].
4. *Istoriia Khoperskogo polka Kubanskogo kazach'ego voiska. 1696–1896. Sost. esaul I Kubanskogo polka V. Tolstov. Pod red. Potto. V 2-kh chastiakh* [History of Khoper regiment of the Kuban Cossack army. 1696–1896. Compiler esaul of the I Kuban regiment V. Tolstoy. Potto (Ed.). In 2 parts]. Tiflis, 1901 [in Russian].
5. Kirillov P. *Novominskaia stanitsa. Statisticheskoe opisaniie* [Novominskaya stanitsa. Statistical description]. In: *Kubanskii sbornik* [Kuban collected book]. Ekaterinodar, 1888. Vol. 1 [in Russian].
6. Kotov S.N. *Osobennosti dukhovnoi kul'tury krest'ianstva Severnogo Kavkaza v XIX – nachale XX vv.* [Peculiarities of spiritual culture of peasantry of the North Caucasus in the XIX – beginning of the XX century]. In: *Itogi fol'klorno-etnograficheskikh issledovanii eticheskikh kul'tur Severnogo Kavkaza za 2001 god. Dikarevskie chteniia (8)* [Results of folklore and ethnographic researches of ethical cultures of the North Caucasus for 2001. Dikarev readings (8)]. Krasnodar: Izd-vo «Kraibibkollektor», 2002 [in Russian].
7. Matveev O.V. *Kubanskoe kazach'e voisko (1860 – nachalo XX stoletia)* [Kuban Cossack Army (1860 – beginning of the XX century)]. In: *Ocherki istorii i kul'tury kazachestva Iuga Rossii: kollektivnaia monografiia. Pod red. G.G. Matishova, I.O. Tiumentseva* [Sketches of history and culture of the Cossacs of the South of Russia: multi-authored monograph. G.G. Matishova, I.O. Tyumentseva (Eds.)]; Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences; Volgograd branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Volgograd: Izd-vo Volgogradskogo filiala FGBOU VPO RANKhiGS, 2014 [in Russian].
8. Mel'nikov L.M. *Inogorodnie v Kubanskoii oblasti* [Foreigners in the Kuban region]. In: *Kubanskii sbornik* [Kuban collected book]. Ekaterinodar, 1900, Vol. 6 [in Russian].
9. Petrov (Biriuk) D.I. *Skazanie o kazakakh. Roman-trilogiia* [Legend of Cossacs. Trilogy of novels]. M.: Veche, 1993 [in Russian].
10. Prikhoda V. *Zapiski nepokornogo* [Notes of disobedient]. In: *Rodnaia Kuban'* [Native Kuban]. 1999. No. 3 [in Russian].
11. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA)* [Russian State Historical Archive]. F. 1276. Op. 17. D. 44 [in Russian].
12. RGIA. F. 1263. Op. 4. D. 43 [in Russian].
13. Safonov D.F. *Po dorogam XX veka* [Along the roads of the XX century], 2004. Retrieved from: <http://kubangenealogy.ucoz.ru/index/memuary/0-166> [in Russian].
14. Tropinitsyn I.V. *Zapiski V.I. Lisunova kak istochnik po istorii stanitsy Durnovskoi Astrakhanskogo kazach'ego voiska kontsa XIX – nachala XX vv.* [Notes of V.I. Lisunov as a source on the history of stanitsa Durnovskaya of Astrakhan Cossack Army of the end of the XIX – beginning of the XX century]. In: *Istochnikovedcheskie problemy v issledovaniakh po istorii kazachestva XX veka: Vserossiiskaia nauchno-prakticheskaiia konferentsiia (2013 g., Volgograd). Otv. red. I.O. Tiumentsev* [Historiographic problems in the researches on the history of the Cossacks of the XX century: All-Russian research and practical conference (2013, Volgograd). I.O. Tyumentsev (Ed.)]; Volgograd branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Volgograd: Izd-vo Volgogradskogo filiala FGBOU VPO RANKhiGS, 2013 [in Russian].
15. Uzlov Iu.A. *Osobennosti kolonial'noi politiki Rossii na Severnom Kavkaze* [Peculiarities of colonial policy of Russia on the North Caucasus]. In: *Teoriia i praktika obshchestvennogo razvitiia* [Theory and practice of social development]. 2011. No. 3. Retrieved from: http://teoriapractica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala2011/3/istoriya/uzlov.pdf [in Russian].

16. *Ural'skie voiskovye vedomosti* [Ural army bulletin]. No. 38 dated May 11, 1911 [in Russian].
17. Fedina I.M. *Kubanskoe kazachestvo i inogorodnee naselenie na rubezhe XIX–XX vv. kak otrazhenie sotsial'nykh paradigm kubanskoj stanitsy* [Kuban Cossacs and foreign population on the boundary of the XIX–XX centuries as a reflection of social paradigms of Kuban stanitsa]. In: *Teoriia i praktika obshchestvennogo razvitiia* [Theory and practice of social development]. 2012. No. 2. Retrieved from: <http://www.teoria-practica.ru> [in Russian].
18. Futoriatsky L.I. *Kazachestvo Rossii na rubezhe vekov* [The Cossacs of Russia at the turn of the century]. Orenburg, 1997 [in Russian].

*E.V. Godovova**

INFLUENCE OF NON-RESIDENTS ON THE DAILY LIFE OF COSSACK VILLAGES

Relying on archival materials and sources of personal origin, the characteristics of interaction of the Cossacks and non-residents living on the Cossack lands through the manifestation of «own alien» concept are presented in the article. The author concludes that, on the one hand, presence of non-residents has a detrimental effect on the old Cossack tradition, embarrassed Cossacks, reducing the size of land plots that were in their possession and use, as well as causing the reluctance to engage in fisheries. On the other hand the appearance of non-residents on the Cossack lands contributed to the economic development of territories of the Cossack troops.

Key words: Cossacks, daily life, concept «own–alien», non-resident, non-troop class.

Статья поступила в редакцию 15/VI/2016.
The article received 15/VI/2016.

* *Godovova Elena Viktorovna* (godovova@mail.ru), Department of Humanitarian and Social and Economic Disciplines, Orenburg branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 26, Kuracha Street, Orenburg, 460000, Russian Federation.

САМАРСКИЙ ГУБЕРНАТОР А.Д. СВЕРБЕЕВ**

В статье рассматриваются биография и свойства личности самарского губернатора Александра Дмитриевича Свербеева на основе документов личного происхождения. Показаны основные направления его административной деятельности, даются характеристики социально-экономического развития Самарской губернии в конце XIX в.

Ключевые слова: история России XIX–XX вв., губернатор, биография, А.Д. Свербеев, Самарская губерния.

Александр Дмитриевич Свербеев (1835–1917) представляет собой яркий пример талантливого русского администратора конца XIX – начала XX в. Он принадлежал к известному московскому дворянскому роду. Отец, Дмитрий Николаевич Свербеев (1799–1874), – общественный деятель, яркий представитель московских интеллектуальных кругов середины XIX в. Мать, Елена Александровна (урожденная княгиня Щербатова), являлась хозяйкой популярного московского салона. Среди корреспондентов Е.Д. Свербеевой были К.С. Аксаков, И.С. Аксаков, С.Г. Волконская, Н.И. Тургенев, Н.В. Гоголь, В.И. Сологубов. Семья владела обширными поместьями в Московской, Тульской, Орловской и Тверской губерниях. Дом Свербеевых был одним из центров «возрождения» общественно-политического движения в Москве 1840-х гг. Характерно, что Дмитрий Николаевич Свербеев очень тесно, дружески общался как с «западниками», так и со «славянофилами», особенно сближаясь с последними в религиозных вопросах, но сознательно избегал отнесения к тому или иному течению, считая себя человеком «меры» и «практики». Сохранившиеся «Воспоминания» Д.Н. Свербеева представляют собой ценнейший источник изучения российского общества первой четверти XIX в. Таким образом, годы юности и формирования мировоззрения сына Д.Н. Свербеева, Александра, пришлись на период «замечательного десятилетия». Очевидно, что он был непосредственным свидетелем жарких споров «западников» и «славянофилов» в доме отца [11, с. 5].

В 1856 г. А.Д. Свербеев окончил Московский университет, где слушал курсы лекций Т.Н. Грановского, С.М. Соловьева. В том же году началась его служба в Министерстве внутренних дел. Благодаря личным способностям и обширным семейным знакомствам (родной брат Федор Дмитриевич – камергер, курляндский губернатор), служба его продвигалась быстро. Начало карьеры совпало с подготовкой и реализацией отмены крепостного права, а личный вклад Александра Дмитриевича был отмечен знаком отличия «За поземельное устройство государственных крестьян» (1866 г.). Уже в 1864 г. Свербеев получил придворное звание камер-юнкера, а 28 марта 1871 г. стал действительным статским советником [1, с. 148].

* © Кабытов П.С., Тюрин В.А., 2016

Кабытов Петр Серафимович (don.kabytov2012@yandex.ru), *Тюрин Вадим Александрович* (vad.im@inbox.ru), кафедра российской истории, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

** Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-11-63002.

До 1878 г. он занимал место костромского вице-губернатора. В 1878–1891 гг. находился на посту самарского губернатора. Именно этот важнейший этап в его карьере станет предметом исследования в данной статье.

Должность губернатора в системе местного управления российских регионов являлась ключевой, замыкающей на себя основные управленческие сферы. Законодательство Российской империи вполне обыденно употребляло синоним названия этой должности – «начальник губернии». Губернатор был обязан контролировать и координировать деятельность более чем десятка административных учреждений самого разного характера деятельности. Сложность и ответственность данной работы предьявляли жесткие требования к личности, свойствам характера губернатора. За каждым действием, решением, словом «хозяина губернии» стояли особенности характера, поведения, его внутренний мир и переживания.

На губернаторском посту А.Д. Свербеев пребывал в период царствования Александра III, характеризующийся серьезными переменами в деятельности учреждений самоуправления, которые попали под сильнейшую опеку именно губернаторской власти. Кроме того, аппарат губернской администрации значительно разросся, в подчинении губернатора были созданы новые властные структуры, важнейшей из которых становится институт земских участковых начальников (1889 г.). Наиболее интенсивно, порой проблемно административные реформы реализовывались на окраинах Империи, в том числе на «внутренних окраинах», таких как Среднее Поволжье [4, с. 291].

Самарскому губернатору Александру Дмитриевичу Свербееву пришлось в полной мере столкнуться с названными выше проблемами и трудностями. В 1870–1880-е гг. Самарская губерния демонстрировала высочайшие показатели социально-экономического развития и товарного производства зерна, здесь возникла новая российская житница, а Самара стала важным волжским промышленным и транспортным центром. За годы службы А.Д. Свербеева население этого губернского города выросло примерно на 30 % (с 75 тыс. чел. в 1884 г. до 92 тыс. в 1893 г.). В Самарской губернии были открыты промышленные предприятия всероссийского значения (механический завод Бенке-Лебедева, Жигулевский пивоваренный завод), появились водопровод, несколько электростанций, десятки паровых мельниц и т. д. [3, с. 230].

Назначение А.Д. Свербеева в Самару на должность губернатора последовало 23 октября 1878 г. Современники отмечали ярко выраженные административные способности самарского губернатора, включающие в себя склонность к систематизации, ответственность, наблюдательность и работоспособность.

Особо отметим семейную традицию Свербеевых скрупулезно фиксировать этапы жизненного пути в мемуарах и литературных записках. Наиболее известным исследователям и хорошо изученным документом являются «Записки» главы семейства Д.Н. Свербеева [9]. Однако до сих пор в научный оборот не введены воспоминания и дневники его сына Александра Дмитриевича. Эти дневники сохранились в Российском государственном архиве литературы искусств и представляют собой тетради с записями за 1877–1898 гг. [5. Д. 81–102]. Дневниковые записи были начаты еще в период службы в Костроме, продолжались в Самаре и Санкт-Петербурге. Кроме того, сохранились и непосредственно «Воспоминания», в которых он рассказывает о своем детстве, семье, учебе в университете, подробно описывает свою службу, вплоть до вице-губернаторства в Костроме [5. Д. 103].

Дневниковые записи и личные документы демонстрируют демократичность Александра Дмитриевича, уважительное отношение к подчиненным и свободу от постороннего влияния [1, с. 148]. Однако определяющим качеством этого человека следует назвать чувство долга. Особенностью дневника явился его личный характер, автор никогда не планировал его публикации. Эта особенность увеличивает ценность доку-

мента, где автор искренне выражает свои мысли, не опасаясь реакции со стороны. В дневнике зафиксированы ежедневные дела имперского чиновника. Личный характер документа позволяет автору отмечать не только события, происходившие на службе, но и выражать мнение о знакомых, светской жизни, литературе, музыке и т. д.

Записи 1877 г. содержат сведения о службе Свербеева в Москве и Санкт-Петербурге, в них много наблюдений об административной деятельности высшей бюрократии и о светской жизни в столице. Дневниковые записи зафиксировали богатый материал о реакции российского общества на Русско-турецкую войну 1877–1878 гг. Знакомые Свербееву военные чины докладывали об интригах, коррупции и бездарности высшего командования. Так, полковник С. Бутурлин рассказал о распрях между генералами на кавказском фронте, при этом русские солдаты, как и прежде, демонстрировали героизм вопреки нехватке пропитания и обмундирования [5. Оп. 1. Д. 81. Л. 2, 9].

Безусловно, центральной частью дневника А.Д. Свербеева являются эпизоды деятельности на посту самарского губернатора. Попытаемся рассмотреть основные направления его административной деятельности на основе дневника и делопроизводственных документов губернской администрации.

Важной темой дневниковых записей губернатора стало общественное движение. Внимание губернатора привлекало народничество, он приводит информацию о найденных прокламациях. Но в дневнике делается вывод, что народничество не находит отклика в крестьянской среде. Эти идеи распространялись преимущественно в учебных заведениях. Иными словами, за крестьянское население губернии А.Д. Свербеев был спокоен, в личных встречах с сельскими обывателями и в беседах с местными помещиками он убеждался в верноподданнических настроениях крестьян.

В целом губернатор был отлично знаком с крестьянской жизнью важного для экономики Российской империи региона. Дневник полон описаниями поездок по уездам и волостям. В нем приведены сведения об экономическом состоянии крестьянского хозяйства, отмечается значительное расслоение крестьян и негативное воздействие этого явления. А.Д. Свербеев досконально знал экономику крестьянского социума Среднего Поволжья. Уже в 1889 г. он сообщал центральным властям, что поток переселенцев в губернию слишком велик, что обусловило недостаток скота и инвентаря. По его мнению, данный факт мог сказаться в голодные годы, следовательно, «стихийное переселение желательно ограничить» [12, Оп. 233. Д. 945. Л. 30 об.]. Действительно, в 1890 г. было собрано всего 46 млн пудов хлеба, ситуация отнюдь не самая бедственная (урожаи в предыдущие годы составляли в среднем 6070 млн пудов), но он вновь пишет о своих опасениях. В отчете губернатор представил императору обширное рассуждение о мерах по поддержанию и развитию хозяйства в губернии. И действительно А.Д. Свербеев оказался провидцем. Уже в 1891 г. было собрано лишь 24,3 млн пудов (посеяно 19 млн) и разразился печально знаменитый голод 1891–1892 гг., одним из следствий которого было отстранение самого А.Д. Свербеева, задолго до голода отмечавшего пороки и беды местного крестьянского хозяйства.

Характеризуя эпизоды формирования и захвата власти в деревне «мироедами», губернатор объяснял это явление «уговорами на водке» [5. Оп. 1. Д. 94. Л. 127]. С этим перекликается «Всеподаннейший отчет Самарского губернатора за 1885 г.», где А.Д. Свербеев выражал довольно консервативные мысли: «...выбор мировых судей и членов уездных крестьянских присутствий находится в прямой зависимости от борьбы партий и интриг... необходимо... чтобы [они] назначались по определению от правительства» [6]. Эта фраза в губернаторском отчете была подчеркнута карандашом собственной рукой императора Александра III.

Описывая уездную жизнь губернии, А.Д. Свербеев не забывает и нерусское население. Им представлена яркая картина посещений киргизских кочевий, их бедность

и «первобытность» образа жизни. Визиты на юг губернии дали ценную информацию о немецких поселениях, которые, напротив, своим уровнем культуры и общим порядком заметно «возвышались» над остальными этносами региона.

Много внимания губернатор А.Д. Свербеев уделял вопросам развития образования и распространения культуры. В дневнике губернатор отмечал, что его предшественники сделали мало в данном направлении. По результатам многочисленных инспекционных поездок он составил описание школ губернии. Инспекции не были простой формальностью, каждая из поездок была нацелена на улучшение образовательной системы. Так, и в дневнике, и в материалах Самарской городской думы зафиксировано указание губернатора на «недостаток воздуха в городских училищах» (имеется в виду крайне ограниченное пространство помещений, приходящееся на одного ученика), с поручением Думе устранить недостаток [5. Оп. 1. Д. 83. Л. 45 об.].

Социокультурная сфера была близка самарскому губернатору. В 1888–1891 гг. он занимал должность председателя правления самарского «Общества любителей музыки и драматического искусства», являлся председателем окружного правления «Общества спасения на водах». В губернаторском доме регулярно устраивались музыкальные вечера. В 1891 г. он содействовал купеческой семье Курлиных в открытии училища для слепых детей в Самаре.

Не менее значимы для А.Д. Свербеева были вопросы медицинского обеспечения местного населения. В дневниковых записях находим перечисление мер, направленных против распространения эпидемий; он приводит данные о смертности, здесь же рассыпаны его впечатления о больницах. В январе 1879 г. А.Д. Свербеев предложил городским управам губернии немедленно составить и далее передать на рассмотрение полиции обязательные постановления по здравоохранению. Кроме того, губернатор распорядился «немедленно принять меры к очищению городских площадей, улиц и других публичных мест в городах» [12. Оп. 199. Д. 24. Л. 4 об.]. В апреле 1880 г. губернатор А.Д. Свербеев просил Самарскую городскую думу принять меры к предотвращению развития дифтерита, отдельные случаи которого не прекращались в Самаре. По мнению губернатора, принимаемые меры должны заключаться в строгом соблюдении «обязательных постановлений по охране общественного здоровья», принятых Думой в 1871 и 1879 гг. Думе было предписано вновь опубликовать данные постановления не только в «Губернских ведомостях», но и в виде бесплатных листовок для жителей города тиражом в 4 тысячи экземпляров [10, с. 154].

В 1879 г. Самарская городская дума закрыла временный городской приемный покой (в нем только давались консультации и осуществлялась неотложная помощь). Губернатор вполне правомерно опротестовал это решение. В своем письме в Думу он подчеркнул выгоды от функционирования приемного покоя на постоянной основе и настойчиво «рекомендовал» возобновить работу этой больницы [12. Оп. 45. Д. 16. Л. 34]. Позднее, в августе 1880 г., губернатор предложил открыть небольшую «больничку» для заболевших дифтеритом [2, с. 44–45].

Более того, А.Д. Свербеева можно считать «пионером» природоохранной деятельности в губернии. В январе 1889 г. губернатор приостановил разрешение Самарской городской думы Жигулевскому пивоваренному заводу фон Вакано устроить спуск промывных вод в Волгу. Губернатор потребовал контроля со стороны управы за действием заводской канализационной системы и чистотой сточных вод [14. Оп. 1. Д. 500. Л. 38–41].

В дневнике губернатора показаны непростые отношения, сложившиеся у коронной администрации с городскими и земскими учреждениями. Зачастую А.Д. Свербеев критикует органы самоуправления, но при этом всегда приводит доказательства своей правоты. В тексте дневника мы не видим предвзятого, негативного отношения к органам самоуправления. Более того, губернатор видел явные несо-

вершенства в их деятельности, например, совмещение в одном лице должностей председателя городской думы и городской управы. В этом вопросе мнение губернатора и либеральной общественности неожиданно совпали. А.Д. Свербеев писал: «...будучи председателем как распорядительного, так и подчиненного ему исполнительного учреждения одно и то же лицо может устранить себя от вредного влияния на ход и решение дел только при полной беспристрастности и забвении личных интересов, что в действительности бывает редко» [8. Оп. 38. Д. 2145. Л. 3 об.]. Эта фраза в отчете вызвала интерес императора Александра III, который собственноручно сделал пометку на полях «совершенно справедливо». В 1882 г. министр внутренних дел Д.А. Толстой сделал доклад императору Александру III о совмещении должностей председателя Думы и управы. Он отметил, что теоретически разделение обязанностей необходимо, так как исполнительная и контролирующая власть должны быть отделены друг от друга. Однако при практической реализации разделения властей могут возникнуть серьезные трудности, которые превысят ожидаемые положительные результаты. Иными словами, консерватор Д.А. Толстой убедил императора в нежелательности устранения данного недостатка [8. Оп. 38. Д. 2145. Л. 3 об.].

При этом у Свербеева (как и у большинства опытных и способных местных чиновников) было собственное ясное видение необходимой модернизации российской системы местного управления. Основным направлением этой модернизации губернатор видел планомерную борьбу с волокитой и коррупцией среди низшего и среднего состава правительственных органов власти (о наличии этих фактов среди подчиненных пишет самарский губернатор в дневнике). Решение данной проблемы настолько занимало внимание А.Д. Свербеева, что в 1889 г. он подробно описал императору бедственное материальное положение низших чиновников МВД. При этом он подчеркнул, что качество состава чиновников напрямую зависит от их материального достатка. Между тем оклады штатного расписания не меняются десятилетиями, особенно плачевно ситуация сложилась по ведомству МВД, например, на пенсию можно было рассчитывать только при выслуге в 35 лет, а последний раз ее размер был пересмотрен в 1827 г. [7, с. 7].

В деятельности А.Д. Свербеева случались и трения с городскими властями. Например, губернатор неоднократно указывал на недостаточный напор водопроводной воды во время пожаров (при этом самарский водопровод официально именовался «противопожарным»). В ответе губернатору городской голова заметил, что противопожарных водопроводов, подобных самарскому, в России нет, следовательно, нет и специалистов по их обслуживанию, поэтому первое время вполне возможны ошибки в его использовании. Губернатор рекомендовал Думе образовать специальную комиссию с участием полицмейстера по правильному использованию водопровода для тушения пожаров. У Свербеева были и другие замечания к работе городской думы. На нескольких пожарах он заметил вмешательство гласных городской думы в руководство тушением пожара и заявил, что это совершенно недопустимо. Действительно, Правительствующий сенат неоднократно разъяснял, что главный и единственный руководитель тушения пожара – полицмейстер [13. Оп. 9. Д. 569. Л. 111–112].

Александр Дмитриевич покинул Самару 23 декабря 1891 г. и продолжил свою карьеру в 4-м департаменте Правительствующего сената. Скорее всего, его перевод из Самары являлся реакцией правительственных кругов на голод 1891–1892 гг. Карьера в Санкт-Петербурге строилась успешно, к 1905 г. он получил чин действительного тайного советника. А.Д. Свербеев был отмечен и рядом высоких наград, в том числе орденами св. Владимира 1-й степени (жалуется за особые заслуги лично императором), св. Александра Невского, св. Анны 1-й степени, св. Станислава 1-й степени.

Таким образом, Александр Дмитриевич Свербеев вошел в историю Самарской губернии как один из наиболее просвещенных, деятельных и успешных ее руководителей. В годы его службы экономический потенциал губернии возрос. Губернская Самара стала одним из торгово-промышленных, сельскохозяйственных, транспортных центров Российской империи. Активно развивались социокультурная сфера и учреждения местного самоуправления. Дальнейшее изучение роли и места А.Д. Свербеева в российской административной сфере имеет несомненную перспективу ввиду малой вовлеченности в научный оборот его дневников и воспоминаний.

Библиографический список

1. Алексушин Г.В. Самарские губернаторы. Самара, 1996.
2. Журналы заседаний Самарской городской думы за 1880 год. № 22.
3. История Самары (1586–1917 гг.): монография. Самара, 2015.
4. «Обретение Родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI – начало XX в.). Часть 1. Очерки истории: монография. Самара, 2013.
5. Российский государственный архив литературы и искусств (РГАЛИ). Ф. 472.
6. Российский государственный исторический архив (РГИА). Научно-справочная библиотека (НСБ). ПЗ. 2870. Всеподданнейший отчет Самарского губернатора за 1885 г.
7. РГИА. НСБ. ПЗ. 2870. Всеподданнейший отчет Самарского губернатора за 1889 г.
8. РГИА. Ф. 1287.
9. Свербеев Д.Н. Мои записки. М.: Наука, 2014.
10. Тюрин В.А. Власть и городское самоуправление в Среднем Поволжье: опыт взаимодействия на рубеже XIX–XX веков. Самара, 2007.
11. Хомяков Д.А. Несколько слов о Дмитрие Николаевиче Свербееве // Свербеев Д.Н. Мои записки. М.: Наука, 2014.
12. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 3.
13. ЦГАСО. Ф. 153.
14. ЦГАСО. Ф. 175.

References

1. Alexushin G.V. *Samarskie gubernatory* [Samara governors]. Samara, 1996 [in Russian].
2. *Zhurnaly zasedanii Samarskoi gorodskoi dumy za 1880 god* [Minute books of Samara City Council for the period of 1880]. Vol. 22 [in Russian].
3. *Istoriia Samary (1586–1917 gg.): monografiia* [History of Samara (1586–1917): monograph]. Samara, 2015 [in Russian].
4. «Obretenie Rodiny»: *obshchestvo i vlast' v Srednem Povolzh'e (vtoraia polovina XVI – nachalo XX v.). Chast' 1. Ocherki istorii: monografiia* [«Acquisition of the Motherland»: society and power in the Middle Volga region (second half of the XVI – beginning of the XX century). Part 1: Essays of history: monograph]. Samara, 2013 [in Russian].
5. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstv* [The Russian State Archive of Literature and Arts] (RGALI). F. 472 [in Russian].
6. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv* [Russian State Historical Archive] (RGIA). *Nauchno-spravochnaia biblioteka* [Research and Reference Library] (NSB). PZ. 2870. Most humble report of the Samara Governor in 1885 [in Russian].
7. RGIA. NSB. PZ. 2870. Most humble report of the Samara Governor in 1889 [in Russian].
8. RGIA. F. 1287 [in Russian].
9. Sverbeev D.N. *Moi zapiski* [My notes]. M.: Nauka, 2014 [in Russian].
10. Tyurin V.A. *Vlast' i gorodskoe samoupravlenie v Srednem Povolzh'e: opyt vzaimodeistviia na rubezhe XIX–XX vekov* [Administration and municipality in the Middle Volga region: experience of interaction at the turn of the XIX–XX centuries]. Samara, 2007 [in Russian].
11. Khomyakov D.A. *Neskol'ko slov o Dmitrii Nikolaeviche Sverbeeve* [A few words about Dmitry Nikolaevich Sverbeev]. In: Sverbeev D.N. *Moi zapiski* [My notes]. M.: Nauka, 2014 [in Russian].

12. *Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Samarskoi oblasti* [Central State Archive of the Samara Region] (TsGASO). F. 3 [in Russian].
13. TsGASO. F. 153 [in Russian].
14. TsGASO. F. 175 [in Russian].

P.S. Kabytov, V.A. Tyurin *

SAMARA GOVERNOR A.D. SVERBEEV**

The article deals with the biography and personal characteristics of the Samara governor Alexander Dmitrievich Sverbeev on the basis of documents of a personal origin. The article shows the main directions of its administrative activities, the characteristics of social and economic development of the Samara province in the end of the XIX century are given.

Key words: history of Russia XIX–XX, Governor, biography, A.D. Sverbeev, Samara Province.

Статья поступила в редакцию 15/VIII/2016.
The article received 15/VIII/2016.

* *Kabytov Petr Serafimovich* (don.kabytov2012@yandex.ru), *Tyurin Vadim Alexandrovich* (vad.im@inbox.ru), Department of Russian History, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, 443086, Russian Federation.

** *The publication was prepared within the framework of a research project supported by the Russian Foundation for the Humanities № 16-11-63002.*

«ВЕЛИКИЙ ПЕРЕЛОМ» В ВОСПРИЯТИИ СОВРЕМЕННОКОВ

В статье на основе архивных материалов, часть из которых вводится в научный оборот впервые, анализируется восприятие коллективизации, хлебозаготовок в Средневолжском регионе. В работе использованы документы партийных и советских органов, полномочного представителя ОГПУ и подчиненных ему отделов, письма, обращения, жалобы граждан, сохранившиеся в архивах. Автор пришел к ряду выводов. Во-первых, отношение к «великому перелому» было неоднозначным; наряду со сторонниками и проводниками партийно-государственной политики было немало занимавших выжидательную позицию и противников. Во-вторых, и в среде тех, кто был предназначен проводить коллективизацию, хлебозаготовки, бороться с кулаками, оказались сомневавшиеся в правильности политики. В-третьих, в условиях неграмотности, недостатка официальной информации значительную роль в общественно-политической жизни деревни играли слухи. В-четвертых, качество представляемой информации было достаточно высоким, а уровень достоверности связан со стремлением партийно-государственных органов получать точную информацию с целью адекватного реагирования на ситуацию.

Ключевые слова: «великий перелом», ментальность, власть и население, коллективизация, хлебозаготовки, партия, крестьянство, исторические источники.

«Великий перелом», по выражению И.В. Сталина, обозначил форсированное проведение индустриализации и коллективизации крестьянства на рубеже 1920–1930-х годов [17].

Актуальность исследования данной темы обусловлена как ее недостаточной научной разработанностью в исторической науке, так и необходимостью поиска наиболее эффективных методов учета общественного мнения при разработке властями политического курса.

Литература по данной теме многочисленна и разнообразна. В исторической литературе советского периода доминировали позитивные характеристики «великого перелома», коллективизации, а продовольственный кризис времен первой пятилетки рассматривался как следствие «кулацкого саботажа» и «вредительства» [11; 20, с. 389]. В работах конца 1980-х и 1990-х гг. были сформулированы выводы о сталинской коллективизации как трагедии советской деревни, об антикрестьянской политике сталинского руководства, целью которой была эксплуатация деревни, выкачивание из нее ресурсов ради индустриальной модернизации

* © Парамонов В.Н., 2016

Парамонов Вячеслав Николаевич (parvja@mail.ru), кафедра истории и философии науки, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

страны [1; 3; 6; 9; 10 и др.]. В монографиях и статьях содержались материалы о реакции населения на проводимые властью мероприятия. Акцент делался на противостоянии крестьянства и государства в годы коллективизации, а самую коллективизацию, «великий перелом», стали сравнивать с гражданской войной, с войной власти с собственным народом [2; 22]. Интересны книга Н.В. Тепцова, основанная на письмах и воспоминаниях современников коллективизации [18] и работа А.Я. Лившина и И.Б. Орлова «Власть и общество: Диалог в письмах» [14], в которой специально анализируются письма как исторический источник о настроениях различных слоев населения.

Прорывными, на наш взгляд, изданиями по теме стали сборник «Документы свидетельствуют: из истории деревни накануне и в ходе коллективизации» [8], пятитомник «Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание» [19], четырехтомник «Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД. 1918—1939» [16], трехтомник «Голод в СССР. 1929—1934» [4], сборник «Голос народа: Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918—1932 гг.» [5]. Из региональных сборников документов по теме интересен сборник «Коллективизация на территории Волгоградской области 1928—1932» [12]. Налоговая политика советской власти документально освещается в сборнике «Тянут с мужика последние жилы...» [21].

Представленные в перечисленных сборниках материалы, многие из которых были рассекречены и стали доступными исследователям лишь недавно, раскрывают особенности взаимоотношений власти и общества в период «великого перелома», отражают палитру мнений различных групп населения по поводу происходящего. Особо следует отметить обращение составителей сборников к эпистолярному жанру, к письмам крестьян своим родным в Красную армию, их жалобам в центральные и местные органы власти, раскрывающие характерные черты восприятия крестьянами политики модернизации.

Можно согласиться с выводом В.В. Кондрашина о том, что в последние десятилетия исследователями собран ценнейший материал об аграрной политике сталинского руководства в годы первой пятилетки [13]. Вместе с тем для целостного восприятия взаимоотношений власти и населения в условиях «великого перелома» требуется дальнейшее применение современных методологических подходов, предполагающих использование междисциплинарных методов и расширение источниковой базы. Концепция «великого перелома», представляющая собой в современной историографии теоретическое осмысление перехода к модели форсированного развития, позволяет анализировать трансформацию ментальных изменений населения регионов, динамику изменений сознания различных социальных групп.

В настоящей статье рассматривается восприятие коллективизации, хлебозаготовок в Средневолжском регионе. Документы партийных и советских органов, полномочного представителя ОГПУ и подчиненных ему отделов, письма, обращения, жалобы граждан, сохранившиеся в архивах, позволяют сделать ряд выводов. Во-первых, отношение к «великому перелому» было неоднозначным: наряду со сторонниками и проводниками партийно-государственной политики было немало занимавших выжидательную позицию и противников. Во-вторых, и в среде тех, кто был предназначен проводить коллективизацию, хлебозаготовки, бороться с кулаками, оказались сомневавшиеся в правильности политики. В-третьих, в условиях неграмотности, недостатка официальной информации значительную роль в общественно-политической жизни деревни играли слухи. В-четвертых, качество представляемой информации было достаточно высоким, а уровень достоверности связан со стремлением партийно-государственных органов получать точную информацию с целью адекватного реагирования на ситуацию.

Источники свидетельствуют о нейтрально-положительном отношении крестьян к новой экономической политике. Лишь с конца 1927 г. наблюдаются изменения в настроениях сельского населения. Ужесточение мер хлебозаготовки было расценено как резкое изменение политики партийно-государственного руководства СССР. Крестьяне не хотели продавать произведенную продукцию по низким закупочным ценам. Во властных структурах в обиход начинает входить выражение «хлебозаготовительный фронт». Психология многих руководителей строилась на принципе «Лучше перегнуть, чем недогнуть» [19, т. 1, май 1927 – ноябрь 1929 г., с. 40].

Конечно, многие члены ВКП(б), исходя из марксистского положения о преимуществе крупного хозяйства, искренне верили, что коллективизация сельского населения будет способствовать преодолению отсталости страны, подъему сельского хозяйства, переходу крестьянства с частнособственнических на социалистические позиции. Ради этого ими допускались жертвенность, временные лишения и т. п. Однако немало коммунистов не соглашались с методами проведения коллективизации, о чем свидетельствуют письма в ЦК ВКП(б) и выступления на пленумах партийных комитетов и собраниях.

Публично относительно происходящих изменений рядовые коммунисты высказывались редко. Оргсектор ЦК ВКП(б) 30 апреля 1932 г. отмечал, что рядовые коммунисты-колхозники на собраниях обычно выступают мало, несмотря на хорошее знание положения в деревне. Некоторые прямо заявляют: «Когда я был беспартийным, я гораздо больше выступал. Я тогда не боялся ошибаться. Знал, что меня исправят. А теперь боюсь, ошибешься и получишь взыскание» [15. Оп. 13. Д. 1. Л. 98].

В обращениях многих коммунистов, советских работников содержится разочарование проводимой политикой. В феврале 1931 г. на имя Сталина поступило письмо кандидата в члены ВКП(б), рабочего А. Егорова, месяц прожившего в деревне: «Тов. Сталин! Знаете ли вы, какое положение существует в настоящий момент по деревням, а положение, нужно прямо сказать, ужасное и тяжелое... Почему, за что... с крестьяни-на сейчас выкачивается все, что можно... Хлебозаготовки прошли или почти, хлеб выкачан на добровольных началах... Берется практически все, последняя корова, овцы, а если что и остается, то контрактуются, но какая же это контрактация, если приказывают подписать договор, а нет – статья... Беднота при каждом новом мероприятии советской власти откровенно клянёт все на свете, а кулак молчит, а если и клянёт, то про себя, потому что за одно лишнее слово его ожидает ссылка в Соловки... Можно очень много говорить о настоящем черном положении, к сожалению, о хорошем, светлом сказать нечего». Егоров пишет о своем выходе из партии, о необходимости облегчения жизни крестьян, о своем разочаровании, поскольку советская власть показала себя с самого начала с одной из плохих сторон – одни обещания, которым народ уже не верит [15. Оп. 12. Д. 1. Л. 27–28].

Иногда происходящее приводило к суициду. Председатель сельского совета с. Кочетовка Каменно-Бродского района, покончивший жизнь самоубийством, в предсмертном письме сообщал, что к этому его подвела насильственная коллективизация, самоуправство уполномоченных [15. Оп. 20. Д. 697. Л. 78].

Крестьянство крайне негативно реагировало на административно-репрессивные методы, принудительный характер продовольственных заготовок в годы первой пятилетки, поскольку их объемы и методы реализации ущемляли его интересы. В Покровском районе Средневолжского края шли разговоры о том, что «государство взяло хлеб и теперь хочет взять весь скот... государство хочет всех крестьян разорить» [15]. Бедняк Лисенков заявлял: «При этой власти хорошо живет только ученым, мужикам же жить не возможно, все забирают. Теперь хорошего не видать не только нам, но и детям нашим» [15]. Бедняк Фаликов, село Ново-Михайловка, говорил: «Ну и жизнь

пришла, много вспашешь — раскулачат, мало вспашешь — опять виноват. Придется все распродать, оставить одну коровенку и жить припеваючи». Середняк Шиняев заявлял на собрании в селе Райдовке: «Мы хлебозаготовок не выполним, т. к. граждане сидят без хлеба, и кроме того, у нас отбирают последнюю скотину. Отдать хлеб и скотину — это значит самим остаться на верную смерть» [15. Оп. 12. Д. 20. Л. 237].

Показательны высказывания на собраниях о посевной кампании в феврале 1931 г.: «...о колхозах думать некогда, душите налогами, дайте хоть месяц свободы»; «...частный капитал уничтожили и торговлю, а сейчас даже керосину вдоволь не даете»; «...оставляете крестьян без мяса и жиров, хоть бы рыбы дали»; «...в колхоз идут только бессовестные, которые не хотят работать»; «...вы говорите, что жалеете бедноту, помогаете ей, а зачем же загоняете в колхоз»; «...дайте нам свободу, мы и без колхоза разовьем хозяйство»; «...бедняк и в колхозе ничего хорошего не получит»; «...может быть, в ЦК партии есть вредительство, когда ведут такую линию, обируют крестьян скотом и налогами»; «Ленин не говорил, чтобы так быстро и круто перестраивать сельское хозяйство и проводить коллективизацию»; «...наболело, нет терпения слушать о колхозе»; «...драться будет, а скот не дадим»; «...в колхозе надо работать без головы, а только с руками и ногами»; «...какие у нас кулаки, всех разорили, все сейчас одинаковы»; «...вы делаете не по учению Ленина, он не говорил, что надо так круто обращаться с крестьянами»; «...сколько раз стригут овец, и сколько раз в году вы стрижете мужика»; «...говорите, растем, а у нас нет ничего» [15. Оп. 12. Д. 20. Л. 76–77].

Антиколхозная направленность высказываний все более усиливалась по мере нарушения принципов добровольности, материального стимулирования труда и т. д. Типично внеочередное донесение уполномоченного ПП ОГПУ Кошкинского района Крутилина в марте 1931 г., в котором он сообщает о массовом выходе из колхозов. Свое нежелание быть в колхозе крестьяне объясняли принудительной коллективизацией, когда «загоняли людей посредством запугивания», что «когда заходили в колхоз, нам говорили, что никаких задолжностей с нас требовать не будут, а теперь требуют фураж и семена, а у нас хлеба нет, все сдали по хлебозаготовкам» [15. Оп. 20. Д. 312. Л. 12].

Принудительное вовлечение в колхозы связывали с разорением крестьян. В селе Покровка середняк Большевский заявлял: «Советская власть насильно загоняет крестьян в колхозы, отбирает скот, инвентарь и ведет крестьянство к разорению» [15. Оп. 12. Д. 20. Л. 238]. В Мокшанском районе была распространена частушка: «Вставай, Ленин, ложись, Сталин, мы в колхозе жить не станем» [15. Оп. 12. Д. 20. Л. 361 об.]. А в селе Жемковка Сызранского района пели частушку: «Все колхозники — шпана, у троих одна штана, один носит, другой просит, третий в очередь стоит» [15. Оп. 12. Д. 20. Л. 178]. Негативную оценку вызывали безобразия, творимые руководством колхозов, за что, например, бригадиров иногда сравнивали с опричниками [15. Оп. 20. Д. 634. Л. 3–3 об.].

Справедливости ради следует признать, что в документах содержится и иная позиция — свидетельства признаний бедняков, что в колхозе им жить лучше [15. Оп. 12. Д. 20. Л. 237 об.]. В колхозе «Земледелец» Соль-Илецкого района бедняки заявляли: «Раньше нас кулак держал церковью, лавочкой, хутором, теперь мы его задушим колхозом» [15. Оп. 12. Д. 20. Л. 424].

Следует отметить, что оппоненты режима использовали самые разнообразные приемы противодействия властям в проведении коллективизации и хлебозаготовок: призыв принимать все виды заданий правительства без возражений, но не выполнять их; агитацию за вступление в колхоз без семян, без лошадей; отказ сеять, объясняя тем, что все равно мы не хозяева, или сеять столько, чтобы только прожить; опору в борьбе против колхозов на женщин и церковь [15. Оп. 12. Д. 20.

Л. 122, 123, 446 об.; Оп. 4. Д. 37. Л. 10–11]; распространение слухов о восстаниях в соседних селениях [15. Оп. 12. Д. 20. Л. 177]; призывы к восстанию и экстремистским методам борьбы с властью [15. Оп. 12. Д. 21. Л. 4]; запугивание бедняков перед вступлением в колхоз [15. Оп. 12. Д. 21. Л. 8]; распространение слухов о предстоящей войне, о мобилизации на войну колхозников, о якобы запрещении колхозникам ходить в церковь [15. Оп. 12. Д. 21. Л. 159–159 об.]; агитация против применения машин [15. Оп. 12. Д. 16. Л. 12]; призывы резать скотину; противопоставление колхозов совхозам [15. Оп. 12. Д. 20. Л. 41].

Особое место в крестьянской жизни занимали слухи. В условиях информационного вакуума, слабой агитационной работы партийных и комсомольских организаций слухи становились базой для обсуждения насущных проблем и обрастали фантастическими подробностями. В 1931 г. активно говорили о политических изменениях и начавшейся войне. В селе Усинск Сызранского района в феврале 1931 г. распространялись слухи: «Сейчас идет война, Франция заняла Москву, и правительство переехало в Самару»; «Керосину нет, потому что Баку взяли белые, и крестьянам об этом не говорят» [15. Оп. 12. Д. 20. Л. 177]. В то же время в Сергиевском районе ходили слухи: «Польша вступила на нашу границу, а наше правительство, боясь войны, затыкает Польшу глотку и обирает крестьян»; «Харьков уже взят империалистами, там идут ужасные бои и от народа скрывают» [15. Оп. 12. Д. 21. Л. 4].

Надежды на смену власти порождали слухи о смещении Сталина с поста руководителя страны, о том, что «Крупская зарезала Сталина» и т. п. В Новодевиченском районе среди учителей и учащихся шли разговоры, что, раз Сталина исключили из партии, а он вождь ВКП(б), следовательно, вся политика Сталина и партии за последние годы признана неправильной. Раз так – не надо колхозов, совхозов, МТС; надо отказаться от индустриализации, пятилетки, ликвидации кулачества [15. Оп. 12. Д. 21. Л. 4, 65].

Также надежды на перемены связывали с предстоящей войной (надеялись, что она начнется весной 1931 г.) и возвращением старой власти [15. Оп. 12. Д. 20. Л. 156, 193, 237 об., 254, 266; Д. 21. Л. 4, 73].

Немцы Покровского района связывали мечты со свободой выезда и заявляли: «Если бы был свободный выезд в Америку, значительная часть нынешних колхозников уехала бы»; «Колхозы неприемлемы для немцев, мы можем вести хозяйство самостоятельно. Сами и распорядиться им. Теперь вся надежда у нас выехать в Америку»; «Если немцев не будут задерживать в СССР, то они на 95 % уедут в Америку, так как для крестьян в СССР жить стало невозможно» [15. Оп. 12. Д. 20. Л. 239].

Следует выделить антикоммунистическую направленность части высказываний. В селе Байдеряково Сызранского района был распространен лозунг: «Не надо в колхоз коммунистов и комсомольцев» [15. Оп. 12. Д. 20. Л. 177]. Население выступало против избрания в Советы коммунистов и комсомольцев: «Надо выбирать старых людей, которые не будут обижать население всякими сборами, коммунистов и колхозников не надо, ибо они не заинтересованы улучшением положения крестьян-единоличников» [15. Оп. 12. Д. 20. Л. 193]. В ряде сел в разговорах обещали устроить коммунистам «вахламеевскую» ночь и зарезать [15. Оп. 12. Д. 20. Л. 254; Д. 21. Л. 73, 74, 239]. На Румянцевской фабрике Барышского района рабочие заявляли на собраниях: «Нам свергнуть бы Советскую власть, мы бы тогда разделились с коммунистами», «Скорей бы война, и сшибли бы вас, то есть коммунистов, дайте вы нам оружие, тогда мы вам покажем», «У нас нет ничего, рабочих с голоду уморили» [15. Оп. 12. Д. 20. Л. 386].

Важно отметить, что власть часто не учитывала особенности ментальности крестьянства. Показателен следующий пример. ВКП(б) нацеливала на ликвидацию кулачества как класса. Однако в крестьянской среде отношение к кулакам было неоднозначным и не всегда совпадало с партийными установками о классовой враждебности кулачества.

В 1920-х годах многие крестьяне рассуждали так: «Не тот кулак, кто честно трудится и улучшает хозяйство для восстановления разрушенной страны приобретением лишней головы скота и тому подобное, а кулак тот, кто и до настоящего времени не может примириться с рабоче-крестьянским правительством, щипя из-за угла власть и оплакивая сладкие николаевские булки» [7]. Крестьянское хозяйство с хорошим домом, несколькими коровами и лошадьми, нажитое упорным трудом в области землепользования, с применением агрономии, в сознании многих сельских жителей следовало считать трудовым. А всякий бедняк, бедность которого будет доказана, что происходит от лени, разгильдяйства, пьянки, должен считаться врагом советской страны и позором своей деревни [7, с. 27, 49]. Подобное понимание кулака и труженика сохранялось и в период «великого перелома». Поскольку нередко кулак был самым грамотным и практичным в деревне, то и отношение к нему сохранялось уважительное. Да и если взять эпизод из «Поднятой целины» М.И. Шолохова о собрании по поводу вступления в колхоз, то, пока не подал заявление кулак Островнов, большинство занимало выжидательную позицию.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что «генеральная линия» партии в деревне во многом не учла ментальности крестьянства, его интересов, что и вызвало неприятие, осуждение проводимой политики «великого перелома» значительной частью сельского и городского населения.

Библиографический список

1. Вербицкая О.М. Советские аграрные преобразования и их уроки // Реформы и реформаторы в истории России: сб. ст. М.: ИРИ РАН, 1996.
2. Виола Л. Коллективизация как гражданская война // История сталинизма: итоги и проблемы изучения: материалы международной научной конференции. Москва, 5–7 декабря 2008 г. М.: РОССПЭН, 2011. С. 102–111.
3. Вылцан М.А. Репрессии против крестьян в 30-е годы // Власть и общество в СССР: политика репрессий (2040-е гг.): сб. ст. М.: ИРИ РАН, 1999. С. 236–265.
4. Голод в СССР. 1929–1934: в 3 т. Т. 1: 1929 – июль 1932: в 2 кн. Кн. 1. / отв. сост. В.В. Кондрашин. М.: МФД, 2011. 656 с.; Кн. 2. М.: МФД, 2011. 560 с.
5. Голос народа: Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. М.: РОССПЭН, 1998. 328 с.
6. Данилов В.П. Коллективизация сельского хозяйства в СССР // История СССР. 1990. № 5.
7. Деревня при нэпе. Кого считать кулаком, кого – тружеником. Что говорят об этом крестьяне? М.: Красная новь, 1924. 104 с.
8. Документы свидетельствуют: из истории деревни накануне и в ходе коллективизации. М.: Политиздат, 1989. 526 с.
9. Зеленин И.Е. О некоторых «белых пятнах» завершающего этапа сплошной коллективизации // История СССР. 1989. № 2. С. 3–19.
10. Ивницкий Н.А. Коллективизация сельского хозяйства СССР: опыт, уроки, выводы. М.: Знание, 1988. 25 с.
11. История советского крестьянства: в 5 т. Т. 2. Советское крестьянство в период социалистической реконструкции народного хозяйства. Конец 1927–1937. М.: Наука, 1986. 448 с.
12. Коллективизация на территории Волгоградской области. 1928–1932. Волгоград: ООО «Издательство Крутон», 2011. 968 с.

13. Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 гг. в современной российской и зарубежной историографии: взгляд из России // Современная российско-украинская историография голода 1932–1933 гг. в СССР. М.: РОССПЭН, 2011.
14. Лившин А.Я., Орлов И.Б. Власть и общество: Диалог в письмах. М.: РОССПЭН, 2002. 208 с.
15. Самарский областной государственный архив социально-политической истории. Ф. 1141 – Средневолжский крайком ВКП(б).
16. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы: в 4 т. / Т. 3. 1930–1934 гг. Кн. 1. 1930–1931 гг. / под ред. А. Береловича и В. Данилова. М.: РОССПЭН, 2003. 864 с.; Кн. 2. 1932–1934 гг. М.: РОССПЭН, 2005. 840 с.
17. Сталин И.В. Год великого перелома // Правда. 1929. 7 ноября
18. Тепцов Н.В. В дни великого перелома: История коллективизации, раскулачивания и крестьянской ссылки в России (СССР) по письмам и воспоминаниям. 1929–1933 годы. М.: Издательский дом «Звонница», 2002. 416 с.
19. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. Т. 1–5. М.: РОССПЭН, 1999–2004.
20. Трапезников С.П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос: в 2 т. Т. 2. Исторический опыт КПСС в осуществлении ленинского кооперативного плана. М.: Мысль, 1976. 567 с.
21. «Тянут с мужика последние жилы...». Налоговая политика в деревне. 1928–1937. М.: Собрание, 2007. 638 с.
22. Фицпатрик Ш. Еще раз о повседневном сталинизме: Советская Россия в 1930–1950-е гг. // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы международной научной конференции. Москва, 5–7 декабря 2008 г. М.: РОССПЭН, 2011. С. 51–61.

References

1. Verbickaya O.M. *Sovetskie agrarnye preobrazovaniia i ikh uroki* [Soviet agrarian transformations and their lessons]. In: *Reformy i reformatory v istorii Rossii: Sbornik statei* [Reforms and reformers in the history of Russia: Collection of articles]. M: IRI RAN, 1996 [in Russian].
2. Viola L. *Kollektivizatsiia kak grazhdanskaia voina* [Collectivization as a civil war]. In: *Istoriia stalinizma: itogi i problemy izucheniia. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Moskva, 57 dekabria 2008 g.* [History of Stalinism: results and problems of study. Materials of international scientific conference. Moscow, December 57, 2008]. M.: ROSSPEN, 2011. P. 102–111 [in Russian].
3. Vyltsan M.A. *Repressii protiv krest'ian v 30-e gody* [Purges against peasantry in 30-ies]. In: *Vlast' i obshchestvo v SSSR: politika repressii (2040-e gg.): Sbornik statei* [Power and society in the USSR: policy of purges (2040-ies): Collection of articles]. M: IRI RAN, 1999. P. 236–265 [in Russian].
4. *Golod v SSSR. 1929–1934: V 3 t. T. 1: 1929 iul' 1932: V 2 kn. Kn. 1. Otv. sostavitel' V.V. Kondrashin* [Famine in the USSR. 1929–1934: In 3 Vols. Vol. 1: 1929 – July 1932: In 2 Books. Book 1. Responsible compiler V.V. Kondrashin]. M.: MFD, 2011. 656 p; Book 2. M.: MFD, 2011. 560 p. [in Russian].
5. *Golos naroda: Pis'ma i otkliki riadovykh sovetskikh grazhdan o sobytiakh 1918–1932 gg.* [The voice of the people: letters and responses of common citizens of the USSR about the events of 1918–1932]. M: ROSSPEN, 1998. 328 p. [in Russian].
6. Danilov V.P. *Kollektivizatsiia sel'skogo khoziaistva v SSSR* [Collectivization of agriculture in the USSR]. *Istoriia SSSR* [History of the USSR]. 1990. No. 5 [in Russian].
7. *Derevnia pri nepe. Kogo schitat' kulakom, kogo truzhenikom. Chto govoriat ob etom krest'iane?* [Village in the period of NEP. Whom to consider kulak, and whom a worker. What peasants think about that?]. M.: Krasnaia nov', 1924. 104 p. [in Russian].
8. *Dokumenty svidetel'stvuiut: iz istorii derevni nakanune i v khode kollektivizatsii* [Documents testify: from the history of village on the eve and during collectivization]. M.: Politizdat, 1989. 526 p. [in Russian].

9. Zelenin I.E. *O nekotorykh «belykh piatnakh» zavershaiushchego etapa sploshnoi kollektivizatsii* [On some «blind spots» of the final stage of complete collectivization]. *Istoriia SSSR* [History of the USSR]. 1989. No. 2 [in Russian].
10. Ivitsky N.A. *Kollektivizatsiia sel'skogo khoziaistva SSSR: opyt, uroki, vyvody* [Collectivization of agriculture of the USSR: experience, lessons, conclusions]. M.: Znanie, 1988. 25 p. [in Russian].
11. *Istoriia sovetskogo krest'ianstva: V 5 t. T. 2. Sovetskoe krest'ianstvo v period sotsialisticheskoi rekonstruktsii narodnogo khoziaistva. Konets 1927–1937* [History of Soviet peasantry; in 5 Vols. Vol. 2: Soviet peasantry in the period of socialist reconstruction of national economy. End of 1927–1937]. M.: Nauka, 1986. 448 p. [in Russian].
12. *Kollektivizatsiia na territorii Volgogradskoi oblasti. 1928–1932* [Collectivization on the territory of Volgograd region. 1928–1932]. Volgograd: OOO «Izdatel'stvo Kruton», 2011. 968 p. [in Russian].
13. Kondrashin V.V. *Golod 1932–1933 gg. v sovremennoi rossiiskoi i zarubezhnoi istoriografii: vzgliad iz Rossii* [Famine of 1932–1933 in the modern Russian and foreign historiography: view from Russia]. In: *Sovremennaia rossiisko-ukrainskaia istoriografiia goloda 1932–1933 gg. v SSSR* [Modern Russian and Ukrainian historiography of famine of 1932–1933 in the USSR]. M.: ROSSPEN, 2011 [in Russian].
14. Livshin A.Ya., Orlov I.B. *Vlast' i obshchestvo: Dialog v pis'makh* [Power and society: dialog in letters]. M.: ROSSPEN, 2002. 208 p. [in Russian].
15. *Samarskii oblastnoi gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii* [Samara Regional State Archive of Socio Political History]. F. 1141 – Middle Volga krai committee of All-Union Communist Party bolsheviks [in Russian].
16. *Sovetskaia derevnia glazami VChKOGPUNKVD. 1918–1939. Dokumenty i materialy. V 4-kh t. T. 3. 1930–1934 gg. Kn. 1. 1930–1931 gg. Pod red. A. Berelovicha i V. Danilova* [Soviet village by the eyes of ChekaOGPUNKVD. 1918–1939. Documents and materials. In 4 Vols. Vol. 3. 1930–1934. Book 1. 1930–1931. A. Berelovich and V. Danilov (Eds.)]. M.: ROSSPEN, 2003. 864 p.; Book 2. 1932–1934. M.: ROSSPEN, 2005. 840 p. [in Russian].
17. Stalin I.V. *God velikogo pereloma* [Year of the Great Turn]. In: *Pravda*. 1929. 7 November [in Russian].
18. Tepcov N.V. *V dni velikogo pereloma: Istoriia kollektivizatsii, raskulachivaniia i krest'ianskoi ssylki v Rossii (SSSR) po pis'mam i vospominaniyam. 1929–1933 gody* [In the days of the Great Turn: history of collectivization, dekulakization and peasant exile in Russia (USSR) according to the letters and reminiscences. 1929–1933]. M.: Izdatel'skii dom «Zvonitsa», 2002. 416 p. [in Russian].
19. *Tragediia sovetskoi derevni. Kollektivizatsiia i raskulachivanie. 1927–1939. Dokumenty i materialy. T. 15* [Tragedy of Soviet village. Collectivization and dekulakization. 1927–1939. Documents and materials. Vol. 15]. M.: ROSSPEN, 1999–2004 [in Russian].
20. Trapeznikov S.P. *Leninizm i agrarno-krest'ianskii vopros v 2-kh t. T. 2. Istoricheskii opyt KPSS v osushchestvlenii leninskogo kooperativnogo plana* [Leninism and agrarian and peasant issue in 2 Vols. Vol. 2: Historical experience of CPSU in realization of Lenin cooperative plan]. M.: Mysl', 1976. 567 p. [in Russian].
21. «*Tianut s muzhika poslednie zhily...»*. *Nalogovaia politika v derevne. 1928–1937* [«They drag the last veins out of a peasant...». Fiscal policy in the village. 1928–1937]. M.: Sobranie, 2007. 638 p. [in Russian].
22. Fitzpatrick Sh. *Eshche raz o povsednevnom stalinizme: Sovetskaia Rossiia v 1930–1950-e gg.* [One more time about everyday Stalinism: Soviet Russia in 1930–1950-ies]. In: *Istoriia stalinizma: itogi i problemy izucheniia. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Moskva, 5–7 dekabria 2008 g.* [History of Stalinism: results and problems of study. Materials of international scientific conference. Moscow, December 57, 2008]. M.: ROSSPEN, 2011. P. 51–61 [in Russian].

*V.N. Paramonov**

«THE GREAT TURN» IN THE PERCEPTION OF CONTEMPORARIES

On the basis of archival materials, some of which are introduced into scientific circulation for the first time, analyzed the perception of collectivization, grain procurement in the Middle Volga region. We used documents of party and government bodies, the plenipotentiary of the OGPU and its subordinate departments, letters, appeals, complaints from citizens, preserved in the archives. Firstly, the attitude towards the «great turn» was ambiguous; along with supporters and agents of the party-state policy had a lot of sit on the fence and opponents. Secondly, and among those who were intended to carry out collectivization, grain reserves, to fight with kulaks, turned out to doubt the correctness of the policy. Thirdly, in terms of illiteracy, lack of official information, a significant role in the socio-political life of the village played a rumor. Fourth, the quality of the information provided was sufficient, and the confidence level associated with the desire of the Party and government bodies to receive accurate information in order to respond adequately to the situation.

Key words: great turn, mentality, authorities and population, collectivization, grain procurements, party, peasantry, historical sources.

Статья поступила в редакцию 21/VII/2016.
The article received 21/VII/2016.

* *Paramonov Vyacheslav Nikolaevich* (parvja@mail.ru), Department of History and Philosophy of Science, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ САНАТОРНО-КУРОРТНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ НИЖНЕГО
ПОВОЛЖЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1950-Х – СЕРЕДИНЕ 1980-Х ГГ.
КАК НЕОТЪЕМЛЕМЫЙ АТРИБУТ СОВЕТСКОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ**

В статье представлен анализ функционирования санаториев и домов отдыха Нижнего Поволжья как лечебно-профилактических, так и досуговых учреждений в жизни советского человека во второй половине 1950-х – середине 1980-х гг. Основное внимание уделено созданию всеобщей системы санаторно-курортного лечения как составного элемента социальной стратегии советского руководства в области здравоохранения. Новизна работы заключается в использовании историко-антропологического подхода, позволившего проследить, как перемены в функционировании санаторно-курортных учреждений отражались на качестве жизни советских людей. В заключение делается вывод о трансформации санаторно-курортного лечения в неотъемлемую часть повседневной жизни конкретного советского человека, но в то же время показаны различия в степени доступности услуг санаторно-курортных учреждений в каждой из областей Нижней Волги. Статья базируется на богатом фактическом материале, извлеченном из архивов, периодической печати, статистических сборников.

Ключевые слова: благоустройство, дом отдыха, заболеваемость, культурный досуг, курорт, лечение, профсоюзная здравница, путевка, санаторий.

Одной из целей «Национального приоритетного проекта по здравоохранению», принятого Правительством РФ в 2005 г., является возрождение профилактического направления в здравоохранении. Главной составляющей его реализации выступают мероприятия по повышению эффективности санаторно-курортной помощи населению. Усиление финансовых вложений в эту отрасль отечественной медицины, ее материально-техническое, кадровое, информационное и другое обеспечение позволяет на несколько порядков уменьшить число обострений различных заболеваний как у взрослых, так и у детей. В то же время санатории, курорты и дома отдыха играют роль своеобразных учреждений, призванных разнообразить досуг россиян. Туризм и оздоровление граждан в системе санаторно-курортных учреждений являются взаимосвязанными процессами. Однако потенциал этих учреждений еще не позволяет удовлетворить потребности и нужды всех желающих. В связи с этим представляется актуальным изучение деятельности санаториев и курортов в советскую эпоху, в частности в 1953–1985 гг., когда социальная политика трансформи-

* © Гуменюк А.А., 2016

Гуменюк Алексей Анатольевич (othist@sgu.ru), кафедра отечественной истории и историографии, Саратовский государственный национальный исследовательский университет, 410012, Российская Федерация, г. Саратов, ул. Астраханская, 83.

рвалась в самостоятельное направление внутреннего развития СССР. В советской исторической науке эта тема так и не стала объектом самостоятельного исследования, выступая составной частью обобщающих работ по истории советского здравоохранения второй половины XX в. В настоящее время к рассматриваемой проблеме, как и к другим направлениям социальной политики, проявляется интерес в большей степени социологами, социальными антропологами, философами, специалистами в области социальной работы. Современными отечественными историками эта проблема лишь начинает переосмысливаться, особенно с позиций историко-антропологического подхода, примером чему служит публикация Ольги Лысыковой [10]. Как и упомянутый исследователь, автор данной работы использовал главным образом архивные материалы регионов Нижней Волги. Документы Саратовского курортного управления, профсоюзных и партийных органов власти дали возможность реконструировать повседневный мир людей, отдохнувших и лечившихся в санаториях и на курортах, позволили выявить основные направления социальной политики государства, специфику развития советского общества и эволюции социальных практик советского человека.

К началу 1950-х гг. советский курортный фонд представлял собой систему, включавшую в себя курорты всесоюзного, регионального и местного значения. Однако органы социального страхования, в ведении которых находились санаторно-курортные учреждения, не располагали достаточным количеством средств для удовлетворения просьб и ходатайств всех нуждающихся в лечении. Санатории и дома отдыха выполняли в большей степени функции советской агитации и пропаганды, формирования духа коллективизма; туристы и оздоравливающиеся граждане выступали в роли проводников социалистической морали и советской идеологии в широкие народные массы [10, с. 196]. Таким образом, советские лечебно-профилактические учреждения вплоть до середины 1950-х гг. являлись частью советского идеологического проекта, а не реальной стратегией социальной политики СССР.

Справедливость приведенного выше тезиса доказывают жалобы населения Нижнего Поволжья, которые можно разделить на три категории: трудности в получении путевок, дефицит санаториев и неудовлетворительный уровень благоустройства и материально-кадровой базы в имевшихся; низкий уровень культурного обслуживания. Наиболее многочисленной группой была первая категория жалоб. Так, только с января по 15 августа 1949 г. Саратовским областным судом было рассмотрено 944 заявления относительно выдачи путевок в санатории [10, с. 205]. Уровень доступности простому советскому человеку услуг санаторно-курортных учреждений снижался и на протяжении первой половины 1950-х гг., что явствует, например, из данных статистических обследований бюджетов рабочих Саратовской области. Если в третьем квартале 1954 г. государственные дотации на приобретение путевок в санатории, дома отдыха, пионерские лагеря и на содержание детей в детских учреждениях в структуре денежного дохода семей рабочих составляли 120 руб., или 2,8 %, то в третьем квартале 1955 г. — только 99 руб., или 2,4 % [6. Д. 3212. Л. 285]. Материалы региональных межсоюзных профсоюзных конференций наглядно иллюстрируют проявления формально-бюрократического подхода к решению проблем простого советского человека. В частности, заготовщица астраханского завода им. Урицкого в своем выступлении на Третьей Астраханской областной межсоюзной конференции профсоюзов в марте 1954 г. заявила: «...на живых людей не обращают внимания... Я в 1939 году ездила в Боржоми и больше никуда не могу попасть, так как туда ездят только руководители» [1. Д. 101. Л. 33].

С момента вступления Н.С. Хрущева на пост первого секретаря ЦК КПСС приоритеты во внутренней политике государства стали меняться в сторону удовлетворения насущных потребностей советских людей. Относительно рассматриваемого сегмента социального развития в рамках реализации этой установки во второй половине 1950-х гг. был принят ряд решений, нацеленных на улучшение материально-кадровой

базы существующих санаторно-курортных учреждений, увеличение размеров их строительства, причем исключительно по типовым проектам. Для повышения качества санаторно-курортного обслуживания все здравницы объединялись в одно ведомство — Министерство здравоохранения. Помимо этого, в 1957 г. были созданы центральный, а на местах республиканские и областные советы по управлению санаториями и домами отдыха. Они решали все вопросы деятельности и развития санаторно-курортных учреждений. На дальнейшую модернизацию деятельности санаторно-курортных учреждений было нацелено Постановление Совмина СССР от 10 марта 1960 г. «О передаче профсоюзам санаториев и домов отдыха». Им предусматривалось обновление оснащения, улучшение организации быта отдыхающих и туристов [12. № 8. Ст. 52].

В Нижнем Поволжье претворение в жизнь принятых в первое посталинское десятилетие постановлений вылилось в создание 20 июня 1956 г. Саратовского территориального управления в составе здравниц Саратовской, Сталинградской и Астраханской и Пензенской областей [8. Д. 147. Л. 13]. После передачи санаторно-курортного дела в ведение профсоюзов Саратовское территориальное управление было реорганизовано в территориальный совет по управлению курортами профсоюзов. Подобные реорганизации в управлении санаториями и курортами региона позволили существенно повысить качество санаторно-курортного обслуживания трудящихся. Только за 1958–1959 гг. число жалоб со стороны больных и отдыхающих снизилось в 2,5 раза [8. Д. 215. Л. 23]. Существенное увеличение размеров финансирования санаторно-курортного дела позволило вывести на новый качественный уровень процесс обеспечения домов отдыха и санаториев пищеблоками, купальнями, лечебными корпусами. Использование современного медицинского оборудования дало возможность применять в лечебной работе более совершенные методы обследования и лечения больных. Так, из 16 602 больных, прибывших на лечение в санатории управления в 1957 г., 15 519 были выписаны с положительным эффектом, что составило 96 % [8. Д. 201. Л. 9]. Здравницы стали лучше обеспечиваться продуктами питания, особенно с конца 1950-х гг. Наилучшим образом организация продовольственного снабжения была поставлена в санаториях и домах отдыха Сталинградской области. Важным элементом санаторного лечения всегда считался культурный досуг оздоравливающихся, чему с 1958–1959 гг. также стало уделяться больше внимания, в частности в Черемшанах № 1, Печанском тубсанатории, в Бибинском доме отдыха. Территория здравниц благоустраивалась скульптурными экспозициями, зелеными насаждениями, танцевальными и спортивными площадками, к санаториям и турбазам были проложены асфальтовые магистрали, что вносило в быт отдыхающих больше удобств и уюта.

В целом по РСФСР по уровню развития материальной базы санаторно-курортного обслуживания Саратовское территориальное управление имело одни из лучших показателей, что отмечало в своих приказах Министерство здравоохранения республики [6. Д. 4012. Л. 169]. Наиболее благоустроенными, комфортными, а следовательно, наиболее популярными у населения Нижней Волги и других регионов страны являлись сталинградские санаторий «Эльгон» и дома отдыха «Волго-Дон» и «Качалинский»; саратовские здравницы Черемшаны № 1, 3, «Пады», «Октябрьское ущелье», «Бабинский». Позитивные отклики лечащихся и отдыхающих поступали об обслуживании на курортах «Тинаки» и им. Кирова (Астраханская область), Дубовка № 1 и 2 (Сталинградская область), «Летяжетский», «Зубриловский», «Серые ванны», Черемшаны № 2, им. Чапаева, Баландинский, «Просвещенец», домах отдыха «Хопер», «Отрадное», «Пугачевский» (Саратовская область).

Благодаря дотациям предприятий и общественных организаций у населения региона появилось больше возможностей для приобретения путевок в санатории и дома отдыха. Проиллюстрируем эту тенденцию на примере Саратовской области. Так, если в 1953 г. размер таких дотаций в бюджете одной семьи рабочего составил всего 1,9 %, то в 1960 г. — уже 2,7 %. В результате, если в 1959 г. время, проведенное в

санаториях в среднем на 100 семей, составляло всего 9 дней, то в 1960 г. — уже 15 дней [6. Д. 4664. Л. 97, 98]. Количество клиентов, посетивших санатории Саратовского территориального управления с середины 1950-х гг. до начала 1960-х гг., колебалось в пределах от шести до тридцати с лишним тысяч человек. Значительно скромнее выглядят аналогичные данные по Калмыцкой АССР, где в период с 1959 по 1962 гг. поправить свое здоровье и отдохнуть смог только 1541 человек. Возрожденная в 1958 г. республика практически не имела своей санаторно-курортной сети, поэтому профсоюзные органы АССР направляли нуждающихся в лечении и отдыхе на Кавказ, Черноморское побережье и в Крым.

Судить о доступности населению региона услуг санаторно-курортных учреждений позволяют не только количественные характеристики, но и качественные. Так, например, в 1964 г., судя по данным отчетов Саратовского территориального Совета по управлению курортами профсоюзов, 98 % посетивших в эти годы здравницы этого управления смогли существенно улучшить состояние своего здоровья [9. Д. 344. Л. 12]. Достижение такого результата было невозможно без существенного улучшения работы пищеблоков. Это доказывают факты исчезновения в период с 1957 по 1965 гг. жалоб на работу данных служб санаториев, в частности курорта «Тинаки» [10, с. 208]. В то же время постепенное сужение диапазона социальной мобильности в конце 1950-х — начале 1960-х гг. значительно ограничило возможности государства по обеспечению населения санаторно-курортным лечением. Проявилась эта негативная тенденция прежде всего в сохранении дефицита медицинских кадров. В частности, в начале 1961 г. в целом ряде санаториев Саратовского территориального курортного управления отсутствовала необходимая кадровая база для организации работы некоторых лечебно-диагностических кабинетов. Одновременно с этим существенно затормозились темпы расширения сети санаториев и домов отдыха. Статус долгостроя приобрело строительство новых корпусов в санаториях им. Чапаева, «Пады» (Саратовская область), «Эльтон», «Дубовка», «Волго-Дон» (Волгоградская область). В последней, по словам одного из профессоров медицинского института, остро ощущалась нехватка санаториев местного значения, особенно кардиологического и желудочно-кишечного. Медленней всего из находившихся в ведении Саратовского территориального курортного управления учреждений решались вопросы строительства новых санаторно-курортных учреждений в Астраханской области. Выделенные на расширение существующих здравниц средства не осваивались [2. Д. 198. Л. 17], поэтому во многих из них была налицо теснота в палатах. Вместо положенных на одного больного 7 кв. м в палатах было от 2,5 до 3,5 кв. м [6. Д. 4095. Л. 3]. В спальнях площадью в 11–12 кв. м проживало по 4 человека [8. Д. 215. Л. 32]. Корпуса некоторых здравниц не ремонтировались с 1927–1930 гг. и представляли собой деревянные или саманные домишки вместо кирпичных или железобетонных конструкций. Отдыхавшие или проходившие в них лечение люди сталкивались с дефицитом парикмахерских, комнат личной гигиены женщин, воды, бытового газа, столовых приборов, неудовлетворительно работавшими душевыми, вентиляцией, антисанитарией в пищеблоках, отдельных медицинских кабинетах. Проезд к ряду курортов был затруднен отсутствием благоустроенных дорог. Эти и другие неудобства, вызывая отрицательные эмоции у больных, существенно снижали эффект от лечения. Многочисленны были жалобы на качество самого лечения и организацию питания вообще и лечебного в частности.

Руководители санаторно-курортных учреждений региона в силу неудовлетворительного состояния материальной базы и постепенного сокращения размеров финансирования были не в состоянии организовать на соответствующем уровне досуг в своих заведениях. В частности, такие жалобы поступали от трудящихся, отдохнувших и лечившихся в домах отдыха Калач-на-Дону, «Отрадное», Вольском доме отдыха,

санатории «Пады». Однако самой многочисленной группой жалоб населения региона оставались жалобы на недостаток путевок. В Астраханской области в середине 1960-х гг. на тысячу работающих приходилось в среднем 14,8 санаторной путевки [3. Д. 26. Л. 34]. На протяжении первого постсталинского десятилетия эти путевки фактически так и не стали доступной всем категориям населения услугой, даже остро нуждавшиеся в лечении лица, особенно женщины, получали отказы на просьбы о посещении санаториев. Если путевки и выдавались, то не по тем заболеваниям, по которым делался запрос в областные профсоюзные организации. Причиной массового недовольства являлся порядок распределения путевок в санатории, который определял необходимое их количество на тысячу работающих, не учитывая при этом действительное число больных в трудовых коллективах. На изменение акцентов в этой системе обращали внимание делегаты межсоюзных профсоюзных конференций Нижнего Поволжья, в частности в Астраханской области.

Смена власти в СССР в середине октября 1964 г. и начавшаяся вслед за этим экономическая реформа создали благоприятные условия для улучшения материально-кадровой базы санаторно-курортных учреждений как в количественном, так и в качественном отношении. Данному аспекту развития советского здравоохранения на протяжении всего предрестроечного двадцатилетия советское руководство уделяло значительное внимание. Красной нитью через принятые в эти двадцать лет законодательные акты проходят идеи доступности узкоспециализированной высококачественной медицинской помощи всем категориям населения страны и повышения уровня комфорта в обслуживании больных и отдыхающих. В целом в социальной стратегии советского руководства в сфере санаторно-курортного обслуживания во второй половине 1960-х – середине 1980-х гг. прослеживалась полная преемственность социального курса Н.С. Хрущева.

Отдачу от реализации данного пакета социальных законов население Нижнего Поволжья ощутило уже во второй половине 1960-х гг. Количественные характеристики модернизации санаторно-курортного обслуживания населения областей, входящих в зону обслуживания Саратовского территориального совета по управлению курортами профсоюзов, в течение второй половины 1960-х – 1970-е гг. колебались от более чем 300 до более чем 700 койко-мест. Только в здравницах Саратовской области уже к середине 1968 г. двух- и трехместные палаты составляли 70 % общей площади корпусов, сооружение палат вместимостью более четырех человек прекратилось [9. Д. 142. Л. 91]. С начала 1970-х гг. население Калмыцкой АССР, страдавшее заболеваниями почек, желудочно-кишечного тракта, хроническим тонзиллитом и другими воспалительными болезнями, получило возможность подлечиться, не покидая территории республики. Тем не менее большинство жителей Калмыкии оздоравливалось на курортах других субъектов РСФСР и СССР.

Индикатором улучшения деятельности тех или иных здравниц на территории региона выступают позитивные отклики отдохнувших и лечившихся в них волжан. Исходя из этого критерия, можно признать, что наиболее популярными у населения Нижней Волги были санатории «Октябрьское ущелье», «Хопер», им. В.И. Ленина, бальнеологическая лечебница «Серые воды», пансионат «Волжские Дали», базы отдыха «Сазанка», «Ахтуба» и другие. В то же время соотношение данных о нереализованных облсопрофами путевок на различные курорты Нижнего Поволжья позволяет прийти к выводу, что санатории Астраханской области пользовались наибольшим спросом у населения. Например, в 1966 г. населению Астрахани осталось не выдано только 2,1 % путевок, по Волгограду и Саратову этот показатель составил соответственно 5,5 и 3,7 %. Однако по количеству не приездов на курорты лидерство принадлежало Саратовской области, где в том же 1966 г. не воспользовался путевками 291 чел., а в Волгоградской области – только 273 чел. [8. Д. 356. Л. 36, 37]. Наибольшим же спросом у населения СССР пользовались санатории Восточной Европы. Жители рассматриваемого региона и, в частности, Саратовской области с начала 1970-х гг. получили возможность подлечиться в Болгарии, Чехословакии, Румы-

нии, ГДР. В период с 1972 г. по середину 1985 г. там побывало более 700 саратовцев и жителей области, причем с каждым годом количество отправленных на лечение за границу возрастало. Если до середины 1970-х гг. там ежегодно бывало от 23 до 45 человек, то во второй половине 1970-х — начале 1980-х гг. — от 70 до 120 человек.

Рост популярности зарубежных курортов у населения области находился в обратной пропорциональной зависимости с сужением пределов допустимости социальных отношений, наметившегося в СССР со второй половины 1970-х гг. Путевки в союзные по Варшавскому договору страны давали возможность простому советскому человеку не только получить необходимую медицинскую помощь, но и приобрести более качественные, чем производившиеся в СССР, товары народного потребления. Избавленные Советским Союзом от чрезмерного бремени военных расходов, его восточноевропейские «сателлиты» имели возможность больше средств вкладывать в развитие социальной сферы. В связи с этим профсоюзные путевки в санаторно-курортные учреждения этих государств являлись большим дефицитом и распределялись официально среди преимущественно передовиков производства и победителей всесоюзных социалистических соревнований.

Но уже с начала 1970-х гг. возможности для большинства советских людей отдохнуть или подлечиться в санаториях и домах отдыха даже «у себя на родине», в частности на территории Нижнего Поволжья, стали постепенно сокращаться. Выделяемые на строительство и реконструкцию санаторно-курортных учреждений средства из года в год не осваивались. В Саратовской области в первой половине 1970-х гг. капиталовложения на эти цели были освоены лишь на 75 % [7. Д. 4. Л. 106]. Прирост коечного фонда в саратовских санаториях за 1975–1985 гг. составил всего 159 единиц. Слабо развивалась сеть санаториев и домов отдыха в Волгоградской области, к середине 1980-х гг. по этому показателю этот субъект РСФСР существенно отставал от своих соседей. На долгие годы растянулось строительство корпусов курортов им. Чапаева, «Летяжевский», им. В.И. Ленина, «Пады», «Октябрьское ущелье», «Волга», «Тинаки», «Аршань», домов отдыха «Хвалынский», «Светлана», «Хопер», неудовлетворительно велось строительство санаториев-профилакториев для работников сельского хозяйства, связи, строительства, нефтехимической и газовой промышленности. Многие здравницы по-прежнему располагались в бывших монастырских усадьбах, построенных еще в 60-х гг. XIX в., поэтому в них была затруднена круглогодичная подача горячей воды, не соответствовал современному уровень бытового, досугового и оздоровительного обслуживания отдыхающих и больных. Дальнейшего благоустройства требовали как дороги, ведущие на курорты, так и сама их территория (пляжи, спортивные сооружения, лодочные станции). Все это не могло не вызывать недовольства отдыхающих, в частности в домах отдыха «Хопер», «Вольский», «Железнодорожник», курорте имени Чапаева, санаториях «Летяжевский» и Калининский. Популярность местных здравниц у волжан постепенно падала, что выражалось в сокращении числа их посещений. В среднем по региону в конце 1970-х — начале 1980-х гг. посещаемость домов отдыха и санаториев снизилась с более чем 5 тыс. человек до 70 тыс. человек.

Отмеченная тенденция падения посещаемости исследуемых лечебно-профилактических учреждений населением Нижней Волги являлась и следствием роста дефицитности санаторных путевок, что постоянно констатировалось, например, в отчетах об исполнении сметы централизованного союзного фонда социального страхования Саратовского облсофпрофа на протяжении 1970–1983 гг. Но более репрезентативными в этом плане выступают данные о жалобах самого населения региона на отказы в получении путевок в санатории и дома отдыха или неправильное их распределение. В архивных документах по Саратовской области за 1965–1975 гг. нами было обнаружено 22 жалобы по указанным причинам, то за 1976–1985 гг. уже 27 критических высказываний. Архивные материалы доказывают, что аналогичное положение наблюдалось и в других административно-территориальных образованиях Нижней Волги.

Ограничение возможностей для посещения санаторно-курортных учреждений явилось одной из причин ухудшения состояния здоровья населения Нижней Волги. Так, в 1970-е — начале 1980-х гг. заболеваемость с временной утратой трудоспособности в Саратовской области выросла в среднем в год на 9,8 дня, а в Калмыцкой АССР — на 7,5 дня на 100 работающих [11. Д. 1559. Л. 28]. Если профсоюзные органы Волгоградской области в 1970 г. допустили перерасход при выплате пособий по временной нетрудоспособности на 5 млн руб., то в 1982 г. — уже на 7 млн руб. [4. Д. 1714. Л. 52]. В Астраханской области расходы на оплату больничных листов профсоюзными комитетами были более внушительными, составляя в начале 1980-х гг. ежегодно 22 млн рублей. Однако по сравнению с Волгоградской областью уровень заболеваемости в этой области был ниже: если в Астраханской области в 1982–1984 гг. ежегодно по болезни терялось 3 млн рабочих дней, то в Волгоградской — 9 млн [5. Д. 44. Л. 18]. Таким образом, за последнее предперестроечное десятилетие эффект от функционирования лечебно-профилактических учреждений на большей части территории Нижнего Поволжья значительно снизился.

В то же время по сравнению с периодом хрущевской оттепели к концу рассматриваемого периода доступность услуг санаториев и домов отдыха простому советскому человеку значительно возросла. В Нижнем Поволжье лидирующие позиции в этом отношении занимали Волгоградская и Саратовская области. В первой из них перерасход на выплату пособий на оплату больничных листов с начала 1960-х гг. до начала 1980-х гг. снизился с 872 тыс. рублей до 500 тыс. рублей соответственно [5. Д. 44. Л. 17]. За 1953–1964 гг. в фондах архивов Саратовской области нами было выявлено 60 упоминаний о росте заболеваемости, а за 1965–1985 гг. — только 42 таких упоминания. Здоровье населения Астраханской области в изучаемый отрезок времени также улучшалось, но гораздо медленнее, чем у населения ее северных соседей. Если в середине 1950-х гг. заболеваемость с временной утратой трудоспособности отдельных категорий трудящихся области составляла 991,8 дня на 100 работающих, то в конце 1970-х гг. этот показатель был равен всего 938,1 дня [3. Д. 544. Л. 58]. Заболеваемость жителей Калмыцкой АССР с 1960 по 1979 гг. также незначительно снизилась — всего на 5,9 дня на 100 работавших.

Существующие различия в степени доступности услуг санаторно-курортных учреждений в каждой из областей Нижней Волги объясняются статусом конкретного субъекта региона и вытекающим отсюда объемом финансирования, а также умением местного руководства отстаивать интересы населения данной области или республики перед союзным или республиканским правительством. В относительно привилегированном положении в этом отношении находились жители города-героя Волгограда и закрытого для посещения иностранцев Саратова. Население же Астрахани и Элисты, за исключением партийной номенклатуры, было лишено каких-либо преимуществ. Тем не менее к концу рассматриваемого периода санаторно-курортное лечение стало неотъемлемой частью повседневной жизни конкретного советского человека, что способствовало значительному улучшению качества его жизни.

Библиографический список

1. Государственный архив Астраханской области (ГААО). Ф. Р-2729. Оп. 2.
2. ГААО. Ф. Р-2729. Оп. 4.
3. ГААО. Ф. Р-2729. Оп. 5.
4. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. Р-523. Оп. 1.
5. ГАВО. Ф. Р-523. Оп. 6.
6. Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО). Ф. 594. Оп. 2.
7. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 18.
8. ГАНИСО. Ф. 6067. Оп. 3.
9. ГАНИСО. Ф. 6164. Оп. 8-пр.
10. Лысыкова О. «Каждый трудящийся имеет право на отдых». Услуги советских курортов послевоенного периода // Советская социальная политика: сцены и действующие лица,

1940–1985 / под ред. Е. Ярской-Смирновой и П. Романова. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2008. С. 194–216.

11. Национальный архив республики Калмыкия (НАРК). Ф. Р-13. Оп. 4.
12. Собрание постановлений правительства СССР. М.: Госиздат, 1960. Отдел первый.

References

1. *Gosudarstvennyi arkhiv Astrakhanskoi oblasti* [State archive of Astrakhan Region] (GAAO). F. R-2729. Op. 2 [in Russian].
2. GAAO. F. R-2729. Op. 4 [in Russian].
3. GAAO. F. R-2729. Op. 5 [in Russian].
4. *Gosudarstvennyi arkhiv Volgogradskoi oblasti* [State archive of Volgograd Region] (GAVO). F. R-523. Op. 1 [in Russian].
5. GAVO. F. R-523. Op. 6 [in Russian].
6. *Gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii Saratovskoi oblasti* [State archive of the newest history of the Saratov Region] (GANISO). F. 594. Op. 2 [in Russian].
7. GANISO. F. 594. Op. 18 [in Russian].
8. GANISO. F. 6067. Op. 3 [in Russian].
9. GANISO. F. 6164. Op. 8-pr. [in Russian].
10. Lysikova O. «Kazhdyi trudiashchiisia imeet pravo na otdykh» *Uslugi sovetskikh kurortov poslevoennogo perioda* [«Every working person has the right to rest». Soviet Resorts after the Great Patriotic War]. In: *Sovetskaia sotsial'naia politika: stseny i deistvuiushchie litsa, 1940–1985 / Pod red. E. Iarskoi-Smirnovoi i P. Romanova* [Soviet social policy in 1940–1985: scenes and actors. Edited by E. Iarskaia-Smirnova and P. Romanov]. М.: ООО «Вариант», TsSPGI, 2008. P. 194–216.
11. *Natsional'nyi arkhiv respubliki Kalmykiia* [National Archive of the Republic of Kalmykia] (NARK). F. R-13. Op. 4 [in Russian].
12. *Sobranie postanovlenii pravitel'stva SSSR* [Corpus of USSR Government decrees]. М.: Gosizdat, 1960. Division I [in Russian].

*A.A. Gumenyuk**

ACTIVITIES OF HEALTH RESORT INSTITUTIONS OF THE LOWER VOLGA REGION IN THE SECOND HALF OF THE 1950-IES – MIDDLE-IES AS AN ESSENTIAL ATTRIBUTE OF SOVIET WAY OF LIFE

The activities of health resort institutions of the Lower Volga Region – therapeutic, prophylactic and leisure institutions in life of Soviet human in the second half of the 1950-ies to the mid – 1980-ies was analyzed in this article. Particular attention is paid to the creation of the total system of the sanatorium-resort treatment as an essential attribute of social strategy of Soviet leadership in the field of public health. Novelty of the study is the use of historic-anthropologic method reflecting the activities of health resort institutions change influence on the quality of life of Soviet people. The transformation of sanatorium-resort treatment in an integral part of everyday life of the Soviet man is confirmed in the conclusion. The differences in the degree of accessibility of services of sanatorium establishments in each of the regions of the Lower Volga Region were shown in this article. The study is based on rich factual material from archives, periodical press and statistical bulletins.

Key words: improvement, rest home, morbidity, cultural leisure, health resort, treatment, trade union health resort, resort voucher, sanatorium.

Статья поступила в редакцию 11/VII/2016.

The article received 11/VII/2016.

* *Gumenyuk Alexey Anatolievich* (othist@sgu.ru), Department of National History and Historiography, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Street, Saratov, 410012, Russian Federation.

УДК 378

*Т.И. Руднева, Н.В. Соловова, Н.Б. Стрекалова,
Е.Ю. Сысоева, А.М. Санько, И.В. Никулина**

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ИННОВАЦИОННОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье авторы обращаются к проблеме педагогических инноваций, сопровождающихся введением в педагогическую деятельность новых методических задач. Качественное изменение труда преподавателя вуза требует педагогического сопровождения его инновационной деятельности. Формой такого сопровождения являются программы повышения квалификации, посвященные актуальным аспектам модернизации российского образования. Излагаются цели, содержание, средства реализации практико-ориентированных программ повышения уровня педагогической культуры преподавателя вуза в условиях модернизации образования.

Ключевые слова: педагогические инновации, педагогическое сопровождение, инновационная деятельность, повышение квалификации.

Новые элементы в образовании, вызывающие переход системы из одного состояния в другое, представляются инновациями. В тезаурус профессиональной педагогики вошло новое понятие: педагогические инновации, означающее. введение изменений в содержание и технологии педагогической деятельности, имеющих целью повышение качества образовательного процесса. Вся совокупность педагогических условий прямо и косвенно влияет на формирование личности студента, который для успешной профессиональной адаптации также должен быть готов к инновационной деятельности, которая становится ядром любой профессии. Поскольку преподаватель добивается от студентов осознанного отношения к учебному процессу, он сам, прежде всего, должен принимать инновационную деятельность за главную составляющую своего труда.

* © Руднева Т.И., Соловова Н.В., Стрекалова Н.Б., Сысоева Е.Ю., Санько А.М., Никулина И.В., 2016

Руднева Татьяна Ивановна (rudneva.07@mail.ru), Соловова Наталья Валентиновна (solovova.nata@mail.ru), Стрекалова Наталья Борисовна (snb_05@mail.ru), Сысоева Елена Юрьевна (gipergium@mail.ru), Санько Альбина Михайловна (sank-albina@rambler.ru), Никулина Ирина Вячеславовна (nikulinaiv@yandex.ru), кафедра теории и методики профессионального образования, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Инновационно-ориентированное профессиональное образование обеспечивается содержанием регионального и вузовского компонентов государственного стандарта в соответствии с приоритетными направлениями развития науки и техники. Субъект инновационной деятельности, опираясь на авторитеты, ищет доминанту своей деятельности, испытывая потребность в переработке ее оснований, реконструкции и концептуальной интерпретации. Инновационно-образовательная деятельность в силу ориентированности на новые задачи и смыслы может приводить к возникновению неожиданных эффектов и проблем, поэтому требуется педагогическое сопровождение этого процесса.

Профессионально-личностное развитие преподавателя, выполняющего инновационную деятельность, происходит в условиях качественного изменения труда. Свободно ориентироваться в новых профессиональных проблемах преподавателю позволяет включенность в систему непрерывного образования. Педагогическая профессия, являясь преобразующей и управляющей, требует постоянного обновления имеющихся теоретических знаний и профессиональных компетенций. Появилось понимание того, что для многих преподавателей вуза необходимо приведение педагогического арсенала в норму, так как крепки стереотипы деятельности. Наши исследования доказывают, что постановка стратегических целей в работе со студентами вызывает затруднения у 67 % преподавателей; не способны решать без конфликтов проблемы взаимодействия со студентами 38 %; для 65 % преподавателей ориентирами в решении образовательных задач являются традиционные формы и методы; у 62 % преподавателей не сформирована установка на самообразование. Эти данные свидетельствуют о недостатках в самой системе подготовки преподавателей высшей школы, хотя в последние годы предпринимаются попытки усилить педагогическую составляющую в аспирантуре: вводятся учебные курсы, ориентированные на формирование педагогической культуры аспирантов, и активная педагогическая практика. Однако остается нерешенной проблема повышения квалификации вузовского преподавателя. Так, приоритет внутривузовской системы требует решения следующих задач: определение актуальных направлений в содержании повышения квалификации; построение индивидуальных траекторий обучения с учетом уровня сформированности педагогической культуры слушателей и их возрастных особенностей.

На кафедре теории и методики профессионального образования сложилась система педагогического сопровождения инновационной деятельности преподавателей университета: лекции и семинары для аспирантов первого года обучения; педагогическая практика для аспирантов второго года обучения; дополнительная программа «Преподаватель высшей школы» с выдачей диплома о профессиональной переподготовке; методологический семинар для исследователей в области профессиональной педагогики.

В профессиональном стандарте педагога отмечается, что «в стремительно меняющемся открытом мире главным профессиональным качеством педагога является умение учиться». Называются характеристики деятельности успешного педагога: мобильность, способность к нестандартным решениям, самостоятельность и ответственность в принятии решений. Новый профессиональный стандарт подтверждает значимость для достижения качества образования непрерывного профессионального роста преподавателя.

Наиболее мобильной является внутривузовская система повышения квалификации профессорско-преподавательского состава, которая отвечает рекомендуемым Минобрнауки РФ направлениям. Кафедра теории и методики профессионального образования реализует несколько программ повышения квалификации, каждая в объеме 72 часов: «Нормативно-правовое обеспечение преподавательской деятельности в условиях нового законодательства в сфере образования. Проектирование, формирование и оценка компетенций»; «Учебный процесс в информационно-образовательных средах: организация и управление самостоятельной работой студентов»; «Электронное обучение на основе Google-сервисов»; «Педагогическая конфликтология»; «Коммуникативная компетентность в деятельности преподавателя вуза».

Постиндустриальная цивилизация характеризуется новой стратегией образовательного процесса, ориентацией на антропоцентризм и применение педагогических технологий развивающего типа. Образовательная система приобретает новые черты, принимая на себя ответственность за обеспечение доступности образования и одновременно за повышение его качества. Методологическим механизмом модернизации современной образовательной системы выступают принципы культурологического подхода адекватно гуманистической парадигме образования, системно-структурного подхода к педагогическим явлениям и процессам, компетентностного подхода к определению средств достижения результата обучающихся систем.

Сегодня актуализируется задача проектирования и организации педагогического пространства, создающего условия для достижения нового качества образования личности, когда образованность выражается готовностью к решению социально и лично значимых проблем на основе использования освоенного социального опыта и его осмысления. Основной путь достижения качества образования связан с расширением видов деятельности обучающихся: наряду с традиционной учебной они участвуют в исследовательской, практической, коммуникативной, социально-ролевой и других видах деятельности. Таким образом, значительно изменяется содержание педагогического труда, представляющего собой совокупность разноплановых задач, направленных на взаимное обогащение всех участников образовательного процесса. Под влиянием происходящих в образовании реформ меняется тип культуры преподавателя: каждое десятилетие обусловлено доминированием определенной составляющей в структуре педагогической культуры. В связи с проектированием содержания образования, отвечающего государственным стандартам, большое значение придается методической культуре преподавателя.

Проектирование и реализация основных образовательных программ с учетом таксонометрии учебных целей компетентностного подхода сопровождаются организацией информационно-методического обеспечения учебных дисциплин. Становится первоочередной задачей преподавателей вуза использование инновационных методов обучения и контроля адекватно особенностям модернизации учебного процесса. Содержание повышения квалификации преподавателей при реализации программы «Нормативно-правовое обеспечение преподавательской деятельности в условиях нового законодательства в сфере образования. Проектирование, формирование и оценка компетенций» расширяется за счет рассмотрения обновленного законодательства, регулирующего отношения в области образования; овладения технологиями проектирования образовательных программ; проведения анализа современных методов оценки качества образования и сравнения целей образовательных и профессиональных стандартов. Инновационная деятельность преподавателя усиливает ее методическую составляющую, поэтому в ходе занятия слушатели знакомятся со структурой и принципами разработки рабочих программ, учебно-методических комплексов (УМК), учебно-методической литературы. Особый интерес у преподавателей вызывают технологии реализации компетентностного и лично-деятельностного подходов к обучению студентов: интерактивные методы; игровые и имитационные технологии (дискуссия, мозговой штурм, деловая ролевая игра, брейн-ринг); неигровые имитационные методы (кейс-метод, контент-анализ, тренинг, конкурсы).

Одним из приоритетных направлений развития высшего образования является информатизация, что определило новый этап развития дидактики, изменение ее понятийного аппарата [7; 8]. Перенос учебного процесса в Интернет и открытые образовательные среды потребовали новых моделей обучения, новых подходов к организации самостоятельной работы студентов. В этих условиях претерпевает изменения профессиональная деятельность преподавателя: расширяется перечень задач и функций; появляются особенности их реализации.

Целью программы повышения квалификации «Учебный процесс в информационно-образовательных средах: организация и управление самостоятельной работой студентов», «Электронное обучение на основе Google-сервисов» является формирование профессиональных компетенций преподавателя вуза по применению в учебном процессе современных информационных технологий и программно-технологических средств, по созданию персональной образовательной среды и организации самостоятельной работы студентов. С учетом профессионального стандарта педагога к данным компетенциям относятся: готовность применять информационные технологии в профессиональной деятельности; способность оценивать качество используемых цифровых образовательных ресурсов; способность к ведению профессиональной деятельности и достижению запланированных образовательных результатов в открытом информационном пространстве; готовность к проведению групповых занятий в информационной среде; способность к проектированию и оцениванию индивидуального образовательного роста студента, исходя из текущего состояния и накопленной ранее статистической информации о нем; способность к саморазвитию, непрерывному самообучению в области информационных технологий; способность самостоятельно приобретать с помощью информационных технологий и использовать в практической деятельности новые знания и умения [6].

Программы имеют практико-ориентированный характер и включают разделы, каждый из которых предполагает формирование профессиональных компетенций. В ходе обучения слушатели строят персональную образовательную среду (личный кабинет), наполняют ее учебно-методическими материалами, создают учебные группы и отбирают средства управления групповой учебной деятельностью [9]. В роли сетевой площадки для построения открытой среды используется портал Google, что обусловлено: широким набором предоставляемых и постоянно обновляемых облачных технологий; высоким рейтингом среди сетевых инструментов электронного обучения [3]; ориентацией на образовательные среды личного (преподаватель, учебная группа, студент) и общекорпоративного назначения (образовательные учреждения); возможностью синхронизации работы с устройствами персональной мобильной связи (подтверждение входа, оповещение и напоминание о событиях); бесплатностью сервисов.

Учебные занятия проводятся на базе интерактивных технологий: лекция-дискуссия повышает интерес преподавателей к освоению материала, развивает ценностное отношение к информационным технологиям; опора на реальные документы (закон об образовании, порядок применения электронного обучения и дистанционных образовательных технологий, открытые лицензии на информационные ресурсы) повышает мотивацию преподавателя к обучению и его методологическую культуру; малые группы (3–4 слушателя) обеспечивают коллективный характер работы в сети, имитируя групповые учебные занятия, что позволяет накопить опыт реальной деятельности в условиях открытой информационно-образовательной среды и сетевого сотрудничества. Пилотажный опрос слушателей подтвердил эффективность реализации данной программы. Так, отмечается: рост знаниевой составляющей в среднем на 43 % (до обучения самооценка по 10-балльной шкале составила 2,49; после – 6,81); увеличение практических навыков и способностей в среднем на 40 % (до обучения – 2,37; после – 6,33); усиление мотивации к использованию информационных технологий в среднем на 23% (до обучения – 6,10; после – 8,28).

Наличие конфликтов в образовательной среде – явление неизбежное: оно обусловлено противоречивостью образовательных процессов, различиями в целях, ценностях, мировоззрении, опыте, мотивах, особенностях поведения студентов и преподавателей [5]. Конфликт в педагогическом процессе может являться источником развития, а может нести в себе разрушительную силу. Конструктивность педагогического конфликта во многом обусловлена конфликтологической компетентностью преподавателя высшей школы.

С целью повышения уровня конфликтологической компетентности преподавателя вуза была разработана программа повышения квалификации «Педагогическая конфликтология», целью которой является развитие у слушателей совокупности способностей: диагностировать педагогический конфликт, выбирать способы работы с ним; анализировать конфликтные педагогические ситуации; планировать и разрабатывать стратегию и тактику вмешательства, реализовывать ее, используя конфликтологические процедуры коррекции неконструктивных способов взаимодействия; определять специфику психического фактора конфликта, возрастных этапов, гендерных различий, социально-психологические особенности конфликта; применять психодиагностические методики, адекватные целям конфликтологического исследования и контингенту респондентов; управлять атмосферой конфликтного взаимодействия.

Программа имеет практико-ориентированный характер: «Феноменология педагогических конфликтов», «Психология внутриличностного конфликта», «Межличностные конфликты в педагогическом процессе», «Технология разрешения педагогических конфликтов». В процессе обучения слушатели учатся анализировать педагогические конфликты, осознавать причины, вызывающие их, диагностировать тактику и стратегию поведения в конфликте; овладевают техниками «Активного слушания», «Я-высказывания», позволяющими глубже понять другого человека, организовывать конструктивную коммуникацию; учатся справляться с агрессией, раздражением, проявлять стрессоустойчивость; приобретают опыт ведения переговорного процесса.

Учебные занятия проводятся с использованием интерактивных технологий: лекций-дискуссий, деловых и ролевых игр, тренинговых упражнений, кейс-метода. Слушатели участвуют в диагностических процедурах, изучают особенности своего поведения в конфликтной ситуации. Анализ данных, полученных по методике диагностики предрасположенности личности к конфликтному поведению К. Томаса (адаптация Н.В. Гришиной), показал, что 25 % слушателей проявляют сотрудничество в качестве стратегии поведения в конфликте (стратегия ориентирована на поиск продуктивного выхода из конфликта с взаимным удовлетворением потребностей и интересов всех сторон и участников конфликта). В качестве стратегии поведения в конфликте 20 % слушателей предпочитают компромисс, дающий возможность разрешить разногласия, столкновения путем взаимных уступок; 15 % слушателей стараются избегать конфликтных ситуаций, выражая стремление выйти из них, не меняя своего решения, но и не настаивая на нем; 15 % слушателей в качестве стратегии поведения в конфликте выбирают соперничество, стараются повернуть конфликтную ситуацию в свою пользу, не считаясь с чужим мнением; 15 % слушателей придерживаются стратегии приспособления, предполагающей сглаживание противоречий за счет своих интересов [4]. В итоге слушатели подвергают рефлексии учебно-воспитательный процесс, демонстрируя опыт конструктивного взаимодействия в условиях педагогических конфликтов, не поддаются конфликтофобии, соблюдая нормы бесконфликтного общения, проявляя эмпатию к себе-седнику. Актуальность и полезность данной программы отмечают 83 % слушателей.

В условиях гуманизации и массовизации высшего образования коммуникативная компетентность преподавателя вуза направлена как на гармонизацию и оптимизацию взаимодействия со студентами, так и на улучшение межличностных отношений студентов. Она становится стержневой характеристикой профессиональной деятельности и приобретает особый статус, так как обеспечивает продуктивность взаимодействия и готовность к сотрудничеству. Гуманизация – ключевой момент нового педагогического мышления, изменяющий взгляд на характер и суть педагогического процесса.

Трудности преподавателя вуза связаны с невысоким уровнем коммуникативной компетентности, дефицитом знаний в области эффективного профессионального общения, недостаточным уровнем сформированности профессионально значимых личностных ка-

чества, способствующих продуктивной педагогической коммуникации. Ярко выраженная оценочность высказываний, их доминантность и эгоцентризм, безапелляционность и категоричность мнений, неконструктивная (недоброжелательная) позиция по отношению к поступающим сообщениям, закрытость и индифферентность к обсуждаемым проблемам характеризуют коммуникативную позицию и индивидуальный стиль педагогической деятельности многих преподавателей. Стремление к жесткому интеллектуальному и позиционному доминированию, информационному противопоставлению себя аудитории, монологизм как единственно возможный способ коммуникации прослеживаются в коммуникативной традиции многих преподавателей вуза.

Под коммуникативной компетентностью следует понимать совокупность коммуникативных способностей, коммуникативных умений и коммуникативных знаний, адекватных коммуникативным задачам и достаточных для их решения [8]. По мнению исследователей (А.И. Кладько, Т.И. Щербаковой), коммуникативная компетентность предполагает способность творчески преобразовывать как ситуацию общения, так и собственную внешнюю и внутреннюю активность, направленные на позитивное экспериментирование в интерактивном пространстве [10].

Продуктивная педагогическая коммуникация направлена на снятие отрицательных эмоций, создание атмосферы психологической безопасности, радости постижения и жажды деятельности как педагога, так и студента. Продуктивная педагогическая коммуникация во многом способствует мотивации обучения студента. С целью формирования коммуникативной компетентности преподавателя вуза в условиях повышения квалификации в ходе реализации программы «Коммуникативная компетентность в деятельности преподавателя вуза» создаются психолого-педагогические условия для рефлексии личного и профессионального опыта, положительных и отрицательных сторон своей коммуникативной деятельности. В содержание включается информация о сущности и специфике педагогической коммуникации преподавателя вуза, о личностной (визуальной, кинестетической, ольфакторной) стороне коммуникативного имиджа, об этапах, технологии и техниках партнерского взаимодействия, когда педагог осознает, что предметное содержание преподаваемой дисциплины является средством развития личности, средством, обеспечивающим постепенное восхождение учащегося к профессии, культуре, смыслу существования. Значительно меняется профессиональная позиция преподавателя вуза: студент выступает как партнер, имеющий определенный жизненный опыт, а преподаватель все больше выполняет роль консультанта, модератора, тьютера. Своеобразие современной профессиональной деятельности преподавателя вуза заключается в том, что возвращается истинный смысл деятельности педагога: ведение, поддержка, сопровождение обучающегося [2].

Результаты проведенного нами анкетирования преподавателей, направленного на выявление основных трудностей педагогического общения, показали, что большинство из них осознает необходимость в перестройке своего коммуникативного стиля поведения в соответствии с ценностями личностно-ориентированного образования (68 %), однако партнерская педагогическая позиция требует серьезных коммуникативных и нервно-психических затрат (82 %). Отмечается сложность в осуществлении полноценной обратной связи (72 %), неготовность к оцениванию собственной деятельности студентами (68 %), сложности в разрешении конфликтных ситуаций (82 %). Таким образом, одной из задач развития коммуникативной компетентности преподавателя вуза является овладение техниками партнерского взаимодействия, которые способствуют гармонизации психологического климата в аудитории: расспрашивание, перефразирование, отражение чувств партнера, резюмирование, подчеркивание общности, подчеркивание значимости партнера, регуляция эмоционального напряжения. В ходе повышения квалификации в содержание включается информация о способах продуктивной и непродуктивной педагогической коммуникации, основных барьерах педаго-

гической коммуникации (эмоционально-психологических и ценностных), коммуникативных шумах, возможных профессиональных страхах, стереотипах, мифах и деформациях сферы профессионального общения, коммуникативных конфликтах.

Формированию умений ассертивного педагогического поведения способствует погружение педагогов в ситуации возможных коммуникативных конфликтов с целью рефлексивного анализа конфликтной ситуации и коллективного поиска способов выхода из конфликта, способов коррекции и оптимизации стиля коммуникативной деятельности.

В ходе реализации авторских программ повышения квалификации преподавателей вуза возникла необходимость учета уровня готовности слушателей к выполнению инновационной деятельности, их личностных интересов и потребностей. Данная проблема в перспективе может быть решена с опорой на принцип накопления востребованных знаний, что может быть достигнуто составлением индивидуальной траектории повышения квалификации, интегрирующей разные разделы из всех программ, освоение которых происходит в течение учебного года, а общая сумма составляет не менее 72 часов.

Библиографический список

1. Иванова Е.О., Осмоловская И.М.. Теория обучения в информационном обществе. М.: Просвещение, 2011. 190 с.
2. Копытова Н.Е. Многомерная профессиональная деятельность преподавателя вуза: от функций к компетенциям // Вестник Казанского государственного энергетического университета 3(18). 2013. С. 97–117.
3. Кухаренко В.Н. Инновации в e-Learning: массовый открытый дистанционный курс // Высшее образование в России. 2011. № 10. С. 93–99.
4. Никулина И.В. Конфликтологическая компетентность преподавателя вуза // Вестник Самарского государственного университета. 2014. № 9 (120). С. 222–226.
5. Никулина И.В. Преподаватель – студент: причины возникновения конфликтов // Модернизация культуры: идеи и парадигмы культурных изменений: материалы Международной научно-практической конференции / под ред. С.В. Соловьевой, В.И. Ионесова, Л.М. Артамоновой. Самара: Самар. гос. акад. культуры и искусств, 2014. С. 283–287.
6. Профессиональный стандарт педагога // Портал федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования. URL: <http://fgosvo.ru/uploadfiles/profstandart/01.004.pdf> (дата обращения: 20.09.2016).
7. Роберт И.В. Развитие дидактики в условиях информатизации образования // Профессиональное образование. 2013. № 9. С. 5–9.
8. Сидоренко Е.В. Тренинг коммуникативной компетентности в деловом взаимодействии. СПб.: Речь, 2008. 208 с.
9. Стрекалова Н.Б., Руднева Т.И., Соловова Н.В. Средства электронного обучения: учебное пособие для слушателей факультета повышения квалификации преподавателей вузов. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2013. 52 с.
10. Щербакова Т.И., Кладько А.И. Коммуникативная компетентность педагога как профессиональный ресурс // Ученые записки СКАГС. 2014. № 4. С. 199–204.

References

1. Ivanova E.A., Osmolovsky I.M. *Teoriia obucheniiia v informatsionnom obshchestve* [Theory of learning in the information society]. М.: Prosveshchenie, 2011, 190 p. [in Russian]
2. Kopytova N.E. *Mnogomernaia professional'naia deiatel'nost' prepodavatel'ia vuza: ot funktsii k kompetentsiiam* [Multidimensional professional activity of a university professor: from functions to competences]. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo energeticheskogo universiteta*, 2013, 3(18), P. 97–117 [in Russian].
3. Kukhareno V.N. *Innovatsii v e-Learning: massovyi otkrytyi distantsionnyi kurs* [Innovations in e-Learning: mass open remote course]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher education in Russia], 2011. No. 10. P. 93–99 [in Russian]

4. Nikulina I.V. *Konfliktologicheskaja kompetentnost' prepodavatelya vuza* [Conflict competence of a university professor]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Samara State University]. 2014. No. 9(120). P. 222–226 [in Russian].
5. Nikulina I.V. *Prepodavatel' student: prichiny vozniknoveniia konfliktov* [Teacher student: the causes of conflict]. In: *Modernizatsiia kul'tury: idei i paradigmy kul'turnykh izmenenii. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Pod redaktsiei: S.V. Solov'evoi, V.I. Ionesova, L.M. Artamonovoi* [Modernization of culture: ideas and paradigms of cultural changes. Materials of International research and practical conference. S.V. Solovieva, V.I. Ionesova, L.M. Artamonova (Eds.)]. Samara: Samar. gos. akad. kul'tury i iskusstv. 2014. P. 283–287 [in Russian].
6. *Professional'nyi standart pedagoga* [Professional standard for teachers]. In: *Portal federal'nykh gosudarstvennykh obrazovatel'nykh standartov vysshego obrazovaniia* [Portal of the Federal state educational standards of higher education]. Retrieved from: <http://fgosvo.ru/uploadfiles/profstandart/01.004.pdf> (accessed 20.09.2016) [in Russian]
7. Robert I.V. *Razvitie didaktiki v usloviakh informatizatsii obrazovaniia* [The development of didactics in conditions of informatization of education]. *Professional'noe obrazovanie* [Professional education]. 2013. No. 9. P. 5–9 [in Russian].
8. Sidorenko E.V. *Trening kommunikativnoi kompetentnosti v delovom vzaimodeistvii* [Training of communicative competence in business cooperation]. SPb.: Rech', 2008. 208 p.
9. Strekalova N.B., Rudneva T.I. Solovova N.V. *Sredstva elektronnoho obucheniia: uchebnoe posobie dlia slushatelei fakul'teta povysheniia kvalifikatsii prepodavatelei vuzov* [E-learning tools: a textbook for students of the faculty of advanced training of university professors]. Samara: Izd-vo «Samarskii universitet», 2013. 52 p. [in Russian]
10. Shcherbakov T.I., Kladko A.I. *Kommunikativnaia kompetentnost' pedagoga kak professional'nyi resurs* [Communicative competence of a teacher as a professional resource]. *Uchenye zapiski SKAGS* [Scientific notes of SKAGS], 2014, No. 4. P. 199–204 [in Russian].

*T.I. Rudneva, N.V. Solovova, N.B. Strekalova,
E.Yu. Sysoeva, A.M. Sanko, I.V. Nikulina**

PEDAGOGICAL SUPPORT OF INNOVATIVE PEDAGOGICAL ACTIVITY

In the article the authors refer to the issue of pedagogical innovations, that are accompanied by the introduction into the pedagogical activity of new methodical tasks. Qualitative change of labour of a university professor requires pedagogical support of his innovative activity. Professional development programs that are devoted to the topical issues of modernization of Russian education are the form of such support. The aims, content, means of realization of practice-oriented programs of increasing the level of pedagogical culture of a university professor in conditions of modernization of education are covered.

Key words: pedagogical innovations, pedagogical support, innovative activity, professional development.

Статья поступила в редакцию 15/V/2016.
The article received 15/V/2016.

* *Rudneva Tatiana Ivanovna* (rudneva.07@mail.ru), *Solovova Natalia Valentinovna* (solovova.nata@mail.ru), *Strekalova Natalia Borisovna* (snb_05@mail.ru), *Sysoeva Elena Yurievna* (giperium@mail.ru), *Sanko Albina Mikhailovna* (sank-albina@rambler.ru), *Nikulina Irina Vyacheslavovna* (nikulinaiv@yandex.ru), Department of Theory and Methods of Professional Education, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

ПОДГОТОВКА БАКАЛАВРОВ: ПРОБЛЕМА ВОСТРЕБОВАННОСТИ ВЫПУСКНИКОВ НА РЫНКЕ ТРУДА

В статье рассматриваются актуальные проблемы современного профессионального образования в рамках двухуровневой системы; доказывается необходимость разрешения противоречия между качеством подготовки в вузе бакалавров и требованиями работодателей к их личностным характеристикам; приводятся результаты социологического исследования мнений работодателей о качестве выпускников вузов и возможностях их адаптации к современным требованиям рынка труда.

Ключевые слова: уровни образования, востребованность выпускников вуза, бакалавр и магистр, конкурентоспособность, трудоустраиваемость выпускников, гайд-интервью.

Высшее образование в настоящее время воспринимается как императивное требование работодателя, как необходимое, но недостаточное условие получения рабочего места в эффективном сегменте рынка труда. Часто наличие высшего образования требуется даже там, где оно раньше было необязательным. В изменившихся социально-экономических условиях перед работодателями возникает несколько проблем: проведение отбора кандидатов с разными уровнями образования; оценка их профессиональных знаний, умений и способностей, приобретенных в рамках «компетентностной» парадигмы образования; определение траекторий и способов адаптации молодых специалистов на рабочем месте.

Переход на двухуровневую модель образования актуализировал задачу трудоустройства «первых» бакалавров в различных профессиональных сегментах, так как возникли противоречия между уровнем квалификации и тарификацией должностей.

Участники образовательного процесса (вузы, родители, обучающиеся) проявили интерес к проблеме трудоустройства, что потребовало ответа на ряд вопросов: является ли трудоустройство реальной проблемой для бакалавров и насколько среди работодателей популярно мнение о недостаточности их квалификации; каковы сегодня главные параметры при принятии на работу; какова реальная роль диплома о высшем образовании. Данные вопросы вызваны невостребованностью выпускников вузов, которая достигла от 28 до 50 %. Из 1,5 млн выпускников вузов востребованной отечественным рынком оказывается только треть, отмечается тенденция снижения потребности в молодых специалистах. Среди наиболее желаемых мест работы для выпускников вузов исследователи выделяют 4 категории [2]: государственные организации (44–60 %); небольшие российские коммерческие компании (40–50 %); крупные иностранные коммерческие компании (30 %); крупные российские коммерческие компании (20 %).

Рынок труда во многом определяет профессиональное поведение молодых сотрудников, давая импульсы развитию системы образования. Взаимные ожидания работо-

* © Соловов А.А., 2016

Соловов Алексей Андреевич (solowow13-99@yandex.ru), отдел нормативно-правового сопровождения учебного процесса, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

дателей и выпускников вузов на рынке труда выражаются усложнением требований к выпускникам бакалавриата и магистратуры, описанием новых стратегий поведения после получения диплома – дальнейшего обучения и переобучения. Предприняты попытки определить «сильные качества», необходимые для карьерного роста; отмечается необходимость послевузовской адаптации [1]. В монографии «Трудоустройство и трудоустраиваемость выпускников российских вузов: история и современность» [9] представляются мнения работодателей о квалификациях в рамках Болонского процесса.

В работах по социологии образования и социологии труда имеется небольшой объем эмпирических данных, посвященных этой проблеме, а социологические исследования мнений работодателей о выпускниках с разными квалификациями бакалавра и магистра представляются довольно молодым направлением.

Широкомасштабное исследование по анализу мнения работодателей о многоуровневой подготовке выпускников, востребованности бакалавров и магистров на рынке труда и оценке социальных рисков проведено среди работодателей г. Казани (Республика Татарстан) в 2011 году. По результатам экспертного опроса сделаны выводы о низкой информированности работодателей о двухуровневой модели высшего образования; об ухудшении подготовки инженерных кадров; о необходимости взаимодействия вузов и предприятий в учебном процессе с целью нивелирования социальных рисков (низкого статуса бакалавров, недостатка кадров высшей квалификации).

Современный выпускник вуза должен обладать определенными личностно-профессиональными качествами и компетенциями, которые имеют тенденцию к постоянному расширению и обусловлены конкуренцией между выпускниками на рынке труда [4]. Создаются модели формирования конкурентоспособной личности, содержащие доминирующие личностные свойства и характеристики: трудолюбие, творческое отношение к делу; способность к риску, независимость в принятии решений; способность быть лидером, способность к непрерывному саморазвитию, стремление к профессиональному росту, стремление к высокому качеству конечного продукта; стрессоустойчивость [3].

Исследователи выделяют наиболее значимые качества конкурентоспособной личности: профессиональная компетентность специалиста (И.В. Матяш); коммуникативные компетенции как система внутренних ресурсов личности (Л.Д. Столяренко); самоактуализация (А. Маслоу); высокий профессионализм и духовно-нравственная культура (В.И. Андреев); способность личности к самоорганизации как способ личностно-профессионального саморазвития (Н.А. Дмитриенко) и др.

Наше исследование направлено на изучение мнения работодателей уже по истечению первого цикла подготовки бакалавров и магистров. Необходимо отметить, что, несмотря на интерес исследователей к личности выпускника вуза, проблема трудоустройства бакалавров и магистров в контексте Болонского процесса является недостаточно разработанной.

В настоящее время требования к специалисту определяются такими экономическими категориями, как *спрос, предложение и конкурентоспособность*. В кризисных условиях большинство работодателей стремится сократить численность сотрудников за счет интеграции их профессиональных функций, поэтому значимым требованием к специалисту становится его универсальность, что предполагает умение совмещать должностные обязанности. Востребованными становятся работники, не только владеющие своей профессией, но и ориентирующиеся в смежных областях деятельности, готовые к постоянному профессиональному росту в условиях смены сфер профессиональной деятельности. Конкуренция на рынке труда корректирует набор интегративных личностных и профессиональных качеств и компетенций выпускников вузов. Возникает необходимость организации непрерывного образования с целью подготовки специалиста интегративного профиля, обладающего профессиональ-

ными качествами, «совокупностью специфических умений, характеризующих несколько сфер деятельности, способного решать комплексные задачи в условиях изменения социально-экономического строя [8]. Исследователи полагают, что они могут способствовать трудоустройству выпускника вуза. Важность формирования такой компетентности отмечают все страны – участницы Болонского процесса [6].

С учетом появления множества новых нормативных документов, устанавливающих соотношение сформированных компетенций выпускников разных образовательных уровней и возможных мест их работы (и должностей), работодателям необходимо научиться принимать новые требования, понимать различия в специфике подготовки выпускников высших учебных заведений. Болонский процесс – это попытка создания единого образовательного пространства в Европе, конкурентоспособного по отношению к образовательным пространствам Америки, Азии и иных регионов планеты. Единство образовательного процесса не является унификацией, это прозрачность или понятность образовательных систем разных стран по отношению друг к другу. В этой связи необходимо, чтобы требования к студентам, заканчивающим определенный уровень образования, были сопоставимы.

Для реализации поставленных задач Болонского процесса предприняты следующие меры: создана единая система уровней образования; унифицированы классификаторы предметных областей (направлений подготовки); разработан единый перечень требований к результатам обучения по уровням и соотносимых с ними квалификаций (Европейская рамка квалификаций, ЕРК).

Главной целью любого учебного процесса в вузе является подготовка квалифицированных кадров для их дальнейшего трудоустройства, а также эффективного применения полученных знаний на практике. Любые несоответствия в этой системе несут большую долю опасности практически для всех участников данной системы. Для образовательного учреждения несоответствия опасны тем, что они сигнализируют о неспособности вуза подготовить профессионалов нужного уровня. Таким образом, несоответствия напрямую отражаются на престиже этого учебного заведения. Для самого выпускника это имеет самое непосредственное отношение, потому что от дальнейшего трудоустройства зависит его самореализация, самоидентификация, продвижение по службе, реализация жизненных планов.

Проблемы несоответствия знакомых стандартов градации профессионализма выпускников отражаются еще и на работодателях, количестве квалифицированных сотрудников, объеме и качестве профессиональной работы, затрагивая практически все сферы жизни, в которых реализуют свою деятельность квалифицированные специалисты. Сегодня отсутствует полноценная концепция бакалавриата и преемственности между уровнями подготовки. Рынок труда не готов к трудоустройству ни бакалавров, ни магистров, а в потенциальных неудачах выпускников виноваты сами вузы – не только в плане абстрактной ответственности, заключающейся в принятии двухступенчатой системы образования, но и в плане непосредственного трудоустройства.

Рынок труда выпускников имеет свои особенности: как правило, выпускники не имеют опыта работы; интервьюирование работодателей показывает, что они хотят от молодых специалистов не только высокого качества знаний, но и умений обрабатывать информацию, энтузиазма, открытости к новым знаниям; наплыв молодых специалистов обычно происходит сезонно – летом; существует социальная напряженность (выпускники не имеют опыта, но хотят высокую зарплату, а работодатели компенсируют это испытательными сроками, стажировками). Часто молодые специалисты либо оказываются в группе безработных, либо работают не по специальности.

Среди молодых лидируют по востребованности на рынке труда специалисты по торгам и продажам; наименьшим спросом пользуются специалисты творческих профессий; специалисты гуманитарного профиля (юристы, социологи, филологи) состав-

ляют среднюю группы востребованности (от 20 до 40 %). Однако 35 % опрошенных работодателей считают бакалавров обладателями неполноценного высшего образования, поэтому им не стоит доверять важную ответственную работу. Всего 8 % компаний приравняли бакалаврское образование к среднему специальному, остальные 14 % затруднились с ответом, но сослались на значение личных качеств соискателя [7].

Цель нашего исследования заключалась в изучении отношения работодателей города Самары к наемным работникам и выпускникам вузов с разной квалификацией. Метод исследования – свободное интервью. Гайд-интервью включало в себя следующие тематические блоки вопросов: о количестве принятых на работу молодых специалистов, о системе отбора кандидатов на вакансии, о требованиях к профессиональным качествам работников и о степени соответствия выпускников вузов этим требованиям. Кроме того, в гайд-интервью содержались вопросы о мнении работодателей относительно различий в подготовке бакалавров и магистров, а также о роли объединения самарских вузов в подготовке выпускников высокого качества. Выборка представлена 12 информантами. Вопросы были составлены, опираясь на задачи, поставленные в исследовании: Как долго Вы работаете в данной организации? Как давно занимаете руководящую должность? Сколько новых работников пришло к вам за последние 2–3 года? Проводите ли Вы лично собеседования? Если нет, то кто этим занимается? Какие требования предъявляются к будущему работнику? Какими качествами, характеристиками, профессиональными навыками он должен обладать? Работают ли в Вашей организации выпускники с разными квалификациями (бакалавры, магистры, специалисты)? Если да, то видна ли разница в их подготовке, объеме и качестве знаний, навыков? В том, насколько эффективно они трудятся (кто работает лучше)? Какое значение для Вас имеют квалификация и специализация выпускника? Принципиально ли это? Если на одно вакантное место будут претендовать 3 человека – бакалавр, специалист и магистр, – кого Вы предпочтете принять на работу? И почему?

Как Вы считаете, каковы последствия внедрения в РФ двухуровневой системы высшего образования? По вашему мнению, объединение 3 вузов Самары – СамГУ, СГАУ и СГЭУ – повысит уровень подготовки их выпускников? Проведено сравнение результатов нашего интервьюирования и результатов интервью работодателей г. Казани (Республика Татарстан) [5].

Из данных, представленных в таблице, видно, что по истечении пяти лет внедрения Болонских реформ и двухуровневой системы подготовки кадров произошли следующие изменения:

- работодатели стали более информированы и заинтересованы в разработке образовательных стандартов и квалификационных требований (разработаны профессиональные стандарты, определяющие для каждой должности уровень образования);
- бакалавры востребованы практически наравне с магистрами (степень востребованности зависит от профессиональной сферы), однако между бакалавром и магистром работодатели выберут последнего;
- работодатели большое внимание при приеме на работу уделяют имеющемуся опыту работы, профессиональным компетенциям, личным качествам, готовности к дальнейшему обучению и переобучению;
- Болонский процесс находится в стадии внедрения, имеет свои недостатки и достоинства; так, существует необходимость во взаимодействии вузов и предприятий в учебном процессе – усиление практико-ориентированности бакалавров и внедрение корпоративных магистерских программ [10];
- политика Министерства образования и науки РФ по повышению качества образования и конкурентоспособности образовательных программ реализуется через объединение вузов, что требует дальнейшей разработки концептуальной, методической и критериальной документации.

Таблица

Сравнительный анализ результатов исследований

г. Казань		г. Самара	
Проблема	Результат оценки	Проблема	Результат оценки
Прогнозирование и оценка социальных рисков	Отсутствие должности бакалавров в тарифно-квалификационных справочниках; необходимость нивелирования социальных рисков (низкий статус бакалавров, недостаток кадров высшей квалификации)	Периодичность набора новых кадров. Источники информации о вакансиях. Личное собеседование	В среднем в организацию за 2-3 года приходят от 1 до 10 сотрудников. Работодатели заинтересованы в молодых специалистах, лично проводят собеседование. Информация о вакансиях располагается в СМИ. Есть направления бакалавров от курирующих ведомств
Оценка бизнесом перехода системы высшего образования на подготовку бакалавров и магистров	Работодатели мало слышали о Болонском процессе, 47 % работодателей не могут оценить разницу в подготовке бакалавров и магистров, вывод о низкой информированности работодателей	Оценка двухуровневой системы образования	Болонский процесс находится в стадии внедрения. Двухуровневая система подготовки кадров дифференцирована, более мобильна и экономична, однако требуется более тесная связь с предприятиями
Потребности работодателей и рынка труда	Около 40 % работодателей готовы взять на работу бакалавра, но все зависит от его личных качеств, в основном нужны специалисты, прогнозируется ухудшение подготовки инженерных кадров	Предпочтение квалификаций	Востребованы бакалавры, специалисты и магистры одинаково, главное - их профессиональные качества и опыт работы, однако предпочтение отдается специалистам и магистрам. Многие работают не по специальности
–	–	Потребности в бакалаврах, специалистах, магистрах	Магистры должны работать на руководящей должности или заниматься исследовательской работой, необходимо расширение тарифных квалификаций для бакалавров. Разная востребованность в профессиональных сферах
Сотрудничество вузов и предприятий	Существует необходимость во взаимодействии вузов и предприятий в учебном процессе. Разработка корпоративных магистерских программ	Оценка качеств бакалавров и магистров	Требуются не только профессиональные знания и умения, но и умение работать в команде, коммуникабельность, способность к саморазвитию и готовность к дальнейшему обучению
		Объединение вузов	Для повышения качества образования необходима четкая стратегия, концепция развития, учитывающая интересы всех участников образовательного процесса

Выяснено, что многие работодатели привлекают молодые кадры с помощью интернет-ресурсов; проводят собеседования посредством личной беседы с претендентом на вакантное место в организации; самыми востребованными качествами работника не являются, а называются коммуникабельность и трудолюбие; разницу между квалификациями видит более 50 % опрошенных работодателей. В ходе исследования установлено, что существует проблема трудоустройства бакалавров по гуманитарным направлениям подготовки, что требует расширения практик при обучении на программах прикладного бакалавриата. Стоит непростая задача нахождения баланса между фундаментальностью отечественной высшей школы и практикоориентированностью современных образовательных программ.

Библиографический список

1. Аврамова Е.М. Работодатели и выпускники вузов на рынке труда: взаимные ожидания // Социологические исследования. 2006. № 4. С. 37–46.
2. Бакалавр на рынке труда: экспертная оценка «О&К» / подгот. М. Филь // Zarplata.Ru. URL: <http://www.Zarplata.ru>. 2015.
3. Гарафутдинова Н.Я. Конкурентоспособность будущего специалиста высшей квалификации как показатель качества его подготовки, 1998. Тамбов: Грамота, 2011.
4. Дмитриенко Н.А. Формирование лингвистических компетенций как средство становления компетентного специалиста // Альманах современной науки и образования. 2011. № 12.
5. Идиатуллина К.С., Идрисова А.А. Риски перехода на двухуровневую систему образования в оценке работодателей // Вестник Казанского технологического университета. 2011. № 24. С. 258–264.
6. Кибанов А.Я., Дмитриева Ю.А. Управление трудоустройством выпускников вузов на рынке труда: монография. М.: ИНФА-М, 2016. 250 с.
7. Молодой специалист на рынке труда [Электронный ресурс]. URL: <https://career.ru/article/15140> (дата обращения 07.04.2016).
8. Рекомендации по учету требований работодателей к профессиональным квалификациям работников при разработке профессиональных образовательных программ / И.А. Волошина, Е.Ю. Есенина, П.Н. Новиков [и др.]. М.: Национальное агентство развития квалификаций, 2010. 61 с.
9. Трудоустройство и трудоустраиваемость выпускников российских вузов: история и современность: монография / под науч. ред. И.С. Болотина и В.Ф. Пугач. М.; СПб.: МАТИ, Нестор-История, 2012. 192 с.
10. Rumberger R.W., Larson K.A. Toward explaining differences in educational achievement // *Sociology of education*. Wash., 2008. Vol. 71, № 1. P. 68–92.

References

1. Avramova E.M. *Rabotodateli i vypuskniki vuzov na rynke truda: vzaimnye ozhidaniia* [Employers and graduates on the labor market: mutual expectations]. *Sotsiologicheskie issledovaniia* [Sociological studies]. 2006. No. 4. P. 37–46 [in Russian].
2. *Bakalavr na rynke truda: ekspertnaia otsenka «O & K»*. *Podgot. M. Fil'* [Bachelor on the labor market: expert evaluation of «O & K». Prepared by M. Fil]. In: *Zarplata.Ru*. Retrieved from: <http://www.Zarplata.ru>. 2015 [in Russian].
3. Garafutdinova N.Ya. *Konkurentosposobnost' budushchego spetsialista vysshei kvalifikatsii kak pokazatel' kachestva ego podgotovki* [Competitiveness of the future higher qualification specialist as an indicator of the quality of his preparation, 1998]. Tambov: Gramota, 2011 [in Russian].
4. Dmitrienko N.A. *Formirovanie lingvisticheskikh kompetentsii kak sredstvo stanovleniia kompetentnogo spetsialista* [Formation of linguistic competence as a means of becoming a competent specialist]. *Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniia* [Almanac of Modern Science and Education], 2011. No. 12 [in Russian].
5. Idiatullina K.S., Idrisov A.A. *Riski perekhoda na dvukhurovnevuiu sistemu obrazovaniia v otsenke rabotodatelei* [The transition risks on two-level education system in the employers' evaluation]. *Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta* [Herald of Kazan Technological University]. 2011. No. 24. P. 258–264 [in Russian].
6. Kibanov A.Ya., Dmitrieva Yu.A. *Upravlenie trudoustroistvom vypusknikov vuzov na rynke truda: monografiia* [College graduates employment managing on the labor market: monograph]. M.: INFA-M, 2016. 250 p. [in Russian].
7. *Molodoi spetsialist na rynke truda* [Young specialist on the labor market]. Retrieved from: <https://career.ru/article/15140> (accessed 07.04.2016) [in Russian].
8. Voloshina I.A., Esenina E.Ju., Novikov P.N. et al. *Rekomendatsii po uchetu trebovaniia rabotodatelei k professional'nykh kvalifikatsiiam rabotnikov pri razrabotke professional'nykh obrazovatel'nykh programm* [Recommendations on accounting employers requirements to the

workers professional skills in the vocational training programs development]. M.: Natsional'noe agentstvo razvitiia kvalifikatsii, 2010. 61 p. [in Russian].

9. *Trudoustroistvo i trudoustraivaemost' vypusknikov rossiiskikh vuzov: istoriia i sovremennost': monografiia. Pod nauch. red. I.S. Bolotina i V.F. Pugach* [Employment and employability of Russian universities graduates: history and modernity: monograph. I.S. Bolotina, V.F. Pugach (Eds.). M.; SPb.: MATI, Nestor-Istoriia, 2012. 192 p. [in Russian].

10. Rumberger R.W., Larson K.A. Toward explaining differences in educational achievement. *Sociology of education*. Wash, 2008. Vol.71, No. 1. P. 68–92 [in English].

*A.A. Solovov**

PREPARING OF BACHELOR'S: PROBLEM OF DEMAND OF GRADUATES ON THE LABOUR MARKET

The article deals with modern problems of two-level education system. The necessity of resolving contradiction between the high school quality training and undergraduate employers requirements to their personal characteristics is proved; the sociological survey results of the employers opinions about the quality of graduates and their potential adaptation to the labor market modern requirements are presented.

Key words: levels of education, relevance of university graduates, Bachelor and Master, competitiveness, employability of graduates, interview guide.

Статья поступила в редакцию 12/IV/2016.

The article received 12/IV/2016.

* *Solovov Alexey Andreevich* (solowow13-99@yandex.ru), Department of Regulatory Support of Educational Process, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

РАБОТА С РОДИТЕЛЯМИ В КРИТИЧЕСКИЕ ПЕРИОДЫ РАЗВИТИЯ ДОШКОЛЬНИКОВ

В статье обосновывается необходимость работы педагогов и психологов с родителями (психолого-педагогического сопровождения) дошкольников в критические периоды развития. В контексте этой работы представлены результаты исследования проблем родителей дошкольников, с которыми они сталкиваются в эти периоды, и способы их решения. Обозначены трудности педагогов в осуществлении работы с родителями; акцентируется внимание на содержании деятельности педагогов и психологов по сопровождению родителей в критические периоды развития дошкольников. Исходя из возрастных особенностей детей в критические периоды их развития, автор включает разработку рекомендаций родителям в процесс психологической работы с ними.

Ключевые слова: психолого-педагогическая работа с родителями, психолого-педагогическое сопровождение, психологические и поведенческие особенности детей раннего дошкольного возраста, критический период развития.

Работа с родителями на современном этапе развития общества является одной из актуальных проблем. Как показывает опыт работы, родители дошкольников зачастую испытывают определенные трудности, связанные с тем, что не могут найти достаточно времени для занятий с детьми, бывают не уверены или излишне уверены в своих воспитательных позициях. В связи с этим становится необходимой конкретная психолого-педагогическая помощь родителям по вопросам воспитания с тем, чтобы мотивировать к расширению и углублению имеющихся педагогических знаний, развитию собственных креативных способностей. Как показывают результаты нашего исследования, круг вопросов, которые волнуют родителей дошкольников, широк и многообразен. В частности, были выделены следующие темы для взаимодействия с педагогом-психологом. Обозначим их в порядке значимости (частоты упоминания в ответах респондентов). Больше всего волнуют родителей такие темы: как сделать, чтобы ребенок убирал в своей комнате (отметили 90 % респондентов); как научить защищать себя в опасных различных ситуациях (85 %); как помочь ребенку привыкнуть к условиям детского сада (80 %); как вести себя в конфликтных ситуациях (65 %). Половина опрошенных отметили важность и необходимость привить своему ребенку культурные и национальные традиции, а также конкретный вопрос, какие фильмы можно смотреть с ребенком. У менее половины родителей, принявших участие в программе, возникли вопросы о том, как научить своего ре-

* © Егорова У.Г., Чистакова О.А., 2016

Егорова Ульяна Геннадьевна (shirley78@mail.ru), кафедра педагогики, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Чистакова Ольга Анатольевна (shirley78@mail.ru), МБДОУ детский сад общеразвивающего вида № 341 г.о. Самара, 443093, Российская Федерация, г. Самара, ул. Мориса Тореза, 19.

бенка быть добрым, как приобщить своего ребенка к чтению, к книгам (по 35 %); как сделать, чтобы ребенок меньше лгал (30 %); как строить общение с воспитателями своего ребенка (15 %). При этом некоторых матерей (10 %) тревожит психологическое состояние ребенка в период развода [3], а также влияние отсутствия отца на поведение дочери или сына (10 % респондентов обозначили данную проблему).

В критические периоды развития ребенка родителей волнуют поведенческие аспекты в его развитии (85 %), а также возможность правильно и адекватно реагировать на изменения в личностном развитии детей (75 %). Среди поведенческих изменений в поступках детей, которые «напрягают» родителей и которые вызывают трудности в воспитании, были выделены негативизм, упрямство, деспотизм, обесценивание, самостоятельность, бунт.

Актуальность проблемы состоит в том, что детский сад – первый внесемейный социальный институт, первое воспитательное учреждение, с которым вступают в контакт родители, и от совместной работы родителей и педагогов зависит дальнейшее развитие ребенка. В конечном счете от качества работы педагогов-психологов, социальных педагогов, воспитателей детского сада, а также от их подготовки к работе с родителями [5] зависит уровень педагогической культуры родителей, а следовательно, и уровень семейного воспитания детей.

Работа с родителями дошкольников по их психолого-педагогическому сопровождению представляет собой целостную системно организованную деятельность, в процессе которой создаются социально-психологические и педагогические условия для успешного взаимодействия педагогов и родителей; деятельность, которая направлена на повышение знаний основных закономерностей и особенностей воспитания детей, знакомство с содержанием и методами воспитания; овладение методами организации детской деятельности; общение, формирующее социально ценные формы поведения и отношение ребенка к окружающим людям.

По мнению Н.В. Дашковой, психолого-педагогическое сопровождение строится на основании того, что сопровождение – это процесс, который способствует созданию условий для принятия оптимальных решений в различных ситуациях, для развития умения в принятии таких решений [4]. При этом сопровождение родителей – это процесс взаимодействия сопровождающего и сопровождаемого, в основе которого лежит поддержка при сохранении «максимума свободы и ответственности субъекта» за выбор варианта решения актуальной проблемы воспитания в семье.

На вопрос о необходимости и целях работы с родителями 47 % воспитателей ограничились общими ответами: «улучшение воспитательной работы с дошкольниками», «воспитание полноценного человека в обществе»; 12 % подчеркнули, что взаимодействие с семьей «поможет создать единые условия, выдвигать единые требования к ребенку в детском саду и семье»; 11 % воспитателей выделили «просветительскую» роль сотрудничества с семьей для родителей. И только 20 % педагогов определили конкретные задачи, которые позволяет решить сопровождение родителей: «лучше подготовить ребенка к школе», «разрешить проблемы общения дошкольников со сверстниками», «создать более благоприятный эмоциональный микроклимат для детей в детском саду», «помочь строить педагогический процесс исходя из индивидуальных особенностей и интересов ребенка», «помочь справиться родителям с проявлениями кризиса 3 и 7 лет у ребенка». При этом некоторые воспитатели высказывали мнение о том, что работу с семьей дошкольника следует проводить сообразно собственным ценностным ориентациям [2].

В связи с этим особое значение для реализации взаимодействия имеет позиция субъектов – родителей и педагогов, готовность последних к осуществлению психолого-педагогического сопровождения посредством педагогической коммуникации [8].

Т.А. Березина отмечает, что 87 % воспитателей испытывают различные трудности в осуществлении работы с семьей. Это такие трудности, как «пассивность родителей,

безразличное отношение к своему ребенку, чрезмерная занятость, недоверие родителей к педагогам и даже агрессивное восприятие информации, идущей от воспитателя». Другими словами, большинство педагогов связывает эти трудности с особенностями современных родителей. Об этом говорят и результаты нашего анкетирования родителей трехлеток, которые из всех доступных источников получения информации предпочитают разбираться в интересующем вопросе самостоятельно (65 % респондентов) посредством доступной в Интернете информации [7], а также беседовать с друзьями, знакомыми (50 %). За необходимой информацией к специалисту или приглашенному в детский сад консультанту обратится только 35 % опрошенных родителей, а 25 % – выяснят вопрос на родительских собраниях в детском саду. В качестве источников информации родителями (15 % из них) выделены прочтение газет, прослушивание радио и просмотр телевизионных программ. Эти ответы были выбраны 15 % родителей. Необходимую информацию 15 % родителей получают в родительских группах по интересам.

Еще одной причиной трудностей, которые испытывает воспитатель в общении с родителями, является недостаточная информированность родителей об особенностях жизни и деятельности детей в детском саду, а воспитателей – об условиях и особенностях семейного воспитания каждого ребенка. Таким образом, преодолев перечисленные трудности, специалист должен быть готов к работе с родителями. В ходе изучения готовности педагогов к взаимодействию с семьей мы выясняли, какие формы сотрудничества они считают наиболее эффективными. Оказалось, что преимущественно воспитатели ориентированы на традиционные формы взаимодействия с семьей: 42 % воспитателей назвали беседы педагогов с членами семьи; 34 % – родительские собрания и лекции для родителей; 28 % – оформление наглядного информационного материала для родителей. Некоторые воспитатели (21 %) считают эффективными формами взаимодействия привлечение родителей к организации и участию в трудовых и досуговых мероприятиях.

Анализ показывает, что педагоги выделяют преимущественно традиционные формы педагогической работы с родителями – консультации, родительские собрания, оформления родительских уголков. Формы работы, построенные на диалоге с родителями – беседы, дискуссии, круглые столы – или ориентированные на развитие у родителей практических умений (деловые игры, элементы тренинга) использовали сами или наблюдали в своем дошкольном учреждении только 15 % педагогов. При этом, исходя из нашего опыта работы, использование элементов нарративной терапии [1] во взаимодействии с семьей является результативным способом помощи семье в критические периоды развития ребенка.

Мы знакомим родителей с приемами активного слушания (уточнение, пересказ, проговаривание, резюмирование, отражение чувств) и отработываем навыки хорошего слушателя, а также формулирования мысли на языке принятия и непринятия (оценка поступка и оценка личности ребенка) в практической части занятий. Кроме того, открытием для родителей становится приобретение навыков анализа причин поведения ребенка, исходя из позиции самого ребенка. Этим мы делаем акцент на осознании разницы между «миром» ребенка и «миром» взрослого, что выражается в особенностях восприятия, мотивации поведения, эмоциональных переживаниях. Безусловно, интересны родителям занятия, посвященные овладению основными понятиями транзактного анализа [6].

На занятиях по подготовке родителей к преодолению кризиса трех лет у детей, подробно изучив психологические особенности этого возраста, мы предлагаем написать родителям письмо-рекомендацию от лица ребенка, обращенное к родителю о его воспитании и развитии. Предлагаем пример такого обращения: «Я – трехлетка, и это скоро пройдет. Мне сейчас также нелегко, как было в родах и будет в пубертате.

Мама, я учусь об тебя. Будь для меня тренером и спарринг-партнером. Мое “нет” – это формирование личности. Будь взрослой, не уходи ни в жертву, ни в агрессора. Я хочу быть уверенным, что мои “закидоны” не вредят нашим отношениям. Делать «назло» и манипулировать я еще не могу, а научусь лишь годам к шести. Мама, иногда просто дыши глубже. Самый мой большой недостаток – совсем скоро Я **ВЫРАСТУ**». Такое письмо-рекомендация получается у родителей после обсуждения следующей полученной информации о кризисе трех лет у ребенка.

К трем годам ребенок осознает, что он такой же человек, как и другие, в частности как его родители. Одним из проявлений этого открытия служит появление в его речи местоимения «Я» (раньше он говорил о себе только в третьем лице и называл себя по имени, например, говорил о себе: «Миша упал»). Новое осознание себя проявляется также в стремлении во всем подражать взрослым, полностью сравняться с ними. Ребенок начинает требовать, чтобы его укладывали спать тогда же, когда ложатся взрослые, стремится самостоятельно, как они, одеваться и раздеваться, даже если он не умеет этого делать.

Помощь взрослого, нарушающая равенство, перестает приниматься. Конфликт обостряется тем, что многие формы поведения взрослых, которым стремится подражать ребенок, запрещены для детей. Например, им обычно запрещают гладить белье, шить, ложиться спать одновременно со взрослыми и т. п. Отказ от выполнения распоряжений, нарушающих симметричность отношений с взрослыми (так называемый пассивный негативизм), – естественная форма борьбы ребенка с подобными ограничениями.

Активный негативизм, то есть совершение действий, прямо противоположных тем, которых требует взрослый, является еще более выраженной формой утверждения своего равенства со взрослым, имитации его поведения. В активно негативистическом поведении воспроизводится важнейшая функция взрослого: принятие решения, выработка намерения. Оно строится простейшим из возможных способов: путем создания точного негатива по отношению к решению взрослого, к сформулированному им намерению.

Задача консультанта – объяснить родителям смысл процесса, происходящего в период кризиса трех лет, и убедить их в необходимости перестройки отношений с ребенком на основах большего равноправия, чем это было раньше. Если родители в этот период начинают предоставлять ребенку больше свободы и самостоятельности, то этим они поддерживают его новое представление о себе и приучают к разумному различению тех областей жизни, в которых он действительно может вести себя «как взрослый», и тех, в которых он пока еще остается маленьким ребенком, нуждающимся в помощи и руководстве. Постепенно это приводит к преодолению симптомов кризиса.

Если же родители продолжают пытаться строить отношения в точности так же, как раньше, то ребенок не имеет возможности различить эти области жизни и во всех случаях настаивает на своем праве «быть взрослым». Про такого ребенка обычно говорят, что он очень упрям, хотя в действительности упрямство здесь проявляют прежде всего его родители.

Что делать родителям, когда наступает кризис трех лет? Терпеть все, что можно терпеть, и радоваться, что человек осваивает непослушание. Но при этом (важно!) жестко настаивать на своем там, где выполнение требуемого не обсуждается. По хорошему, даже настаивать не придется, потому что если мы уверены, что нельзя прыгать под машину и лезть гвоздем в розетку, то просто запрещаем это ребенку и он осваивает некоторое количество несомненных «нельзя». Когда же нужно добиться своего не потому, что это необходимо усвоить ребенку, а из практических соображений целесообразности, его лучше чем-нибудь отвлечь: «А вон собачка побежала...»

К счастью, кризис этот длится не так долго — от двух до четырех месяцев. Научившись не слушаться, ребенок уже в состоянии выбирать. Теперь с ним можно договариваться, объясняя, почему ему следует выполнить требуемое. Это может, во-первых, касаться устройства мира («залезешь в лужу — испачкаешь ботинки»), во-вторых, сулить награды и угрожать наказанием («если не уберешь на место игрушки — не посмотришь мультик»). В-третьих, определять место и роль ребенка в отношениях («ты мой сын и поэтому должен меня слушаться»). Вот на этом-то месте — кто кому кто, когда ребенок становится постарше, возникает вторая необходимая ситуация непослушания: «Я тебе не ребенок».

Анализ литературы позволяет говорить, что результаты психолого-педагогического сопровождения могут проявляться в таких аспектах, как улучшение отношений родителей с ребенком, в осознании родителями значимости своей воспитательной деятельности, появлении родительской ответственности, в оптимистическом взгляде родителей на возможности решения проблем воспитания ребенка и др.

После участия в наших занятиях многие родители отметили тот факт, что ранее «ускользало» от их взглядов: дети, говоря «нет», «не хочу» в ответ на просьбу родителей, шли и выполняли соответствующую просьбу. При этом частота конфликтных ситуаций уменьшилась (до 30 %) в тех семьях, где данный показатель был высок. А непослушание выделяется как причина конфликтов в 35 % случаев, протест — в 20 %, а плохое самочувствие — в 25 % случаев, отмеченных родителями. В конфликтных ситуациях родители меньше рефлексировали возникновение чувства вины перед ребенком. Можно предположить, что проявления кризисного периода становятся понятны родителям, которые после участия в программе обладают знаниями и навыками, необходимыми для совладания с проявлениями возрастного кризиса ребенка.

Среди переживаний родителей в 65 % случаев конфликтов они испытывают чувство вины перед своим ребенком, и 40 % из них объясняют это недостаточностью знаний о возрастных особенностях ребенка.

В конце беседы с родителями под контролем педагога-психолога формулируются некоторые практические рекомендации по взаимодействию с детьми трех лет. К ним относятся следующие:

— Необходимо помнить, что не нужно выполнять за ребенка то, что он может сделать сам. Если ребенок уже научился, например, есть или одеваться без помощи взрослого, то дайте ему возможность делать это самостоятельно! Конечно, Вы можете одеть ребенка быстрее, чем он сделает это сам, или накормить его, не испачкав одежду и все вокруг, но тогда Вы будете мешать росту самостоятельности ребенка;

— Следует помогать ребенку только в том случае, если он сам просит взрослого о помощи. Не нужно вмешиваться в деятельность ребенка тогда, когда он чем-то занят, если он не просит Вас об этом. Конечно, взрослые зачастую лучше понимают, как выполнить то или иное действие, но важно дать возможность ребенку найти решение самостоятельно! Пусть он учится постигать какие-то вещи сам и делать маленькие открытия. Но родителям при этом следует быть разумными! Если ребенок делает что-то, представляющее опасность для него, то следует, конечно же, оградить его от этого, даже если он не просит об этом;

— Нужно всячески поощрять стремление к самостоятельности. В этом возрасте ребенок очень часто повторяет: «Я сам!». Важно не препятствовать ему в этом стремлении (конечно, в рамках разумного), всячески стимулировать его попытки самостоятельных действий. Очень часто родители на неумелые попытки своего чада что-то сделать самостоятельно реагируют так: «Не мешай!», «Отойди», «Ты еще маленький, не справишься, я сам(а) все сделаю» и т. д. Старайтесь давать ребенку возможность попробовать свои силы. Хочет он помыть пол — дайте ему ведро и тряпку. Вам

потребуется потом всего несколько минут, чтобы незаметно убрать за ним лужи, образовавшиеся в результате его труда, но зато у ребенка будут формироваться навыки не только самостоятельности, но и трудолюбия. Хочет он постирать свой носовой платочек? Позвольте ему сделать это. Ничего страшного, если потом Вам придется перестирать его, ведь в данный момент не столь важен конечный результат. Поддерживайте ребенка и одобряйте его действия – ведь он так нуждается в этом. Главное не делать предметом насмешек его неумелые попытки. Ведь от малыша порой требуется очень много усилий для того, чтобы сделать то, что взрослому кажется простым и несложным. Если у ребенка что-то не получается, можно деликатно объяснить ему ошибку и обязательно подбодрить, помочь ему поверить в то, что у него обязательно все получится.

Библиографический список

1. Александрова А.Л. Нарративная терапия – эффективный способ помощи в трудной ситуации // Социальная педагогика в России. 2009. № 4. С. 32–37.
2. Алтухова М.А. Условия развития ценностных ориентаций педагогов // Высшая школа: опыт, проблемы, перспективы: материалы IV Международной научно-практической конференции. М., 2011. С. 188–193.
3. Андреева М.А., Жданова Л.Г. Психологические последствия для членов семьи после развода // Научные исследования: от теории к практике. 2015. Т. 1. № 4(5). С. 229–231.
4. Дашкова Н.В. Психолого-педагогическое сопровождение психологической безопасности образовательной среды школы // Сборники конференций НИЦ. Социосфера. 2015. № 29. С. 51–54.
5. Долгополова А.В., Черкасова О.В. Подготовка студентов психолого-педагогических направлений к работе с родителями // Инновационные процессы в психологии и педагогике: сб. ст. Международной научно-практической конференции. Новосибирск, 2015. С. 36–39.
6. Егорова У.Г. Личностно развивающие взаимодействия с детьми как основа позитивного родительства // Вестник Самарского государственного университета. 2013. № 8.1 (109). С. 268–273.
7. Иванушкина Н.В., Тимофеева М.Г. Исследование представлений родителей дошкольников о возможностях использования социальных сетей при организации их педагогического просвещения // Молодой ученый. 2016. № 5–6 (109). С. 50–53.
8. Никулина И.В. Условия эффективной педагогической коммуникации // Образование в современном мире: инновационные стратегии: сб. науч. тр. Самара, 2016. С. 223–227.

References

1. Aleksandrova A.L. Narrativnaia terapiia – effektivnyi sposob pomoshchi v trudnoi situatsii [Narrative therapy efficient way of help in difficult situation]. *Sotsial'naia pedagogika v Rossii. Nauchno-metodicheskii zhurnal* [Social pedagogy in Russia. Scientific-methodical journal], 2009. No. 4. P. 32–37 [in Russian].
2. Altuhova M.A. *Usloviia razvitiia tsennostnykh orientatsii pedagogov* [Conditions of development of value systems of teachers]. In: *Vysshaia shkola: opyt, problemy, perspektivy. Materialy IV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Higher school: experience, problems, perspectives. Materials of the IV International research and practical conference]. Moscow, 2011. P. 188–193 [in Russian].
3. Andreeva M.A., Zhdanova L.G. *Psikhologicheskie posledstviia dlia chlenov sem'i posle razvoda* [Psychological sequences for family members after the divorce]. *Nauchnye issledovaniia: ot teorii k praktike* [Scientific research: from theory to practice], 2015, Vol. 1. No. 4(5). P. 229–231 [in Russian].
4. Dashkova N.V. *Psikhologo-pedagogicheskoe soprovozhdenie psikhologicheskoi bezopasnosti obrazovatel'noi sredy shkoly* [Psychological and pedagogic support of psychological security of an educational environment of school]. In: *Sborniki konferentsii NITS. Sotsiosfera* [Collected book of conferences of Nits. Sociosphere]. 2015. No. 29. P. 51–54 [in Russian].

5. Dolgopolova A.V., Cherkasova O.V. *Podgotovka studentov psikhologo-pedagogicheskikh napravlenii k rabote s roditeliami* [Preparing of students of psychological and pedagogical direction to the work with parents]. In: *Innovatsionnye protsessy v psikhologii i pedagogike: sb. st. Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Innovative processes in psychology and pedagogics. Collection of articles of International research and practical conference]. Novosibirsk, 2015. P. 36–39 [in Russian].

6. Egorova U.G. *Lichnostno razvivaiushchie vzaimodeistviia s det'mi kak osnova pozitivnogo roditel'stva* [Personally developing interactions with children as basis of positive parental care]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Samara State University]. 2013. No. 8.1(109). P. 268–273 [in Russian].

7. Ivanushkina N.V., Timofeeva M.G. *Issledovanie predstavlenii roditeli doshkol'nikov o vozmozhnostiakh ispol'zovaniia sotsial'nykh setei pri organizatsii ikh pedagogicheskogo prosveshcheniia* [Investigation of ideas of parents of preschool children about possibilities of using social networks at organization of their pedagogical enlightenment]. *Molodoi uchenyi* [Young Scientist]. 2016. No. 56(109). P. 50–53 [in Russian].

8. Nikulina I.V. *Usloviia effektivnoi pedagogicheskoi kommunikatsii* [Conditions of effective pedagogical communication]. In: *Obrazovanie v sovremennom mire: innovatsionnye strategii: sb. nauch. tr.* [Education in the modern world: innovative strategies. Collection of research papers]. Samara, 2016. P. 223–227 [in Russian].

*U.G. Egorova, O.A. Chistakova**

HELPING PARENTS IN THE CRITICAL PERIODS OF PRESCHOOL CHILDREN DEVELOPMENT

The article comprises necessity of psychological and pedagogical helping to parents at the critical periods of their preschool children development. The article presents the results of research of parents problems, which is concerned with the children at the critical periods of their development before school and ways of their solution. The author shows psychologists and teachers difficulties in carrying out the work with parents. In the article the attention is accentuated on the content of activity of teachers and psychologists on support of parents in the critical periods of development of preschool children. On the basis of age peculiarities of children in the critical periods of their development, the author includes the formulation of some recommendations for parents in the process of psychological work with them.

Key words: psychological and pedagogical work with parents, psychological and pedagogical support, psychological and behavioral peculiarities of children of preschool age, critical period of development.

Статья поступила в редакцию 25/IV/2016.
The article received 25/IV/2016.

* Egorova Ulyana Gennadievna (shirley78@mail.ru), Department of Pedagogy, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Chistakova Olga Anatolievna (shirley78@mail.ru), kindergartener, kindergarten of general developmental type № 341, 19, Morisa Toreza, Samara, 443093, Russian Federation.

ПРИМЕНЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ ДЛЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С СЕМЬЯМИ УЧАЩИХСЯ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Статья посвящена актуальной для педагогической науки и практики проблеме формирования коммуникативной культуры младших школьников. Обосновывается необходимость взаимодействия школы с семьями учащихся в ее решении, в использовании для этого медийных средств, ресурсов социальных сетей.

Ключевые слова: младшие школьники, коммуникативная культура, взаимодействие школы с семьями учащихся, социальные сети, применение социальных сетей в работе с родителями учащихся.

Проблема формирования коммуникативной культуры младших школьников является значимой для педагогической науки и практики в условиях расширения сфер применения информационно-коммуникационных технологий. Сегодня она приобретает особую актуальность.

Взаимодействие внутренних факторов — индивидуальных возможностей личности (коммуникативный потенциал: коммуникативные свойства, коммуникативные способности), коммуникативная активность и коммуникативная компетентность) — и внешних, регулирующих общение в данном обществе (коммуникативное поведение: речевой этикет, коммуникативные нормы и традиции) образует коммуникативную культуру младшего школьника [7, с. 80]. В единстве внутренних и внешних факторов заключается социально-педагогический аспект формирования коммуникативной культуры учащихся.

Учеными доказано, что эффективность воспитательной работы с учащимися зависит от взаимодействия образовательного учреждения с семьями школьников, от их микроклимата, социально-психологических связей и отношений, влияния на сферу общения детей за пределами школы. Результативность воспитательной работы с детьми по месту жительства во многом определяется уровнем воспитанности окружающих и особенно близких людей. Повышение образовательного уровня, осведомленности взрослых в вопросах воспитания, создание благоприятной атмосферы в семьях, обеспечение единства педагогических требований в школе и семье способствуют созданию микросреды, благоприятной для развития личности ребенка, в том числе формированию коммуникативной культуры ребенка [5, с. 29].

Младший школьный возраст является оптимальным периодом для формирования коммуникативной культуры в связи с изменением его социального статуса, формированием произвольности и мотивации должностования учебной деятельности, повышением ответственности за собственную речь, изменением во взаимоотношениях

* © Горячев М.Д., Яндукова Т.А., 2016

Горячев Михаил Дмитриевич (mdgoryachev@samsu.ru), *Яндукова Татьяна Анатольевна* (yandukova@list.ru), кафедра педагогики, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

со взрослыми и сверстниками, формированием социально значимых качеств [6, с. 262]. Необходимо отметить, что семья и ее неоспоримый авторитет оказывают существенное влияние на освоение социального опыта младшими школьниками в целом и формирование коммуникативной культуры в частности.

И.А. Неясова под освоением социального опыта младшими школьниками понимает «восприятие, накопление, обогащение, осмысление, принятие в педагогически созданных условиях знаний о социальных явлениях, социальных умений и навыков, опыта эмоциональных отношений, опыта творческой деятельности» [8, с. 158]. При этом коммуникативная культура будет выступать средством освоения социального опыта младшими школьниками и регулятором социальных отношений, поэтому необходимо целенаправленное ее (коммуникативной культуры) формирование. Можно выделить два направления по формированию коммуникативной культуры: внутри образовательного учреждения и за ее границами – в семье.

В.А. Акимова выделяет несколько моделей взаимодействия школы и семьи, среди них: информационно-консультативная модель, модель разноуровневого взаимодействия, модель партнерских отношений, координационную, модель кооперативного взаимодействия, модель сетевого взаимодействия, модель персонифицированного взаимодействия. Каждая из перечисленных моделей имеет место в работе с родителями в современной школе [1].

Остановимся на модели сетевого взаимодействия с родителями младших школьников как одного из средств формирования коммуникативной культуры детей.

Т.В. Борисова выделяет понятие информационной среды общества как совокупности ресурсов, средств, услуг и условий, позволяющей обеспечить качество жизни населения. В настоящее время невозможно представить общество без информационных технологий, компьютера, Интернета и социальных сетей. Применение информационных технологий в различных сферах общественной жизни привело к изменению традиционных форм коммуникации – Интернет стал площадкой для общения людей. Возможности глобальной сети являются инструментами поиска информации, обучения, выполнения профессиональных задач, общения, а самым популярным сервисом – социальные сети. Это «многопользовательский интерактивный сайт, предоставляющий своим пользователям некоторую социальную среду, в которой происходит общение людей, объединенных общими интересами» [4, с. 220].

Особенность социальных сетей заключается в том, что сами пользователи создают и наполняют их содержание. Этот сервис обеспечивает удобство общения в интерактивном режиме, разнообразные формы работы с информацией (текст, графика, звук, видео и проч.), возможность участия в различных сообществах, оперативное оповещение об изменениях в личном информационном пространстве в рамках данной среды и т. д. Нахождение в подобной среде предполагает продуктивность, то есть «результатом пребывания и любой активности в социальной сети является некий продукт: сообщение, перепост, комментарий, отданный голос, решение “вступить в группу или нет”, “добавить в друзья или нет” и т. д.» [4, с. 221]. Участие пользователя в выборе социальной сети, в деятельности этого сообщества является добровольным, мотивированным.

Социальные сети объединяют людей в группы и сообщества по определенному принципу. Коммуникативные возможности социальных сетей достаточно широки, в виртуальном пространстве любой человек имеет возможность найти такой круг собеседников, в котором он будет чувствовать себя комфортно. Растет и доля людей, включенных в активные формы социального поведения в сети [2].

Социальная сеть, отмечает О.С. Самсонова, представляет собой платформу, онлайн сервис или веб-сайт, предназначенный для построения, отражения и организации социальных взаимоотношений [9].

В.А. Сергодеев определяет интернет-сообщество как особый вид социального объединения пользователей коммуникационных сетей и выделяет отличительные особенности интернет-сообществ, такие как: общая цель; регулярное взаимодействие членов группы с целью достижения личных и/или общих целей; наличие общей информации, норм, регулирующих общение в сетевой группе («сетикет»); возможность получения информации в интерактивном режиме и оказание влияния на ее формирование, контроль за поведением членов сообщества [10].

А.С. Воронкин предложил следующую классификацию социальных сетей: а) социальные сети неформального общения; б) социальные специализированные и узкоспециализированные профессиональные сети; в) сети, способствующие профессиональному развитию и построению карьеры личности. Социальные сети выполняют ряд функций: коммуникационную, информационную, социализирующую, самоактуализирующую, идентификационную, функцию формирования идентичности и развлекательную [3].

В рамках педагогического просвещения по вопросам формирования коммуникативной культуры в социальной сети «ВКонтакте» была организована группа для родителей учащихся младших классов «Вокруг да около океана знаний». С целью сохранения персональных данных группа закрыта от посторонних пользователей. Группа «Вокруг да около океана знаний» имеет определенную структуру: участники, фото-, видео- и аудиоматериалы, документы, интернет-ссылки и т. д. Задача руководителя группы заключается в регулярном пополнении информации для родителей по вопросам обучения, воспитания и развития младших школьников, в том числе и рекомендаций по формированию коммуникативной культуры. Руководитель группы имеет возможность отследить статистические данные сообщества, такие как:

- посещаемость среднесуточное количество посетителей, просмотр разделов;
- охват аудитории – пользователи, просмотревшие записи сообщества на стене или в разделе «Мои новости», пол, возраст, география населенных пунктов, устройство (мобильное устройство, персональный компьютер);
- активность обратная (комментарии, «лайки», участие в опросах).

В группе «Вокруг да около океана знаний» обсуждаются успехи и достижения класса на стене группы, а также индивидуальная программа развития каждого ребенка в личной переписке с родителями, в том числе по результатам внедрения системы формирования коммуникативной культуры. Родители имеют возможность участвовать в дискуссиях и опросах, задать вопросы, получить информационную поддержку.

Родителям младших школьников были предложены для обсуждения, консультаций следующие темы: «Что происходит с ребенком, когда родительское внимание замещается планшетным компьютером», «9 открытый в воспитании детей», «10 вещей, которым стоит обучить сына», «Воспитание дочери: о чем необходимо помнить», «Разница в воспитании мальчиков и девочек», «Как выглядит счастливое детство без телевизоров, компьютеров и смартфонов», «Реально ли за лето исправить ошибки в воспитании детей – отвечают самарские психологи», «7 советов родителям ребенка-манипулятора», «Как научить ребенка правильно выражать гнев: 4 совета», «Учитесь говорить с детьми правильно», «Правило нужного момента, которое сделает ваше общение разумным и спокойным», «Зачем и что читать ребенку вслух?», «Социальные сети: как ими пользоваться?» и др.

Кроме того, воспитательное значение имеют списки рекомендованной для детей и родителей литературы («100 книг, которые нужно прочитать, чтобы понимать себя и друг друга»), интернет-адреса литературы, доступной для свободного чтения («5 легальных онлайн-библиотек, на которых можно читать и скачивать книги бесплатно», «Умные бестселлеры по воспитанию детей для читающих родителей», «Книги Марии Монтессори», «15 книг для всех, кто хочет научиться понимать детей», «Шалва Амонашвили “Памятка для родителей”» и др.).

Общение в социальных сетях было продолжено во время очных встреч с родителями учащихся на собраниях, организованных в формате лектория, тренинга, «за круглым столом», вечера вопросов и ответов. Примерный перечень тем: кризис семи лет, психолого-педагогические особенности развития младших школьников, развитие речи и формирование коммуникативной культуры детей, способы взаимодействия и разрешения конфликтов с ребенком, семейные традиции и формы организации досуговой деятельности в семье, особенности взаимодействия с мальчиками и девочками младшего школьного, предпубертатного возраста и т. д. Также проводилось анкетирование родителей с целью выявления ошибок и коррекции процесса формирования коммуникативной культуры младших школьников в семье, а также привлечение родительской помощи в организации взаимодействия классного коллектива. Были организованы выставки работ учащихся (в том числе с привлечением школьных СМИ), выполненных в соавторстве с родителями; подготовлены и проведены совместные конкурсы и праздники; поездки на природу; разработаны информационные стенды, памятки для родителей по работе социальных сетей, участию в сетевых группах, проведены их презентации.

Взаимодействие с родителями в специально созданных группах социальных сетей, безусловно, является средством формирования коммуникативной культуры младших школьников. Отличительными особенностями такого взаимодействия выступают интерактивность и мобильность обмена информацией, обратная связь, общение и решение проблем ребенка и класса на волне «здесь и сейчас», возможность просвещения родителей по вопросам развития, воспитания и обучения младших школьников.

Библиографический список

1. Акимова В.А. Историко-педагогический анализ развития современных моделей взаимодействия школы и семьи // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2013. № 4. Т. 3. С. 47–57.
2. Борисова Т.В. Условия формирования коммуникативной культуры младших школьников в информационном пространстве // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011. № 2. С. 5–11.
3. Воронкин А.С. Социальные сети: эволюция, структура, анализ // Образовательные технологии и общество. 2014. № 1. Т. 17. С. 650–675.
4. Горячев М.Д., Горячев М.М., Иванушкина Н.В., Мантуленко В.В. Применение сетевых ресурсов в современном образовании // Вестник Самарского государственного университета. 2014. № 5(116). С. 220–227.
5. Горячев М.Д., Фокина Т.А. Организация социально-педагогической деятельности в школе. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2005. 132 с.
6. Горячев М.Д., Яндукова Т.А. Методика исследования сформированности коммуникативной культуры младших школьников // Вестник Самарского государственного университета. 2015. № 11(133). С. 262–267.
7. Горячев М.Д., Яндукова Т.А. Социально-педагогический подход к проблеме формирования коммуникативной культуры младших школьников // Воспитательный потенциал инновационной образовательной среды: сб. науч. трудов XI международной заочной научно-методической конференции. Саратов: Изд-во СПОО «Центр «Просвещение», 2015. С. 80–81.
8. Неясова И.А. Психолого-педагогические аспекты освоения социального опыта младшими школьниками в образовательном процессе // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Сер.: Педагогика, психология. 2014. № 3. С. 158–160.
9. Самсонова О.С. Формирование коммуникативных универсальных учебных действий обучающихся с помощью социальных сетей // Инновационная наука. 2015. № 7–2. С. 123–126.
10. Сергодеев В.А. Сетевые интернет-сообщества: сущность и социокультурные характеристики [Электронный ресурс] // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политоло-

гия, культурология. 2013. № 1 (113). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/setevye-internet-soobschestva-suschnost-i-sotsiokulturnye-harakteristiki> (дата обращения: 15.09.2016).

11. Яндукова Т.А. Научные подходы к проблеме формирования коммуникативной культуры младших школьников // Вестник СамГУ. 2011. №1.2 (82). С. 223–227.

References

1. Akimova V.A. *Istoriko-pedagogicheskii analiz razvitiia sovremennykh modelei vzaimodeistviia shkoly i sem'i* [Historical and pedagogical analysis of development of models of interaction of school and family]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina* [Vestnik of Pushkin Leningrad State University]. 2013. No. 4. Vol. 3. P. 47–57.
2. Borisova T.V. *Usloviia formirovaniia kommunikativnoi kul'tury mladshikh shkol'nikov v informatsionnom prostranstve* [Conditions of formation of communicative culture of primary school pupils in information space]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin]. 2011. No. 2. P. 5–11 [in Russian].
3. Voronkin A.S. *Sotsial'nye seti: evoliutsiia, struktura, analiz* [Social networks: evolution, structure, analysis]. *Obrazovatel'nye tekhnologii i obshchestvo* [Educational technology and society]. 2014. No. 1. Vol. 17. P. 650–675 [in Russian].
4. Goryachev M.D., Goryachev M.M., Ivanushkina N.V., Mantulenko V.V. *Primenenie setevykh resursov v sovremennom obrazovanii* [Application of network resources in modern education]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Samara State University]. 2014. No. 5(116). P. 220–227 [in Russian].
5. Goryachev M.D., Fokina T.A. *Organizatsiia sotsial'no-pedagogicheskoi deiatel'nosti v shkole* [Organization of social and pedagogic activity at school]. Samara: Izd-vo "Samarskii universitet", 2005. 132 p. [in Russian].
6. Goryachev M.D., Yandukova T.A. *Metodika issledovaniia sformirovannosti kommunikativnoi kul'tury mladshikh shkol'nikov* [Methods of investigation of formation of communicative culture of primary school pupils]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Samara State University]. 2015. No. 11(133). P. 262–267 [in Russian].
7. Goryachev M.D., Yandukova T.A. *Sotsial'no-pedagogicheskii podkhod k probleme formirovaniia kommunikativnoi kul'tury mladshikh shkol'nikov* [Social and pedagogic approach to the problem of formation of communicative culture of primary school pupils]. In: *Vospitatel'nyi potentsial innovatsionnoi obrazovatel'noi sredy. Sbornik nauchnykh trudov XI mezhdunarodnoi zaochnoi nauchno-metodicheskoi konferentsii* [Educational potential of innovative educational environment. Collection of research papers of XI International extramural scientific and methodological conference]. Saratov: izd-vo SPOO «Tsentr «Prosveshchenie», 2015. P. 80–81 [in Russian].
8. Neyasova I.A. *Psikhologo-pedagogicheskie aspekty osvoeniia sotsial'nogo opyta mladshimi shkol'nikami v obrazovatel'nom protsesse* [Psychological and pedagogical aspects of acquisition of social experience by primary school pupils in the educational process]. *Vektor nauki Tol'iattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika, psikhologiya* [Vector of Science of Togliatti State University. Series: Pedagogy, Psychology]. 2014. No. 3. P. 158–160 [in Russian].
9. Samsonova O.S. *Formirovanie kommunikativnykh universal'nykh uchebnykh deistvii obuchaiushchikhsia s pomoshch'iu sotsial'nykh setei* [Formation of communicative universal educational activities of trainees with the help of social networks]. *Innovatsionnaia nauka* [Innovative Science]. 2015. No. 72. P. 123–126.
10. Sergodeev V.A. *Setevye internet-soobshchestva: sushchnost' i sotsiokulturnye kharakteristiki* [Network web-communities: essence and sociocultural characteristics]. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, iurisprudentsiia, politologiya, kul'turologiya* [The Bulletin of Adyge State University. Series 1: Region Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Sciences and Culturology]. 2013. No. 1(113). Retrieved from: <http://cyberleninka.ru/article/n/setevye-internet-soobschestva-suschnost-i-sotsiokulturnye-harakteristiki> (accessed 15.09.2016) [in Russian].
11. Yandukova T.A. *Nauchnye podkhody k probleme formirovaniia kommunikativnoi kul'tury mladshikh shkol'nikov* [Scientific approaches on the formation of communicative culture of primary school pupils]. *Vestnik SamGU* [Vestnik of Samara State University]. 2011. No. 1.2 (82). P. 223–227 [in Russian].

*M.D. Goryachev, T.A. Yandukova**

APPLICATION OF SOCIAL NETWORKS IN COOPERATION WITH STUDENTS' FAMILIES IN THE PROCESS OF FORMATION OF COMMUNICATIVE CULTURE OF PRIMARY SCHOOL PUPILS

The article deals with the problem of formation of communicative culture of primary school students which is topical for pedagogical science and practice. The necessity of the interaction of school with pupils families in their solution, using of media means, resources of social networks is substantiated.

Key words: primary school pupils, communicative culture, school cooperation with pupils' families, social networks, applying social networks in cooperation with pupils' parents.

Статья поступила в редакцию 21/V/2016.
The article received 21/V/2016.

* *Goryachev Mikhail Dmitrievich* (mdgoryachev@samsu.ru), *Yandukova Tatiana Anatolievna* (yandukova@list.ru), Department of Pedagogy, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

УДК 82-31

Г.Г. Ишимбаева*

**ДИАЛЕКТИКА ПРИЯТИЯ–ОТРИЦАНИЯ ИДЕЙ НИЦШЕ
В РОМАНЕ Д. ТАРТТ «ТАЙНАЯ ИСТОРИЯ»**

Научная новизна и актуальность настоящей работы определяется тем, что в ней впервые рассмотрен ницшевский континуум в романе современной американской писательницы Донны Тартт «Тайная история» (1992), где представлена диалектика притяжения–отрицания идей автора Заратустры, которые во многом обуславливают сюжет и поэтику романа.

Ключевые слова: Ницше, дионисийское, мистерия, вакханалия, Тартт.

Философия Фридриха Ницше оплодотворила эстетику европейского декаданса рубежа XIX–XX веков и во многом повлияла на литературу прошлого столетия, потому что оказалась созвучной настроениям трагической эпохи с ее революциями и мировыми войнами. Человек в это время осознал, что мир абсурден и может быть оправдан лишь как эстетический феномен, для которого несущественна идея Бога.

Еще в 1882 году в 125-м фрагменте своей «Веселой науки» Ницше привел показательную историю о безумце с фонарем в руках, ищущем Бога и прозревающим: «*Мы его убили – вы и я! Мы все его убийцы! <...> Не приходится ли среди бела дня зажигать фонарь? Разве мы не слышим еще шума могильщиков, погребаящих Бога? Разве не доносится до нас запах божественного тления? – и Боги истлевают! Бог умер! Бог не воскреснет! И мы его убили!*» [1, с. 592–593]. Речь в притче шла не столько о Боге христианской или другой религии, сколько о сверхчувственном метафизическом мире, ценности которого, по убеждению философа, люди отвергли. Идея о «смерти Бога» с закономерностью повлекла за собой другие – о вседозволенности, об искусстве как о новом Боге, о замене Богочеловека Христа сверхчеловеком, которому все дозволено и который стоит «по ту сторону добра и зла».

Неудивительно, что Ницше «стал мировоззренческой платформой, а вернее, бешено вращающимся «чертовым колесом», на котором с большим или меньшим успехом попыталась удержаться западная мысль – философская и художественная» [2, с. 222]. Проблеме актуализации наследия Ницше в XX веке посвящены серьезные

* © Ишимбаева Г.Г., 2016

Ишимбаева Галина Григорьевна (galgrig7@list.ru), кафедра зарубежной литературы и художественной культуры, Башкирский государственный университет, 450076, Российская Федерация, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.

исследования. Их авторы, П. Каркама [3], Т. Мейер [4], С. Виетта [5], В. Дианова [6], О. Сурова [2] и др., анализируют причины и формы влияния философии Ницше на развитие мировой художественной культуры столетия.

Актуальность настоящей статьи определяется тем, что в ней впервые рассмотрен ницшевский континуум в романе современной американской писательницы Донны Тартт «Тайная история» (1992), где представлена диалектика притяжения–отрицания идей автора Заратустры.

Тень Ницше появляется уже в названии романа, отсылающем к сочинению византийского писателя Прокопия Кесарийского «Тайная история», где критикуются император Юстиниан и его жена Феодора. В скандальном памфлете, полном разоблачений нравов императорского двора, историк выступил как филолог-моралист, предвосхитив тем самым стратегию работы Ницше «К генеалогии морали».

Еще очевиднее идейный замысел романа Тартт, связанный с Ницше, раскрывается благодаря первому эпиграфу: «И вот я задаюсь вопросом о том, кто и как становится филологом, и утверждаю: 1. В юности человек не имеет еще ни малейшего представления о древних греках и римлянах. 2. Он не знает, пригоден ли он к тому, чтобы сделать их предметом своего изучения» (Фридрих Ницше. Из заметок к ненаписанной книге «Мы, филологи») [7, с. 11].

Герои Тартт – молодые люди, посвятившие себя филологии, т. е. уже имеющие некоторое представление о древних греках и римлянах и сделавшие их предметом своего изучения. Исходная позиция смоделирована писательницей таким образом, что отсылает к студенческим годам Ницше, который обрел себя в классической филологии и написал вдохновенную книгу «Рождение трагедии из духа музыки. Предисловие к Рихарду Вагнеру».

Сюжетообразующими, на наш взгляд, стали некоторые принципиальные положения этого сочинения Ницше. Во-первых, дихотомия «двух переплетенных между собой художественных инстинктов – *аполлонического и дионисического*» [8, с. 101], которыми философ обозначал основные глубинные принципы искусства и культуры, стала методологической моделью поведения героев романа, оказавшихся погруженными в дионисийские стихийные иррациональные бездны. Во-вторых, ницшевскую концепцию искусства как «живой стены, воздвигаемой <...> вокруг себя, чтобы начисто замкнуться от мира действительности и тем самым сохранить себе свою идеальную почву и свою поэтическую свободу» [8, с. 81], разделяют юные герои Тартт, которые благодаря занятиям античностью пытались дистанцироваться от «мира действительности». Более того, они способом своего жизнетворчества пытаются доказать постулат Ницше о «человеке, поднявшемся до титанического», который «сам завоевывает себе свою культуру и принуждает богов вступить с ним в союз, ибо в своей самоприобретенной мудрости он держит в руке их существование и пределы» [8, с. 90–91].

Ницшевская в своей основе история показана глазами эксплицитного автора романа, Ричарда Пейпена, прибывающего в Хэмпден-колледж (штат Вермонт) и делающего все возможное, чтобы попасть в закрытую элитарную группу из пяти студентов, которые под руководством профессора Джулиана Морроу изучают древнегреческий язык. Ставший членом этого сообщества избранных, Пейпен остается в нем не до конца своим, сторонним человеком и хочет приблизиться к постижению некоей тайны, которая объединяет его сокурсников. Тайна эта, как оказывается, связана с коллективным преступлением – бессознательным убийством случайного прохожего, которое повлекло за собой сознательное убийство одного из студентов группы, не связанного со всеми пролитой кровью и пытавшегося шантажировать этим своих друзей.

Неслучайность всего происшедшего раскрывается на страницах романа благодаря обнажению его философских оснований. Истинным вдохновителем кровавого деяния оказывается педагог Джулиан Морроу, который соблазняет своих учеников лек-

диями с ницшеанским подтекстом. Он завораживающе парадоксально говорит о необузданных эмоциях, варварстве, мраке и буквально зомбирует своих слушателей мыслями о том, что «в красоте заключен ужас» и что прекрасное «заставляет <...> содрогаться», что необходимо «всецело утратить власть над собой» и «быть абсолютно свободным» [7, с. 53]. Он вспоминает эринний и менад и набрасывает схему возрождения сверхчеловека в процессе дионисийских мистерий, «этого пламени чистого бытия» [7, с. 54].

Занятия носят, несомненно, психоаналитический характер. Пожилой профессор обнажает перед учениками жизнь своего *Superego* — недаром во время лекции, как замечает Пейпен, «смутное беспокойство проступило» на его лице [7, с. 53]. Юные слушатели заморожены этим духовным стриптизом, исполняемым их наставником, и рассказчик замечает: «...все мы замерли и сидели, подавшись вперед. Я заметил, что у меня открыт рот, и я слышу каждый свой вдох» [7, с. 54].

Студенты, испытывающие почти священный трепет перед своим наставником, воспринимают его как небожителя, идеальное существо, спустившееся на грешную землю. Они пока не знают максимы Ницше, утверждавшего: «Сотворить идеал — это значит: переделать своего дьявола в своего Бога. А для этого надобно, прежде всего, сотворить своего дьявола» [9, с. 737]. Как окажется впоследствии, они, пока не подозревая об этом, уже «сотворили своего дьявола», в роли которого выступает их профессор.

Джулиан Морроу, восхищающийся великолепием «кровавых мест» Гомера и Эсхила [7, с. 49], заражает своим восхищением учеников, вместе с которыми ставит «Агамемнона». Камилла Маколей в роли Клитемнестры голосом, звучащим «низко и пленительно» [7, с. 49], произносит стихи Эсхила: «Так он, с хрипеньем, в красной луже отдал дух; / И вместе с жизнью, хлынув из гортани, столб / Горячей крови обдал мне лицо волной / Столь сладостной, как теплый ливень сладостен / Набухшим почкам, алчущим расторгнуть плен...» [7, с. 49]. И возникает почти реальная картина того, как царица убивает кинжалом своего мужа и поднимается на неимоверную высоту наслаждения, которое чувствуют и которому сопереживают участники спектакля.

Убийство, пережитое в эстетическом плане как произведение искусства, юные интеллектуалы обосновывают историко-философским образом, обсуждая с педагогом-провокатором «дионисийское неистовство», то, что «Платон называет мистерией иступленностью» [7, с. 184]. Только после этого они решают устроить вакханалию, чтобы, как это сформулировал их лидер Генри Винтер, «сбросить оковы когнитивного восприятия, подняться над суетным и преходящим» [7, с. 184] и «возродиться к жизни вечной, вне тюрьмы смертности и времени» [7, с. 185].

К предстоящей мистерии молодые люди подходят очень серьезно, изучив литературу и выяснив, во что нужно одеваться, что делать и говорить, как войти в экстатическое состояние и что служит катализатором. После первых неудачных попыток «утратить эго» [7, с. 184] они достигли желаемого результата, встретили самого Диониса в лесу и пережили вакхическую иступленность. На самом деле психика их, постившихся в течение нескольких дней, употреблявших вино и наркотики, была в угнетенно-возбужденном состоянии и способствовала возникновению коллективных галлюцинаций, которые были порождены лекциями профессора Морроу. Лучше всего об этом свидетельствует такая деталь. Преподаватель на занятии обращает внимание студентов на то, как Еврипид в «Вакханках» описывает менад: «Голова запрокинута назад, горло обращено к звездам, “так лань играет, радуясь роскошной зелени лугов”» [7, с. 54]. И в состоявшейся вакханалии образ лани присутствует: Камилле кажется, будто она стала ланью, а все остальные помнят, будто гнали лань по лесу [7, с. 189–190].

Четверо студентов в состоянии дионисийского экстаза, не владея собой, одолели десять с лишним километров по ночному лесу, пока не очнулись над трупом убитого ими местного жителя. Генри Винтер, рассказывающий об этом Ричарду Пейпену, набрасывает настоящую композицию картины: участники мистерии «одежда разодрана, во всклокоченных волосах листья и грязь», «злобные остекленевшие взгляды», жертва — «сломана шея», «мозги <...> размазаны по лицу», из-за облаков показалась луна [7, с. 190]. Так заканчивается 1 акт трагедии о молодых людях, с подачи педагога заигравшихся над пропастью дионисийской бездны.

В этой истории в полной мере реализуется декадентская мысль о жизни, подражающей искусству, и постмодернистская идея о первичности Слова, которое моделирует реальность. Дальнейшие события служат развенчанию данной концепции. Антибуржуазно настроенные герои романа, которые сделали изначально непрактичный выбор в пользу древнегреческого языка в духе занятий «искусством для искусства», которые проповедовали эстетизм и презирали добропорядочность, не смогли пережить последствий трагически закончившейся вакханалии. Они, полностью принявшие идеи Ницше и попытавшиеся реализовать их в дионисийской практике, повели себя не так, как это сделал бы ницшеанский сверхчеловек. Они оказываются во власти «человеческого, слишком человеческого»: страшатся полиции и готовят побег за границу; убивают Банни Коркорана, от которого исходит угроза разоблачения; погружаются в животный страх и переживают пароксизмы взаимной ненависти.

Отрицание идей Ницше особенно наглядно раскрывается в трактовке образа вождя группы Генри Винтера. Аристократ духа, необыкновенно талантливый и балансирующий на грани безумия, он словно иллюстрирует мысль Ницше о гениальности как оборотной стороне болезни. Находящийся под огромным влиянием личности своего преподавателя («Я любил его больше, чем собственного отца. Я любил его так, как не любил никого и никогда», — признается он Пейпену [7, с. 556]), Винтер был потрясен реакцией Морроуна открывшуюся тайну: профессор попросту сбежал из колледжа и из страны, когда узнал обо всем. Так, Винтер наконец понял, что учитель все время просто манипулировал ими, что он испугался за свою репутацию и что главное для него — «уберечь свое доброе имя» [7, с. 556]. Джулиан Морроу не ужаснулся открывшейся ему правдой, и «его не волнуют ни обстоятельства, ни сам факт смерти Банни», он усмотрел в этой истории только «угрозу собственному благополучию» [7, с. 556]. Между тем Винтер был готов простить ему даже предательство и донос в полицию, потому что «это был бы поступок», и не может простить того, что «он испугался и убежал — как заяц» [7, с. 556].

Горечь и разочарование Генри Винтера столь велики, что единственный выход для себя он видит в самоубийстве. Ричард Пейпен так комментирует его смерть: «Сомневаюсь, что им двигало отчаяние или страх. Уверен, что подкосило его бегство Джулиана. Мне кажется, ему нужно было любой ценой доказать нам и самому себе, что долг, благочестие, преданность, самопожертвование — все те монументально-высокие принципы, которые преподавал нам Джулиан, — это не пустой звук» [7, с. 575]. Иначе говоря, он не смог пережить того, что учитель, проецировавший в его сознательное, подсознательное и бессознательное грандиозные идеи ницшеанского толка, на поверку оказался трусливым ловцом человеческих душ, сбежавшим от проблем.

Позиция Д. Тартт при всей очевидности развенчания ницшеанской идеологии неоднозначна, об этом говорит символика фамилий Генри Винтера и Джулиана Морроу. Если у первого «зимняя» фамилия, связанная с ледяным умиранием природы, то у второго она несет коннотации, связанные с будущим. В финале романа появляется эта тема «завтрашнего дня»: ницшеанец Морроу, по слухам, стал наставником наследного принца одной восточноафриканской страны.

Что до прочих участников вакхической группы студентов-убийц, то они, покинувшие колледж после смерти духовного вождя, потихоньку вернулись в лоно своих

буржуазных семей и с отвращением, но приняли законы буржуазного мира, т. е. отказались от ницшеанских уроков Джулиана Морроу. Тем самым они доказали справедливость одного из афоризмов Ницше: «Зло и великий аффект потрясают нас и опрокидывают все, что есть в нас трухлявого и мелкого: вам следовало бы прежде испытать, не смогли ли бы вы стать великим» [9, с. 738]. Проверку на право «стать великими» ценой пролития крови они не прошли и в этом смысле оказались наследниками по прямой Родиона Раскольникова, в отличие от которого, однако, не сумели постичь дьявольскую бесчеловечность теории о «тварях дрожащих» и «право имеющих».

Ницшевский континуум «Тайной истории» получает завершающий штрих в последней опосредованной аллюзии на немецкого философа. Аллюзия эта имеет тот же контекстуальный характер, что в прологе романа в связи с Прокопием Кесарийским. Она обусловлена образом Иоганна Фауста в эпилоге, где автор-повествователь цитирует «Трагическую историю доктора Фауста» К. Марло: «Право, он очень похож на фокусника» [7, с. 579]. Выбор текста для цитирования весьма показателен — это высказывание Ницше о трагедии И.В. Гете: «*Фауст*, трагедия познания? В самом деле? Я смеюсь над Фаустом» [9, с. 749].

Д. Тартт, таким образом, изящно закруглила свое повествование об учениках лукавого учителя, мечтавших о мире, выстроенном по лекалам «Рождения трагедии из духа музыки» Ницше; мире, который может быть оправдан только как эстетический феномен; мире, который их уничтожил.

Библиографический список

1. Ницше Ф. Веселая наука / пер. с нем. К. Свасьяна // Ницше Ф. Соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Издательство «Мысль», 1990. С. 491–719.
2. Сулова О.Ю. Человек в модернистской культуре // Зарубежная литература второго тысячелетия. 1000–2000. М.: Высшая школа, 2001. С. 221–291.
3. Karkama P. Lebensphilosophie, Moderne und Postmoderne // *Moderne Nietzsche Postmoderne* / hrsg. von A. Gedo. Berlin, 1990. P. 89–117.
4. Meyer Th. Nietzsche und die Kunst. Tübingen u. Basel: Francke Verlag, 1993. 487 p.
5. Vietta S. Die literarische Moderne. Eine Problem geschichtliche Darstellung der deutschsprachigen Literatur von Hölderlin bis Thomas Bernhard. Stuttgart: Metzler, 1992. 361 p.
6. Дианова В.М. Постмодернистская философия искусства: истоки и современность. СПб.: ООО «Издательство “Петрополис”», 1999. 240 с.
7. Тартт Д. Тайная история / пер. с англ. Д. Бородкина, Н. Ленцман. М.: Издательство АСТ:CORPUS, 2015. 592 с.
8. Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки / пер. с нем. Г. Рачинского // Ницше Ф. Соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Издательство «Мысль», 1990. С. 57–157.
9. Ницше Ф. Злая мудрость. Афоризмы и изречения / пер. с нем. К. Свасьяна // Ницше Ф. Соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Издательство «Мысль», 1990. С. 720–768.

References

1. Nietzsche F. *Veselaia Nauka. Per. s nem. K. Svas'iana* [The Gay Science. Transl. from German by K. Swassjan]. In: *Soch. v 2 t. T. 1* [Complete works in 2 Vols. Vol. 1]. M.: Izdatel'stvo «Mysl'», 1990. P. 491–719 [in Russian].
2. Surova O.Yu. *Chelovek v modernistskoi kul'ture* [Man in a modernistic culture]. In: *Zarubezhnaia literatura vtorigo tysiacheletia. 1000–2000* [Foreign literature of the second millennium. 1000–2000]. M.: Vysshiaia shkola, 2001. P. 221–291 [in Russian].
3. Karkama P. *Lebensphilosophie, Moderne und Postmoderne* [Philosophy, Modern and Postmodern]. In: *Moderne Nietzsche Postmoderne. Hrsg. von A. Gedo* [Modern Nietzsche Postmodern. Ed. by A. Gedo]. Berlin, 1990. P. 89–117 [in German].

4. Meyer Th. *Nietzsche und die Kunst* [Nietzsche and the Art]. Tübingen and Basel: Francke Verlag, 1993. 487 p. [in German].
5. Vietta S. *Die literarische Moderne. Eine Problem geschichtliche Darstellung der deutschsprachigen Literatur von Hölderlin bis Thomas Bernhard* [The literary modern. A problemhistorical image of German Literature from Hölderlin to Thomas Bernhard]. Stuttgart: Metzler, 1992. 361 p. [in German].
6. Dianova V.M. *Postmodernistskaia filosofiiia iskusstva: istoki i sovremennost'* [Postmodern philosophy of art: the origins and modernity]. SPb.: ООО «Izdatel'stvo "Petropolis"», 1999. 240 p. [in Russian].
7. Tartt D. *Tainaia istoriia. Per. s angl. D. Borodkina, N. Lentsman* [The Secret History. Transl. from English by D. Borodkin, N. Lentsman]. M.: Izdatel'stvo ACT: CORPUS, 2015. 592 p. [in Russian].
8. Nietzsche F. *Rozhdenie tragedii iz dukha muzyki. Per. s nem. G. Rachinskogo* [The Birth of Tragedy from the Spirit of Music. Transl. from German by G. Rachinsky]. In: *Nietzsche F. Soch. v 2 t. T. 1* [Complete works in 2 Vols. Vol. 1]. M.: Izdatel'stvo «Mysl'», 1990. P. 57–157 [in Russian].
9. Nietzsche F. *Zlaia mudrost'. Aforizmy i izrecheniia. Per. s nem. K. Svas'iana* [Wicked Wisdom. Aphorisms and Sayings. Transl. from German by K. Swassjan]. In: *Soch. v 2 t. T. 1* [Complete works in 2 Vols. Vol. 1]. M.: Izdatel'stvo «Mysl'», 1990. P. 720–768 [in Russian].

*G.G. Ishimbaeva**

DIALECTICS OF ACCEPTANCE–DENIAL OF NIETZSCHE'S IDEAS IN «THE SECRET HISTORY» BY D. TARTT

The originality and timeliness of this research is determined by the fact that it is the first attempt to explore Nietzsche's continuum in «The Secret History» (1992) by a contemporary American writer Donna Tartt. She presents dialectics of acceptance and denial of the ideas put forth by the Zarathustras author that largely determines the plot and poetics of the novel.

Key words: Nietzsche, the Dionysian, mystery, Bacchanalia, Tartt.

Статья поступила в редакцию 11/VIII/2016.
The article received 11/VIII/2016.

* *Ishimbaeva Galina Grigorievna* (galgrig7@list.ru), Department of Foreign Literature and Artistic Culture, Bashkir State University, 32, Zaki Validi Street, Ufa, 450076, Russian Federation.

**УРОКИ НЕЛЮБВИ: ТРАДИЦИИ ЛИРИКИ А. БЛОКА И Н. ГУМИЛЕВА
В ЦИКЛЕ К. СИМОНОВА «С ТОБОЙ И БЕЗ ТЕБЯ»**

В статье обосновывается важность лирики А. Блока и Н. Гумилева как источника концепции любви в цикле Симонова «С тобой и без тебя». Устанавливается характер интертекстуальных связей, определяются заимствованные мотивы и образы. Блоковский и гумилевский претексты взаимно дополняют друг друга, при этом поэзия Блока привлекается полностью, а творчество Гумилева избирательно: Симонов ориентируется только на цикл «К синей звезде». Традиции предшественников особенно важны для создания образа лирической героини. Героиня Симонова является воплощением Вечной Женственности, одновременно соединяет в себе черты демонической женщины, женщины-звезды, женщины-стихии, Руси-жены. В стихотворениях цикла выявлено не только сходство мотивов, но и прямые текстуальные переключки с поэзией Блока и Гумилева.

Ключевые слова: Вечная Женственность, демоническая женщина, традиция, мотив, претекст, аллюзия.

«С тобой и без тебя» — само название знаменитого цикла К. Симонова не только говорит о расколоте пространства на два полюса, но и свидетельствует о внутренней конфликтности состояния героя. Он, даже будучи рядом с возлюбленной, ощущает ее холодность, осознает фатальную невзаимность своей любви. Сила чувства, не смирившегося с компромиссным статусом, породила жажду чуда, иррационального разрешения коллизии, а поэтическая точность заставила Симонова вести поиск адекватного языка у поэтов, любовная лирика которых сопряжена с мистическими чаяниями. Современники не раз обвиняли поэта в бравировании старыми, несоветскими ценностями. В наши дни исследователи М. Чудакова [1], И. Кукулин [2] указывают на традиции Н. Гумилева в выстраивании Симоновым линии маскулинности. Но, по нашему мнению, в любовной лирике поэт избрал другой ориентир — творчество А. Блока — и лишь во вторую очередь лирику Н. Гумилева. Родственность героини Симонова образам А. Блока была отмечена в одном из первых откликов на издание «С тобой и без тебя» — в статье В. Александрова «Письма в Москву» [3], но далее оставлена без внимания практически всеми исследователями. В статье мы намерены выявить характер обращений К. Симонова к лирике А. Блока и Н. Гумилева, установить возможные аллюзии на их произведения и шире — определить влияние поэтики и мирообраза названных поэтов на любовный цикл Симонова.

Важность наследия Блока и Гумилева для Симонова подчеркивалась им самим. Так, в 1973 г. он, предлагая воскресить из забвения ряд писателей начала века, назвал в их числе и «такого значительного поэта, как Гумилев»: «Издадим при этом

* © Коржова И.Н., 2016

Коржова Инесса Николаевна (clen24@yandex.ru), отдел общеобразовательных, гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Орский колледж искусств, 462422, Российская Федерация, г. Орск, ул. Советская, 65.

избранные стихи Гумилева, потому что он написал много хороших и несколько не враждебных нам стихов, и сделал много замечательных переводов, и потому что нельзя писать историю русской поэзии XX века, не упоминая о Гумилеве <...>» [4, с. 20]. И. Абашидзе вспоминал о предвоенных годах общения с Симоновым: «В то время оба безмерно увлеченные поэзией Блока, прогуливаясь по набережной, наперебой читали вслух» [5, с. 140]. Блок был упомянут Симоновым как многолетний поэт-спутник в письме 1972 года: «Что до Блока, то о Блоке я думал тогда не меньше, чем сейчас. Он был одним из поэтов, которые жили для меня в годы войны» [6, с. 28–29]. Укрепляет нашу гипотезу тот факт, что, учась в ИФЛИ, советский поэт избирает в качестве темы диссертации творчество Блока [5, с. 384]. Такое изучение предполагает широкое знакомство с наследием поэта и многократное обращение к его текстам, и это, безусловно, не могло не оставить следа в профессионально восприимчивой памяти Симонова.

В рецепции Симоновым традиций Блока и Гумилева заметна неоднородность. Если наследие Блока вовлечено в круг «С тобой и без тебя» равномерно, то из любовной лирики Гумилева был преимущественно воспринят цикл «К синей звезде». Как раз в момент написания цикла Гумилев развернул свою поэтическую систему в сторону отвергаемого ранее символизма, и наиболее востребованной при этом оказалась блоковская традиция. В.В. Иванов указывает, что «в канцонах и примыкающих к ним по образности и теме стихотворениях, — Гумилев ближе всего к традиции Блока; он, по сути, приближается к воспеванию не просто женщины, а дантовской Беатриче, или Вечной Женственности» [7, с. 234]. По этой причине в цикле Симонова прямое блоковское влияние усилено опосредованным, идущим через поэтику зрелого Гумилева.

Думается, Симонова привлекли в творчестве обоих поэтов «реликты рыцарского идеала», столь подробно исследованные у Блока и Гумилева Г. Шелогуровой [8]. Куртуазная традиция с ее часто безнадежной устремленностью к Даме позволяла переосмыслить роль несчастного влюбленного, в которой оказался герой Симонова. Двусмысленный статус нелюбимого мужчины заменялся позицией безусловного рыцарского служения. В лирике Блока и Гумилева мотивы холодности Дамы ретранслировались с достаточной силой.

Именно роковые, губительные для героя начала отмечали современники Симонова в адресате его стихов: «...героиня, собственно, демоническая женщина, вамп. В мирной обстановке появление подобной героини в советской лирике вызвало бы недоумение, скандал» [9, с. 82]. Это суждение Л. Гинзбург совпадает с оценкой В. Александрова. В обоих случаях указание на демонизм образа звучало не как исследовательская констатация, а как осуждение шаблонности или несоветскости. Однако героиня Симонова действительно изображается полуинфернальной. Положение лирического героя отягощается не просто нелюбовью женщины, но ее прихотливым нравом, воплощенным непостоянством. Характеристики возлюбленной красноречивы: «далекую, неверную» [10, с. 167], «где с тою же злостью найти мне глаза» [10, с. 171], «таким же отпетым бывать, как она» [10, с. 172], «злой, бесценной, проклятой» [10, с. 172], «злую, ветреную, колючую» [10, с. 180], «с переменчивою северной душой» [10, с. 183], «редко ты меня жалела» [10, с. 185], «недобра была со мной» [10, с. 214], «все то зло, что на меня, как груз, навалено твоей рукою было» [10, с. 218]. Подобные черты возлюбленной настойчиво фиксировались и Блоком. Парадоксально, но наиболее тесные текстуальные совпадения связаны с его ранними стихотворениями: «Но старина не знала фей // С такой неверностью очей, // С душой изменчивой такой!» [11, IV, с. 29], «Я люблю эту ложь, этот блеск, // Твой манящий девичий наряд» [11, I, с. 102], «Неверная, лукавая, // Коварная — пляши!» [11, II, с. 193]. Л.И. Лазарев, единственный после В. Александрова поднявший воп-

рос о переключках между Блоком и Симоновым, сопоставляет фразы «Страстная, безбожная, пустая, незабвенная, прости меня!» и «Злую, ветреную колючую, // Хоть ненадолго, да мою». По мнению исследователя, «эта близость <...> была не чисто литературного свойства. Тут от жизни идущее сходство характера, судьбы героини, отношения к ней окружающих, которым она кажется не достойной высокого чувства, не заслуживающей добра. Постоянный внутренний спор с ними (это и безотчетный спор с самим собой – тем он драматичнее) проходит через цикл “С тобой и без тебя”» [6, с. 28]. Но речь может идти как раз о литературном, подчас чисто стилистическом влиянии. Узнаваемость блоковского следа связана с тем, что именно Блок сталкивает в одной строке противоречивые эпитеты, соединяет условно объективную характеристику и вторую, показывающую точку зрения опьяненного любовью героя. Вспомним: «Как ты лжива и как ты бела!» [11, I, с. 102].

Изъятые из контекста, «блоковские» фразы у Симонова звучат конкретнее, жестче, даже отзвуки стихотворений первого периода начинают дышать земной страстью и соединяются с характеристиками героини второго тома. Сам А. Блок предостерегал от смешения женских образов его лирики (см. воспоминания Н.А. Павлович), и большинство исследователей (З. Минц, А. Горелов) соблюдают авторскую волю. Однако Л. Панова прямо заявляет о тождестве героинь: «Наведение порядка должно начинаться с отчетливого понимания того, кто такие Прекрасная Дама, Владычица мира (Царица), Дева-Заря-Купина, Незнакомка или Снежная Дева в поэзии Блока. Эти и некоторые другие перифрастически названные героини сводимы к одному образу: Софии, первоначально мира» [12, с. 311–312]. Отнесение к Софийным текстам зрелых стихотворений Блока позволяет исследователю говорить об устрашающей демонизации образа Прекрасной Дамы. Вероятно, Симонов также видел в женских образах Блока отражение единой сущности и свободно соединял черты разных героинь поэта.

Раздвоенность героини Симонова («две рядом живущих души» [10, с. 172]), контрастность ее дневного и ночного образа напоминают о персонаже пьесы Гумилева «Гондла» Ларе-Лаик, хотя идея двойственности человека не была чужда уже архаическим представлениям. Заострим внимание лишь на том, что у обоих поэтов более милостивой к героям-мужчинам оказывается ночная ипостась возлюбленной. В лирике Блока облик героини также рисуется как преимущественно ночной.

Самой частотной атрибуцией героини Симонова является эпитет «злая». И если свою героиню Блок никогда не наделял такой характеристикой, то Гумилев использовал это определение. В стихотворении «Пролетела золотая ночь», относящемся, как и все далее цитируемые тексты, к циклу «К синей звезде», ночь, предлагая себя в качестве заместительницы героини, замечает: «Та, другая, вероятно, зла» [13, с. 22]. Мотив поиска замены важен для Симонова и развивается в стихотворениях «Я очень тоскую», «Я много жил в гостиницах», «Когда со мной страданием...». Его герой, как и герой Гумилева, отвергает возможность найти замену мучащей его женщине, акцентирует внимание на безволии перед силой собственного чувства. Сравним концовку «Пролетала золотая ночь» и симоновского «Когда со мной страданием...»:

*Ночь, молю, не мучь меня! Мой рок
Слишком и без этого тяжел,
Неужели, если бы я мог,
От нее давно б я не ушел?*

*Смертной скорбью я теперь скорблю,
Но какой я дам тебе ответ,
Прежде чем ей не скажу «люблю»
И она мне не ответит «нет» [13,
с. 23].*

*Но всю свою науку
Я б продал за совет,
Как самому мне руку
Не дать тебе в ответ,*

*Без губ твоих, без взгляда
Как выжить мне полдня,
Пока хоть раз пощады
Запросишь у меня [10, с. 169].*

О сознательной ориентации Симонова на текст «Ночи» позволяет говорить близость синтаксических конструкций в финале (придаточное времени с ограничительным значением) и сходство рифм «ответ – нет» – «совет – ответ».

Помимо типа героини и средств ее обрисовки, в стихотворениях Блока и Симонова совпадает антураж свиданий: северная, зимняя природа. И здесь основным источником для Симонова становится цикл «Снежная маска». Ключевые символы вьюги, метели соотносимы не только с характером чувств героя, но и с изменчивой и губительной сущностью героини. Эти символы со всей совокупностью значений переходят в лирику Симонова. Образ возлюбленной у обоих поэтов словно проступает из снежной вьюги: «Твой голос слышен сквозь метели» [11, II, с. 154] – «Метель твоим бы голосом мне пела» [10, с. 204]. В стихотворении «Я много жил в гостиницах» Симонов создает абсолютно блоковскую иконографию возлюбленной, описывая ее запорошенное снегом лицо: «Глаза твои с ресницами // В ноябрьском первом инее» [10, с. 167], «С мороза губы талые, // От снега мной согреты» [10, с. 167]. Вспомним облик «Снежной маски»:

*И тихие твои ресницы
Смежили снежные цветы [11, II, с. 195].
И засыплет нам ресницы
Белоснежная метель... [11, II, с. 71]
Мои опьяненные губы
Целуют в предсмертной тревоге
Холодные губы твои [11, II, с. 180].*

Всего же теснее связаны два «зимних» стихотворения: «Я много жил в гостиницах» Симонова и относящееся еще к первому тому «Загляжусь ли я в ночь на метелицу» Блока. Зимнее свидание утрачивает ясность факта, подается сквозь призму сновидения.

<i>Загляжусь ли я в ночь на метелицу, Загорюсь – и погаснуть невмочь. Что в очах Твоих, красная девица, Нашептала мне синяя ночь.</i>	<i>Такой, что вдруг приснится мне; То серые, то синие Глаза твои с ресницами В ноябрьском первом инее.</i>
<i>Нашепталась мне сказка косматая, Нагадал заколдованный луг Про тебя сновиденья крылатые, Про тебя, неугаданный друг [11, IV, с. 172].</i>	<i>Я только так, обласканный, За то, что в ночь с порошею, За то, что в холод сказкою Согрел тебя хорошею [10, с. 167].</i>

Фантазмагоричность соединения героев подчеркнута словом «сказка». У Блока она звучит в самой ночи – в героине Симонова усилена беззащитность, теперь она сама нуждается в рассказанной мужчиной сказке. Но комбинация образов метели, сна, сказки та же, и их объединяет общий цветовой фон – синий свет.

В цикле «Снежная маска» Блок создает миф о женщине, родственной стихии, воплощающей ее неодолимую, не измеримую мерками человеческой нравственности сущность. Одним из самых блоковских стихотворений Симонова стало «Пусть прокляну впоследствии...», в котором героиня входит в жизнь возлюбленного «не женщиной – стихией», уподобляется «пожарищу», «землетрясению», «грозе» [10, с. 194]. Советский поэт ищет такой взгляд на свою любовную драму, который позволил бы вывести происходящее из-под власти предзаданных оценок. В этом стихотворении звучит столь близкое Блоку желание отдаться стихиям, готовность принять гибель от любви: «Нет исхода из вьюг, // И погибнуть мне весело» [11, II, с. 170] «Отчаявшись в спасении // и бредя наяву, // Как при землетрясении, // я при тебе живу» [10, с. 194].

Опора на традиции Блока и Гумилева позволяет Симонову не просто «оправдать» прихотливый нрав героини, но и увидеть в ее нраве отражение сущностных сил. Советский поэт подключается к неомифологическим тенденциям начала века, описанным З.Г. Минц: «...в “неомифологических” текстах русского символизма <...> план выражения задается картинами современной или исторической жизни или историей лирического “я”, а план содержания образует соотношение изображаемого с мифом. Миф, таким образом, получает функцию “языка”, “шифра-кода”, проясняющего тайный смысл происходящего» [14, с. 73]. В данном случае лирика Блока и Гумилева выполняет роль этого кода, а обилие аллюзий воплощает тенденцию к металитературности, свойственную неомифологизму.

Есть в лирике Симонова и еще одна ипостась женского образа, за которой угадывается долгая литературная традиция. Это образ женщины-звезды. Он многократно воссоздан в стихотворениях Блока и становится заглавным образом цикла Гумилева «К синей звезде». Название циклу дано по стихотворению «Я вырван был из жизни тесной» («Синяя звезда»), в нем, в отличие от блоковской лирики, сравнение со звездой умаляет сложность человеческой души: героиня «лишь синяя звезда» [13, с. 36]. К этой традиции примыкает стихотворение Симонова «Над черным носом нашей субмарины». Оно построено на довольно прихотливой аллегории, соединяющей оба прочтения образа. Героиня и ее окружение предстают в образе звезд, причем лишь она сохраняет свой высокий статус, а рядом с ней именно недолюди. Герой же остается верен своему человеческому облику и противопоставляет выморочной небесной любви полнокровное земное чувство: «На небе любят женщину от скуки // И отпускают с миром, не скорбя... // Ты упадешь ко мне в земные руки. // Я не звезда. Я удержу тебя» [10, с. 179]. Финал отсылает нас к пьесе Блока «Незнакомка», хотя и сделано это несколько полемически, ибо земная любовь оказывается у Симонова не пошлостью, а полнотой существования.

В стихотворении Гумилева «Рассыпающаяся звезды» ночные приходы героини уподобляются падающим звездам. В описании свиданий у Симонова и Гумилева отмечается текстуальное совпадение: «Тихо, тихо, нежно, как во сне, // Иногда приходишь ты ко мне» [13, с. 60] — «С меня довольно нежной, тайной, той, // Что в дом ко мне неслышно приходила» [10, с. 185]. Синий (или голубой) цвет, отсылающий к циклу Гумилева, становится знаковым для ряда стихотворений Симонова. Это цвет глаз его возлюбленной и таинственное сияние, окрашивающее воспоминания о ней или ее невидимое присутствие: «Под Вязьмой на синем ночном полустанке» [10, с. 186], «Она <ее фотография> под северным сияньем // В ту ночь казалась голубой» [10, с. 188], «Лишь мне понятным будь напоминаем: // В костре — неясным трепетом огня, // В метели — снега голубым порханьем» [10, с. 204]. Цветовая маркированность присутствия возлюбленной также является важным элементом поэтики Блока.

Прямая отсылка к звездному мифу Блока дана в стихотворении «Я, перебрав весь год, не вижу». Героиня появляется с характерными атрибутами: «Твой звездный плащ из старой драмы // И хлыст наездницы в руках» [10, с. 187], они отсылают нас к драме Блока «Песня судьбы». Силуэт Фаины, мелькнувший в видении Германа, описывается так: «Очертания женщины, пышно убранной в тяжелые черные ткани; по ним разметаны серебряные звезды, — на плечах и на груди — чаще и мельче, внизу — крупнее; на длинном шлейфе лежит большая алмазная звезда» [11, VI, с. 116], важную роль в сюжете играет бич, которым Фаина ударит Германа. Фраза «из старой драмы» прямо указывает на вторичность образа, но, насколько нам удалось выяснить, в 1940–1941 году В. Серова, прототип лирической героини, не участвовала в постановках пьес, где мог быть использован подобный реквизит.

Женский образ у Симонова может основываться на аллюзиях сразу на несколько произведений и создаваться как сплав небесного и inferнального. Однако есть в его

<p><i>И перья страуса склоненные В моем качаются мозгу, И очи синие бездонные Цветут на дальнем берегу [11, II, с. 123].</i></p>	<p><i>И там, за ним, твоё лицо Опять, опять, опять... Как обручальное кольцо, Что уж с руки не снять [10, с. 215].</i></p>
--	--

Опора на традиции Серебряного века позволяет Симонову создать образ женщины, соотносимой с мистическими или стихийными силами. И главное, поэт сохраняет присущие этому образу функции. Так, возлюбленная способна чудесным образом появляться перед героем, преображая его реальность. Мотив реализуется в стихотворениях «Я, перебрал весь год, не вижу», «Когда на выжженном плато», «Далекому другу», «Не раз выдав, как умирали...», «Я в эмигрантский дом попал», имплицитно в «Жди меня». Ситуация нисхождения многократно повторяется в «Стихах о Прекрасной Даме» Блока. Важно, что тексты Симонова более тесно связаны с теми произведениями, где встреча не происходит, оставаясь мечтой героя. Мотивное сходство обнаруживают стихотворения Блока «Грустя, и плача, и смеясь» и «Далекому другу» Симонова. И если у поэта-символиста приход возлюбленной вызван творческой силой стихов, то для Симонова магическим потенциалом обладает сама любовь:

<p><i>Но сквозь хрустальные струи Ты далека мне, как была... Поют и плачут хрустали... Как мне создать черты твои, Чтоб ты прийти ко мне могла Из очарованной дали? [11, III, с. 120]</i></p>	<p><i>И этот год ты встретишь без меня. Когда б понять ты до конца сумела, Когда бы знала ты, как я люблю тебя, Ко мне бы ты на крыльях долетела [10, с. 204].</i></p>
---	--

Мотив мистической встречи использует и Гумилев. Один из текстов сборника «К синей звезде», «Прощание», находит прямое отражение в стихотворении Симонова «Не раз выдав, как умирали». Оба посвящены невозможности свидания на поле боя. Для Гумилева она объясняется нелюбовью героини (та же причина не встречи фигурирует в стихотворении «Далекому другу» Симонова). А вот упомянутое «Не раз выдав, как умирали...» отражает тот этап, когда маятник отношений снова сблизил героя с возлюбленной и потребность в мистике притупилась, поэтому здесь невозможность чуда становится данью здравому смыслу. Оба текста описывают несостоявшееся свидание, которое могло бы произойти прямо на месте боя, оба обнаруживают переключки с народными песнями и плачем Ярославны, обещающей утереть раны на теле мужа.

<p><i>Ты не придёшь смочить водою Мои запёкшиеся губы.</i></p> <p><i>В часы последнего усилья, Когда и ангелы заблещут, Твои сияющие крылья Передо мной не затрепещут [13, с. 51].</i></p>	<p><i>Я утверждаю: не витали Над ними образы ничьи.</i></p> <p><i>И в миг кровавого тумана, Когда товарищ умирал, Воздушною рукою раны Ему никто не врачевал.</i></p> <p><i>Когда он с жизнью расставался, Кругом него был воздух пуст И образ нежный не касался Губами холодевших уст [10, с. 203].</i></p>
--	--

Тексты не просто развивают общие мотивы, но и имеют схожую организацию строф: описание гибели, отрицание возможности появления героини (главное предложение с отрицанием, предваренное придаточным с союзом «когда»).

Обращение Симонова к наследию поэтов Серебряного века прежде всего помогает создать образ лирической героини цикла «С тобой и без тебя». Это не просто противоречивая и пленительная женщина — она соприродна звездам, снежной метели, стихиям в

целом, а потому неподсудна земной морали. Более того, она приоткрывает некоторое иррациональное измерение в жизни вообще, ее любовь тайно определяет перипетии военной судьбы героя. Хотя Симонов воссоздает психологически рельефный облик женщины, порой она обретает некоторые надличностные черты, то становясь воплощением Вечно женственного, то ассоциируясь с Родиной. Неомифологический софийный дискурс необходим Симонову, так как позволяет преодолеть антиномию (одновременность состояния «с тобой и без тебя»), которую не под силу разрешить рациональному мышлению, поскольку «неомифологизм, зарождающийся у русских символистов, апеллируя к формам архаического, дологического мифологического мышления, стремился <...> преодолеть натурализм и казуальность позднейшей культуры, привести к осознанию исходных основ человеческого бытия» [15, с. 17]. В отличие от предшественников Симонов практически никогда не делает сверхличностный статус героини объективным: только для него героиня является воплощением судьбы. Но, как и его предшественники, он нуждается в личном мифе, претворяющем неразделенную любовь в высокое чаяние и делающем героиню средоточием жизненных основ.

Библиографический список

1. Чудакова М.О. «Военное» стихотворение Симонова «Жди меня...» (июль 1941 г.) в литературном процессе советского времени // НЛО. 2002. № 58. С. 223–259.
2. Кукулин И.В. Лирика советской субъективности: 1930–1941 // Филологический класс. 2014. № 1.
3. Александров В. Письма в Москву (К. Симонов: «С тобой и без тебя» и «Стихи 1941 г.») // Знамя. 1943. № 1. С. 149–160.
4. Страницы отечественной словесности // Смена. 1986. № 20.
5. Константин Симонов в воспоминаниях современников. М., 1984. 606 с.
6. Лазарев Л.И. Поэзия Константина Симонова // Симонов К. Стихотворения и поэмы. Л., 1982. С. 568.
7. Иванов В.В. Звездная вспышка (Поэтический мир Н.С. Гумилева) // Иванов В.В. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 2. М., 2000. С. 220–245.
8. Шелогурова Г. Реликты рыцарского идеала в русской поэзии кризисной эпохи. А. Блок и Н. Гумилев // Вопросы литературы. 2011. № 6. С. 205–228.
9. Гинзбург Л.Я. Проходящие характеры. Проза военных лет. Записки блокадного человека. М., 2011. 600 с.
10. Симонов К.М. Стихотворения и поэмы. Л., 1982. 623 с.
11. Блок А.А. Полное собрание сочинений и писем в двадцати томах. Т. 1–8. М., 1997–2010.
12. Панова Л.Г. Софийный дискурс Александра Блока (на примере «Снежной Девы») // Логический анализ языка. Между ложью и фантазией. М., 2008. С. 311–317.
13. Гумилев Н.С. К синей звезде. Неизданные стихи 1918 г. Берлин, 1923. 78 с.
14. Минц З.Г. О некоторых «неомифологических» текстах в творчестве русских символистов // Минц З.Г. Поэтика русского символизма. М., 2004. С. 59–96.
15. Погребная Я.В. Аспекты современной мифопоэтики: учебное пособие, практикум. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2010. 178 с.

References

1. Chudakova M.O. «*Voennoe*» stikhotvorenje Simonova «*Zhdi menia...*» (iul' 1941 g.) v literaturnom protsesse sovetskogo vremeni [Simonov's "war" poem "Wait for me" (July 1941) in the Soviet literary process]. *NLO*. 2002. no. 58. P. 223–259 [in Russian].
2. Kukulin I.V. *Lirika sovetskoi sub"ektivnosti: 1930–1941* [Lyric poetry of Soviet subjectivity. 1930–1941]. *Filologicheskii klass* [Philological class]. 2014. no. 1 [in Russian].
3. Alexandrov V. *Pis'ma v Moskvu* (K. Simonov: «*S toboi i bez tebia*» i «*Stikhi 1941 g.*») [The letters to Moscow (K. Simonov: "With You and Without You" and "Poetry of 1941 year"). *Znamia* [Znamya]. 1943. no. 1. P. 149–160 [in Russian].
4. *Stranitsy otechestvennoi slovesnosti* [Pages of national literature]. *Smena*. 1986. no. 20 [in Russian].

5. *Konstantin Simonov v vospominaniakh sovremennikov* [Konstantin Simonov in the memoirs of contemporaries]. M., 1984. 606 p. [in Russian].
6. Lazarev L.I. *Poeziia Konstantina Simonova* [Konstantin Simonovs poetry]. In: *Simonov K. Stikhotvoreniia i poemy* [Poetries and poems]. L., 1982 [in Russian].
7. Ivanov V.V. *Zvezdnaia vspyshka (Poeticheskii mir N.S. Gumileva)* [Star flash (poetic world of N.S. Gumilyev)]. In: *Ivanov V.V. Izbrannye trudy po semiotike i istorii kul'tury. Tom 2* [Selected works on semiotics and cultural history. Vol. 2]. M., 2000. P. 220–245 [in Russian].
8. Shelogurova G. *Relikty rytsarskogo ideala v russkoi poezii krizisnoi epokhi. A. Blok i N. Gumilev* [Relics of the knightly ideal in Russian poetry of crisis era. A. Blok and N. Gumilyev]. *Voprosy literatury* [Russian Studies in Literature]. 2011. no. 6. P. 205–228 [in Russian].
9. Ginzburg L.Ya. *Prokhodiashchie kharaktery. Proza voennykh let. Zapiski blokadnogo cheloveka* [Passing characters. Prose of military years. Notes of a blockade person]. M., 2011. 600 p. [in Russian].
10. Simonov K. *Stikhotvoreniia i poemy* [Poetries and poems]. L., 1982. 623 p. [in Russian].
11. Blok A. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem v dvadtsati tomakh. T. 1–8* [Complete collection of works and letters in twenty volumes. Vols. 18]. M., 1997–2010 [in Russian].
12. Panova L.G. *Sofiinyi diskurs Aleksandra Bloka (na primere «Snezhnoi Devy»)* [Alexander Blok's sophia discourse (on the example of "The Snow Maiden")]. In: *Logicheskii analiz iazyka. Mezhdurazh'e i fantazii* [Logical analysis of language. Between a lie and a fantasy]. M., 2008. P. 311–317 [in Russian].
13. Gumilev N.S. *K sinei zvezde. Neizdannye stikhi 1918 g.* [To the blue star. Unpublished poems of 1918]. Berlin, 1923. 78 p. [in Russian].
14. Mints Z.G. *O nekotorykh «neomifologicheskikh» tekstakh v tvorchestve russkikh simbolistov* [About some «neomythological» texts in the works of Russian symbolists]. In: *Mints Z.G. Poetika russkogo simbolizma* [Poetics of Russian symbolism]. M., 2004. P. 59–96 [in Russian].
15. Pogrebnaya Ya.V. *Aspekty sovremennoi mifopoetiki: uchebnoe posobie, praktikum* [Aspects of modern mythopoetics: tutorial workshop]. Stavropol: Izd-vo SGU, 2010. 178 p. [in Russian].

*I.N. Korzhova**

LESSONS OF ABSENCE OF LOVE: TRADITIONS OF A. BLOK AND N. GUMILYEV IN K. SIMONOV'S CYCLE «WITH YOU AND WITHOUT YOU»

The article explains the importance of poetry by A. Blok and N. Gumilyev as the source of the conception of love in Simonovs cycle «With You and Without You». The author sets the nature of intertextual connections and determinates borrowed motives and images. Bloks and Gumilyevs pretexts complement each other, and at the same time Bloks poetry is used completely, and Gumilyevs works are used selectively: Simonov focuses only on cycle «To the Blue Star». The predecessors tradition is especially important to create an image of lyrical heroine. Simonovs heroine is the embodiment of the eternal feminine, she combines the features of demonic woman, woman-star, woman-element, Russia-wife. The paper shows the poems of the cycle are revealed not only similar motives but direct textual allusions to the poetry by Blok and Gumilyev.

Key words: eternal feminine, demonic woman, tradition, motive, pretext, allusion.

Статья поступила в редакцию 24/VIII/2016.
The article received 24/VIII/2016.

* *Korzhova Inessa Nikolaevna* (clen24@yandex.ru), Department of General Education, Humanitarian and Socio-Economic Disciplines, Orsk College of Arts, 65, Sovetskaya Street, Orsk, 462422, Russian Federation.

НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫЙ РОМАН 1990–2000: ВОЙНА КАК ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ «ДРУГОЙ»

В новейшей словесности отмечают повышенный интерес к войне как экзистенциальному «Другому», что свидетельствует о потребности современного человека в испытании человеческого духа. Цель данной статьи – показать, как в ситуации дефицита «Другого» немецкоязычный роман 1990–2000 осуществляет поиски экзистенциального «Другого», используя новую романную эстетику и новые формы реконструкции военного опыта. Герои романов отчаянно архивируют и коллекционируют знаки войны, настаивая на том, что война может быть метафорой описания любого экстремального опыта и трагических переживаний. Это иллюстрируется на материале романов Б. Шлинк *Der Vorleser*, К. Крахта *Faserland*, М. Байера *Flughunde*, К. Рансмайра *Morbus Kitahara*, Э. Елинек *Kinder der Toten*, К. Хакер *Der Bademeister*.

Ключевые слова: немецкоязычный роман 1990–2000, дефицит «Другого», экзистенциальный опыт, опыт войны, постмодернистская эстетика, архивирование, коллекционирование знаков войны, Б. Шлинк, *Чтец*, К. Крахт, *Faserland*, М. Байер, *Летучие собаки*, К. Рансмайр, *Болезнь Китахары*, Э. Елинек, *Дети мертвых*, К. Хакер, *Смотритель бассейна*.

В новейшей немецкоязычной литературе обозначим тенденцию нового интереса к войне как необходимому экзистенциальному опыту человека. Латентное присутствие «военной парадигмы» в современной культуре сигнализирует о необходимости опыта страдания, заложенного в человеческой природе. В человеческой культуре война выступает одним из символов «инициации», то есть символического прохождения через испытания смертью, после которого человек приобретает особый экзистенциальный опыт понимания смысла жизни.

В свое время представители экзистенциально-феноменологической философии критиковали допустившее Первую мировую войну общество, приведшее человека к безмерным страданиям и личностному опустошению («потерянное поколение»). Писатели этого направления выдвигали на первый план проблематику внутреннего мира и внутренней свободы, акцентировали значимость экзистенциального опыта для самоосуществления человека. В постмодернистской ситуации экзистенциальный опыт утрачивает свое первоначальное наполнение по причине дефицита или отсутствия сокровенного «Другого». Восполняя этот «культурный пробел», современные авторы обращаются к культурно-исторической реконструкции экзистенциального опыта, в котором отражается процесс аккумуляции решения личностью фундаментальных проблем существования. В ситуации «конца великих повествований» и бесосновности существования парадоксальным образом идут настойчивые поиски некоей стабильной жизненной формы, позволяющей человеку осуществить самоидентификацию. Реконструкция экзистенциаль-

* © Кучумова Г.В., 2016

Кучумова Галина Васильевна (gal-kuchumova@mail.ru), кафедра немецкой филологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

ного опыта войны в новых художественных проектах отражает стремление современного человека к состоянию, родственному мистическому переживанию, в котором человек интуитивно ощущает целостность и гармоничность своего существования и в густоте повседневного прозревает фундаментальные смыслы бытия [1].

«Отдаление» исторического прошлого, бывшего многие годы ключевой темой немецкой литературы, привело вдруг к возникновению парадоксального феномена: именно дистанцированность по отношению к событиям последней войны усиливает интерес молодых авторов к новому сюжетному оформлению военного опыта, монополизированного писателями старшего поколения. Молодое поколение отходит от привычных, давно разработанных схем изображения нацистского прошлого. «Внуки Третьего рейха» уже по-новому решают и сюжетно оформляют тему войны [2, с. 53]. Если писатели послевоенного поколения *Nachkriegsliteratur* (Г. Белль, В. Кеппен, В. Борхерт, М. Фриш и др.), пережившие «стальные грозы» фронта и долгое время находившиеся в поле тяготения военной тематики, отображали в своих произведениях ужасы войны и страшные последствия нацизма (военные действия, работа в тылу, голод и лишения беженцев, страдания и смерть в концлагерях, рано повзрослевших детей фронта), то современный автор (*Nach-Nachkriegsliteratur*), не обладающий личным опытом войны, отслеживает военное прошлое по его следам.

Интерес к экзистенциальному опыту войны обусловлен также разрывом поколенческих отношений и, главным образом, информационной средой, когда в ситуации засилья «означающих» происходит вторичная символизация и «живой» опыт, живое воспоминание становятся на грань исчезновения. Исследователь М. Ямпольский обращает внимание на новые стратегии реконструкции экзистенциального опыта, которые отражают переход от одного типа рациональности (гегелевский субъект) к иному типу субъективности с размытой идентичностью в культуре постмодернизма [3]. Более существенным в постмодернистском пространстве становится не сам субъект, переживший событие-травму (например, Холокост), а «означающее», след от этого события, который, не выступая реальностью, выдает ее присутствие (Э. Левинас). Очевидно, что для нового типа субъективности война как «оживляющая боль истории», как форма возврата к сильным эмоциям становится наиболее значимой метафорой экзистенциального опыта.

В силу естественных причин молодые авторы воспринимают прошлое через систему культурных знаков, «означающих», лишь указывающих на «означаемое». При описании событий Второй мировой войны они оперируют культурно считываемыми маркерами и узнаваемыми культурными знаками. Так, распространенная в современном и социокультурном пространстве метафора Освенцима превращается в универсальное «означающее» (*default signifier*), которое невозможно интериоризировать, то есть ввести в пространство внутреннего опыта человека [4, с. 42]. Указанная метафора позволяет лишь опознавать след от этой травмы, который как «означающее» вводится в область символизации и о котором можно уже говорить.

Современная романная форма с ее постмодернистскими изысками не способна передать всю предельность опыта войны в отличие от классической романной формы (например, роман-эпопея о войне, военный дневник), способной выдерживать и воплощать такие экзистенциальные и смысловые перегрузки. Выработанные прежде традиции воссоздания экзистенциального опыта «Другого» в новых исторических и эстетических обстоятельствах пересматриваются. В поле литературного постмодернизма осуществляется игра с «означающими», выстраивание их в новые сюжетные схемы. Здесь подключаются иные механизмы памяти, а именно: собирание, архивирование, коллекционирование «означающих» [5, с. 375–387]. В современном романе складывается новое восприятие войны, в котором социальные иерархии и особенности биографий свидетелей сознательно выводятся за рамки повествования. В фокусе лишь «сухой остаток» военного опыта (иногда лишь цитата, образ, символ или событие), который «работает»

на главного героя, занятого поисками себя. Фигура свидетеля/участника военных событий (у Э. Юнгера, Г. Белля, В. Борхерта, М. Фриша, Г. Грасса и др.) замещается в пространстве постмодернистской культуры игровыми фигурами: чтеца городского пространства (К. Крахт *Faserland*), историка-детектива (Б. Шлинк *Чтец*), страстного коллекционера (М. Байер *Летучие собаки*) и квест-игрока (К. Рансмайр *Болезнь Кумахары*).

В 1990-е годы Бернхард Шлинк (*Bernhard Schlink*, 1944) первым преодолевает разрыв в поколениях авторов, писавших о войне. Его роман «Чтец» (*Der Vorleser*, 1995) – это увлекательная история о любви и чтении и еще одна история на тему Холокоста. В «Любовном коде» прослеживается мотив инцеста (запретная любовь подростка к женщине-матери), смесь банального и монструозного подогревают интерес читателя, держат в постоянном напряжении. Это дало основания для неоднозначной оценки романа в немецкой критике: от *Kulturpornographie* и *Holo-Kitsch* [6, S. 554] до «современного романа воспитания» [7, S. 24].

Главные персонажи романа «Чтец» – живой свидетель войны Ханна Шмиц и далекий от этих событий Михаэль Берг. В романе процесс суда над военными преступниками изображается как в юридическом, так и в индивидуальном измерении. Молодой юрист Михаэль, вовлеченный в судебные слушания, собирает «знаки» войны, формирует пространство устных и письменных свидетельств о травматическом опыте Холокоста. Как детектив, он идет по следам нацистского прошлого, составляя общую картину событий тех лет. Пространство войны дополняется здесь и собранной Ханной коллекцией книг (документальная литература о концлагерях, автобиографические записки Рудольфа Гессе, дневники, написанные жертвами нацизма). В личностном измерении Ханна (ее неграмотность как выражение отсутствия «Другого») собирает в себя культурные знаки. Приобщение через чтение к резервуару мировой книжной культуры помогает ей составить целостную картину мира и себя в нем, дает ей понимание собственной вины в гибели невинных жертв войны. Итогом осмысления Ханной своего прошлого становится смертный приговор, который она выносит себе сама (самоубийство в тюремной камере накануне освобождения).

Для молодого поколения немцев война как экзистенциальный «Другой» приобретает исключительно символическую ценность и симулякральный характер одновременно. Так, в поколенческом романе *Faserland* (1995) Кристиана Крахта (*Christian Kracht*, 1966) тема нацистского прошлого и знаки войны на правах «пустых означающих» присутствуют повсюду. Уже на первых страницах романа речь идет о пребывании героя на острове Зюлт, излюбленном месте отдыха нацистского лидера Геринга: *Над нами кружат чайки, и я думаю о том, что Геринг, который любил отдыхать на Зюльте, однажды потерял где-то здесь, в дюнах, свой кинжал* [8, с. 19]. В Гамбурге внимание привлекается к «верфям, на которых раньше строили подводные лодки, пока англичане их не разбомбили». Во время посадки в аэропорту Франкфурта на Майне герой вспоминает кадры из фильма Лени Рифеншталь «Триумф воли», где самолет с Гитлером на борту прибывает в Нюрнберг. Эта начальная сцена из фильма обставлена так, как будто фюрер спускается к народу с небес: *<...> ich sehe aus dem Fenster und muss daran denken, dass mich Landeanflüge immer an die großartige Anfangsszene aus Triumph des Willens erinnern, wo der blöde Führer in Nürnberg oder sonst wo landet, jedenfalls kommt er so von oben herab zum Volk* [9, S. 56].

Роман о родине (*Faserland* = *Father* + *Vaterland*) выдает тоску героя по настоящей Германии. Отсутствие родины как сокровенного «Другого», равнозначное утрате смысла жизни, закономерно лишает героя экзистенции, но парадоксальным образом заставляет его лихорадочно думать об этом самом смысле. Возникает не только вполне постмодернистская ситуация непрозрачности целей и смыслов жизни, но и настойчивая ситуация поисков решений о том, как и зачем жить.

Наделенный особым чувством любви к родине безымянный рассказчик по пути своего следования составляет карту «следов» нацистского прошлого, восстанавливает

по ним историю городов Германии, с болью отмечая степень их разрушения войной. Так, история Гамбурга связана с ночными воздушными налетами (*Bomben nacht im Zweiten Weltkrieg*). Герой романа представляет себе шквальный обстрел Гамбурга (*Hamburger Feuersturm*), думая о том, как выглядел город, когда буквально все было снесено с лица земли. Гейдельберг рождает ностальгию по добрым временам: *Old Heidelberg. Hiersteigeichaus. Die Amerikaner wollten Heidelberg nach dem Zweiten Weltkrieg zu ihrem Hauptquartier machen, deswegen ist es nie zerbombt worden* [9, S. 81]. После окончания войны американцы планировали сделать Гейдельберг своей ставкой, поэтому город ни разу не подвергался бомбардировкам и сохранил свое историческое лицо. Рассказчик отмечает: в этом красивом немецком городе, куда быстрее всего приходит весна, радостно жить. И «такой могла бы быть вся Германия, если бы не случилась война и евреев не жгли бы в газовых камерах» [8, с. 124].

Крахт пишет двойной портрет: современная Германия в брендах массовой праздничной культуры и Германия прошлого в грозных знаках войны (нацизм тоже как бренд). В романе настойчиво подчеркивается неприятие героем двух этих Германий. Современная Германия представляется ему огромной машиной потребления, внутри которой живут «избранные». Эти «избранные» должны ездить на хороших авто, принимать хорошие наркотики, пить хороший алкоголь и слушать хорошую музыку: *Ich würde ihnen von Deutschland erzählen, von dem großen Land im Norden, von der großen Maschine <...> von den Auserwählten, die im Inneren der Maschine leben, die gute Autos fahren und gute Drogen nehmen und guten Alkohol trinken und gute Musik hören müssen* [9, S. 148–149].

Не привлекает героя и образ Германии в том круге представлений, который сложился в сознании современного человека в связи со Второй мировой войной. Германия — это военная машина с ее нацистскими лидерами, свастикой, факельными шествиями, это печи крематория, бомбежки, массовые убийства. Вот герой видит афишу фильма «Сталинград». Он поражен: его голова, отражаясь в стеклянной витрине, оказывается в стальном шлеме немецкого солдата, воевавшего под Сталинградом: *<...> mein Kopf trägt plötzlich einen Stahlhelm* [9, S. 93]. Вот герой наблюдает небо над южной частью Германии, отмечая, что грозы здесь не внушают такого страха и беспокойства, как мощные вагнериански-нацистские грозы в Северной Германии. (Явная отсылка к военному дневнику Эрнста Юнгера «В стальных грозах», 1920.)

В романе интересно прописаны культурные контексты социальной агрессии и ненависти молодого поколения к военному поколению отцов и дедов. Герой Крахта усиленно конструирует образ Чужого, носителя экзистенциального опыта (негативная самоидентификация). Каждого пожилого немца (водитель такси, просто попутчик) герой наделяет историей, неизменно связанной с травмой войны. Так, беспалому хозяину отеля он приписывает участие на Восточном фронте, где тот, будучи совсем еще юным солдатом, в зимние холода отморозил себе пальцы. В тексте романа слова «фашист» и «нацист» теряют свою референцию, они присутствуют в тексте лишь на правах пустого знака. Так, герой причисляет к нацистам всякого «неудобного» для него человека, например старика, неосторожно переходящего дорогу. В восприятии героя все пожилые немцы выглядят как *alte Nazis*, они вызывают у него открытую неприязнь, за которой стоит страх перед бездной невыразимого опыта войны.

Военный опыт с его невыразимостью и непередаваемостью воспроизводит Марсель Байер (*Marcel Beyer*, 1965) в романе «Летучие собаки» (*Flughunde*, 1995). Работая в стилистике жанра военного дневника, писатель создает «топофонию» фашизма [10, S. 115]. Главного героя — инженера-акустика Германа Карнау — отличает интерес к «неслышимой музыке». Автор находит удачный образ — образ летучих собак (особой разновидности летучих мышей), которые особым образом получают отклик из внешнего мира, окликая «Другого». В поле его акустических исследований попадают звуки человеческих страданий, боли, агонии, смерти, наблюдения над батальоном глу-

хонемых солдат, обеспечивающих безукоризненное выполнение боевых заданий в нечеловеческих условиях, когда нормальный слух не выдерживает нагрузок.

Формой свидетельствования о войне в романе выступает акустическая аппаратура, позволяющая остановить поток времени, зафиксировать уникальные исторические моменты. Техническая аппаратура выполняет функции медиа с расширенными полномочиями свидетельства, на что указывал еще В. Беньямин [11]. Инженер-акустик Герман Карнау, от лица которого ведется дневник, коллекционирует акустические феномены Второй мировой войны. Он фиксирует как парадную сторону нацистской диктатуры, так и ее страшную изнанку. Пространство войны звучит здесь в мощных аккордах человеческого страдания, бравурных маршей и непрекословного повиновения власти. На магнитную ленту Карнау записывает командные голоса, солдафонский лай офицеров, злобные выкрики гестаповцев, истеричные голоса вождей Рейха. Его коллекция содержит тысячи записей: человеческие крики от нестерпимой боли на пытках-допросах у гестаповцев, на операционном столе во время медицинских экспериментов в концентрационных лагерях, предсмертные стоны и хрипы солдат на полях сражения: *Я стал вором, я краду голоса <...> Записываю и распоряжаюсь их последними звуками по своему усмотрению. <...> На моих пленках законсервировано то, что я украл* [12, с. 125]. «Археолог звука», Карнау необычайно горд своей миссией военного хроникера: он может сохранять для вечности всю глубину души отдельного свидетеля войны, выраженной в голосе, присваивать экзистенциальный опыт «Другого». В финале романа коллекция Карнау получает зловещее завершение. Помимо редких записей голосов нацистских вождей, его архив содержал страшную запись последних минут жизни шестерых детей Геббельса, которые вместе с родителями скрывались в бункере фюрера. Бесстрастная аппаратура фиксирует притихшие голоса детей, интуитивно чувствующих настроение матери и врача, приготовивших смертельный напиток, звуки глотания, повторяющиеся шесть раз, затем сбившееся дыхание детей, которое постепенно слабело и сменялось мертвой тишиной.

М. Байер оттачивает здесь новую романную форму — постмодернистский роман о коллекционере [13]. Именно выход из нормативной романной эстетики позволяет автору реконструировать опыт войны, наиболее точно сформулировать отчаянные поиски экзистенциального «Другого» в новой среде, информационной, лишенной этического измерения. Фигура главного героя, «человека без контуров», фанатично архивирующего и коллекционирующего знаки войны, пополняет ряд монструозных «коллекционеров» в литературе конца XX века.

Циничную игру с «означающими» демонстрирует и австрийский писатель Кристоф Рансмайр (*Christoph Ransmayr*, 1952) в своем романе «Болезнь Китахары» (*Morbus Kitahara*, 1995), в котором представлена торжественная и гротесковая симфония войны. Игра с историей и в историю здесь соответствует постмодернистскому переписыванию травматических следов прошлого в жанре альтернативно-исторической прозы, «рожденной из духа» компьютерной игры «квест». Квест-игрок бродит по всему социокультурному пространству, выбирая любую понравившуюся ему историю. Выбранная из «пучка возможных исторических альтернатив» (Ю. Лотман) история «застывает» в линейном сюжете альтернативной истории.

Автор рисует здесь апокалиптическую картину возможного варианта исторических событий. Действие романа разворачивается в течение 25 лет после Второй мировой войны в деревушке Моор. Главное альтернативное допущение в романе связано с политикой страны-победительницы в американской зоне послевоенной Австрии. Американские оккупационные власти реализуют здесь план Маршалла (1947) в его негативном варианте (план Стелламура): вместо экономической помощи для восстановления страны осуществляется тотальная деиндустриализация страны. В результате страна разорена, лишена электричества, фабрики и железные дороги демонтированы, немцы выращивают свеклу и в принудительном порядке строят мемориалы жертвам Холокоста.

Чудовишно выглядит картина всенародного искупления нацистской вины. Используя «код цинизма», Рансмайр описывает «покаянное шоу» (*Ritual der Erinnerung*), которое раз в год организуется американскими властями по всем правилам политического шоу. «Места памяти» и «театры памяти» создаются искусственно. Так, всех жителей поселка Моор снабжают картонными лопатами и камнями из папье-маше, сгоняют в каменоломню, где они должны разыгрывать сцены из лагерной жизни. *Major Elliot befahl den Statisten aus Moor, sich als Juden, als Kriegsgefangene, Zigeuner, Kommunisten oder Rassenschänder zu verkleiden* [14, S. 45]. Майор Эллиот заботился о том, чтобы знаки войны были размещены на плакатах и рекламных щитах, а документальные фильмы показывали кадры из кинохроники с горой трупов, лежащих перед открытой и дышащей огнем печью крематория: *Leichenstapel in einem weiß gekachelten Raum und einen Krematoriumsofen mit offener Feuertür* [14, S. 145]. Кроме того, всех жителей деревни насильно вовлекают в натуральный обмен: в ход идут колющее и огнестрельное оружие, стальные шлемы, планшеты, железные кресты, котелки, фляжки, сухие пайки солдат, упаковки с зелеными кофейными бобами и прочие материальные свидетельства войны.

Характерно, что в игровом пространстве постмодернистской культуры знаки Освенцима служат также для осмысления новых форм диктатуры, «рожденных из духа» информационной среды. Так, австрийская писательница Эльфрида Елинек (*Elfriede Jelinek*, 1946) в своем романе «Дети мертвецов» (*Kinder der Toten*, 1997), который считает своим главным произведением, связывает язык телевидения и язык Освенцима в чудовищном гротеске [15, S. 147]. Печи концентрационных лагерей по своему воздействию она приравнивает к кинескопу *Ofenröhre – Fernseherröhre* [16, S. 227]. Телевидение кормит потребителей видеофастфудом, что препятствует встрече человека с экзистенциальным Другим. Как и ненасытные печи крематория, телевидение преуспевает в деле «пожирания» людей, начисто лишая их возможности серьезного проникновения вглубь жизненных проблем настоящего и прошлого, что порождает «скорбное бесчувствие», приводит к духовной смерти.

Проблемное поле отсутствия экзистенциально значимого «Другого» осваивает и серьезная проза молодых авторов. В романе Катарины Хакер (*Katharina Hacker*, 1967) «Смотритель бассейна» (*Der Bademeister*, 2000) знаки Второй мировой войны становятся определенным способом осмысления, «ухватывания» и перекодирования более поздних по времени событий, язык которых еще не нашел в актуальной культуре собственных уникальных средств выражения. Здесь реконструируется экзистенциальный опыт, относящийся не только к нацистской диктатуре (1933–1945), но и к годам существования ГДР (так называемой «второй диктатуры», 1949–1989). К. Хакер вслед за Х. Арндт указывает на скрытое отождествление двух этих тоталитарных режимов. Оба этих режима, как знаки свершившейся истории, «застывают» в руинах бассейна.

Роман повествует о событиях последних 7 дней жизни смотрителя бассейна Хуго: со дня закрытия народного бассейна, где он проработал 40 лет, до своей добровольной смерти от одиночества и безысходности в стенах медленно разрушающегося здания. После объединения Германии (1989) он становится свидетелем спокойной агонии мира, страны, истории.

Народный бассейн предстает в романе метафорой ГДР, общества тоталитарного и закрытого, со своей иерархией, тайной жизнью и системой наблюдения [17, с. 57]. Как отмечает сам герой, пространство бассейна с его четкими пределами идеально подходило для слежки службы безопасности (*Stasi*) за посетителями. Однако у этого мирного учреждения здоровья страшное прошлое: за его столетним фасадом обнаруживаются стертые следы зверских преступлений. Смотрителю бассейна категорически запрещалось спускаться в подвальные помещения, в которых когда-то были заперты люди, исчезнувшие затем навсегда. Подвалы бассейна хранили страшную тайну, на которую указывает сохранившаяся табличка «Евреям вход воспрещен!».

Знаки Холокоста присутствуют в романе повсеместно: выразительные детали, фотоархив, коллекция обуви. Еще школьником Хуго тяжело переживал комплекс вины за своего отца, нацистского преступника. В семейном архиве он видел фотографию отца, стоящего у края ямы, в которой лежали трупы детей. Сверстники дразнили Хуго «фашистским ребенком», они рассказывали, что во время войны его отец расстреливал детей и сваливал их тела в ямы. *Ein Kamerad sagte es mir, mein Vater hätte das getan, Kinder erschossen <...> in einer Grube hat er sie erschossen* [18, S.113].

Обращает на себя внимание и хранившаяся в подвале дома родителей Хуго странная коллекция обуви, почти неношенной и непонятно откуда появившейся. Герой многократно упоминает о маниакальной страсти отца к чистой обуви. Вынимая тело отца из петли, он замечает на нем тщательно начищенные ботинки. Коллекция обуви отсылает читателя к страшному прошлому Освенцима, в музейных витринах которого сегодня выставлена обувь (зримый след человека) узников концлагеря, уничтоженных в печах крематория. И в послевоенное мирное время Хуго продолжает платить по счетам отца. Как сын фашистского преступника, он был лишен в ГДР возможности университетской учебы, к которой он так стремился. Молодой человек был вынужден устроиться на работу в народный бассейн, после того как старого смотрителя арестовали по доносу службы безопасности.

В семье Хуго царил строгий запрет на чтение книг. Отец приходил в бешенство, когда видел сына читающим, бил и вырывал книги из его рук: *Duckmäuser und Stubenhocker, brüllte er, wenn er mich über meinen Büchern sah* [18, S. 92]. Мать тоже не терпела книг в доме, однажды она собрала их в ящик и велела вынести вон из квартиры. (Несомненно, здесь отражены исторические факты: массовые акции чистки собственных библиотек от «вредных» печатных изданий и публичные акции сожжения книг, которые практиковались в нацистской Германии с 1933 года.)

Рассказчик Хуго выжжен судьбой, внутренне опустошен. Утрату экзистенциального «Другого» он пытается восполнить в своих воспоминаниях и актуальных переживаниях. Его воспоминания о прошлом — своеобразные мини-истории о стране, о нацизме, не рассказанные до конца, постоянно сменяют друг друга, призраки былого появляются из-под слоя пыли в руинах бассейна. Нарочито тавтологичный внутренний монолог героя вращается вокруг его самого, окружает, заключает, делает пленником истории, которая не оставляет выхода. Лишь смерть как кульминация (затопление бассейна и смерть самого смотрителя) становится внутренним стержнем этого бесконечного повествования.

Итак, сегодня в состоянии духовной расслабленности и «невыносимой легкости бытия» повышенный интерес к войне как экзистенциальному «Другому» свидетельствует о потребности современного человека в испытании человеческого духа. Новейший немецкоязычный роман 1990–2010 гг. осуществляет активные поиски экзистенциального «Другого». Герои романов отчаянно собирают, архивируют и коллекционируют знаки войны, выстраивая недостающего «Другого». Писатели используют новую романную эстетику, новые формы реконструкции военного опыта, настаивая на том, что война может быть метафорой описания любого экстремального опыта и трагических переживаний.

Библиографический список

1. Дугин А.Г. Философия войны. М.: Яуза, 2004.
2. Чугунов Д.А. Немецкая литература 1990-х годов: Ситуация «поворота». Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2006.
3. Поселягин Н. Международная конференция XXI Большие Банные чтения «Неофициальная меморизация травматического опыта». (Москва, Международное общество «Мемориал», 5–6.04.2013 г.) // НЛО. 2013. № 123. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2013/123/33p-pr.html>.
4. Агамбен Дж. Homo Sacer. Что останется после Освенцима: Архив и свидетель / пер. с итал. И. Левиной, О. Дубицкой и П. Соколова; науч. ред. Д. Новиков. М.: Европа, 2012.

5. Кучумова Г.В. Дискурс травмы: меморизация травматического опыта (на материале немецкоязычного романа) // Эволюция и трансформация дискурсов: сб. науч. ст. / отв. ред. С.И. Дубинин, В.Д. Шевченко. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2016. Вып. 1. С. 375–387.
6. Alison Lewis. Das Phantasma des Masochisten und die Liebe zu Hanna // Weimarer Beiträge. Zeitschrift für Literaturwissenschaft, Ästhetik und Kulturwissenschaften. 2006. № 4.
7. Graf Guido. Was ist Luft unserer Luft? // Freund, Wieland und Freund, Winfried (Hrsg.). Der deutsche Roman der Gegenwart. München: Wilhelm Fink, 2001.
8. Крахт К. Faserland / пер. с нем. Т. Баскаковой. М.: AdMarginem, 2001.
9. Kracht Christian. Faserland. Berlin: Der Goldmann Verlag, 1997.
10. Erb Andreas. Baustelle Gegenwartsliteratur: Die neunziger Jahre. Opladen; Wiesbaden: Westdeutscher Verlag, 1998.
11. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе / под ред. Ю.А. Здорова. М.: Медиум, 1996.
12. Байер М. Летучие собаки / пер. с нем. А. Кацур. СПб.: Амфора, 2004.
13. Кучумова Г.В. Немецкоязычный роман 1980–2000-х: фигура коллекционера // Вестник ВятГГУ. Т. 2. Филология и искусствоведение. 2009. № 2(2). С. 183–187.
14. Ransmayr Christoph. Morbus Kitahara. Frankfurt am Main: Fischer Verlag, 1995.
15. Dunker A. Die anwesende Abwesenheit. Literatur im Schatten von Auschwitz. München: Wilhelm Fink Verlag, 2003.
16. Jelinek Elfriede. Die Kinder der Toten. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag, 1997.
17. Соколова Е.В. «Диалог невозможен...»: Коммуникативная проблематика в современной литературе Германии (Б. Шлинк, М. Байер, К. Хакер, В. Генаццо, К. Крахт). Аналитический обзор / РАН, ИНИОН. Центр гуманист. Научно-информ. исслед. отдел литературоведения. М., 2008.
18. Hacker Katharina. Der Bademeister. Frankfurt am Main: Suhrkamp Taschenbuch Verlag, 2006.

References

1. Dugin A.G. *Filosofia voiny* [Philosophy of war]. М.: Iauza, 2004 [in Russian].
2. Chugunov D.A. *Nemetskaia literatura 1990-kh godov: Situatsiia «povorota»* [German literature of 1990-ies: situation of «turn»]. Voronezh: Izd-vo Voronezh. gos. un-ta, 2006 [in Russian].
3. Poseljagin N. *Mezhdunarodnaia konferentsiia XXI Bol'shie Bannye chteniia «Neofitsial'naiia memorizatsiia travmaticheskogo opyta»*. (Moskva, Mezhdunarodnoe obshchestvo «Memorial», 5–6.04.2013 g.) [International conference. XXI Big Bathhouse Readings «Non official memorization of traumatic experience». (Moscow, International society «Memorial», 5–6.04.2013)]. *NLO*, 2013. no. 123. Retrieved from: <http://magazines.russ.ru/nlo/2013/123/33p-pr.html>. [in Russian].
4. Agamben D. *Homo Sacer. Chto ostanetsia posle Osventsima: Arkhiv i svidetel'.* Per. s ital. I. Levinoi, O. Dubitskoi i P. Sokolova; nauch. red. D. Novikov [Homo Sacer. What will be left after Oswiecim? Archive and eyewitness. Transl. from Italian by I. Levina, O. Dubitskaya and P. Sokolov, scientific editor D. Novikov]. М.: Evropa, 2012 [in Russian].
5. Kuchumova G.V. *Diskurs travmy: memorizatsiia travmaticheskogo opyta (na materiale nemetskoiazыchnogo romana)* [Discourse of trauma: memorization of traumatic experience (on the material of German language novel)]. In: *Evoliutsiia i transformatsiia diskursov: sb. nauch. st. Otv. red. S.I. Dubinin, V.D. Shevchenko* [Evolution and transformation of discourses: collection of scientific articles. S.I. Dubinin, V.D. Shevchenko (Eds.)]. Samara: Izd-vo «Samarskii universitet», 2016. P. 375–387 [in Russian].
6. Alison Lewis. Das Phantasma des Masochisten und die Liebe zu Hanna. In: *Weimarer Beiträge. Zeitschrift für Literaturwissenschaft, Ästhetik und Kulturwissenschaften*, 2006, no. 4 [in German].
7. Graf Guido. Was ist Luft unserer Luft. In: Freund, Wieland und Freund, Winfried (Hrsg.). *Der deutsche Roman der Gegenwart*. München: Wilhelm Fink, 2001 [in German].
8. Kracht K. *Faserland*. Per. s nem. T. Baskakovoii [Faserland. Novel. Transl. from German by T.A. Baskakova]. М.: AdMarginem, 2001 [in Russian].
9. Kracht Christian. *Faserland*. Berlin: Der Goldmann Verlag, 1997 [in German].
10. Erb Andreas. *Baustelle Gegenwartsliteratur: Die neunziger Jahre*. Opladen; Wiesbaden: Westdeutscher Verlag, 1998 [in German].

11. Benjamin W. *Proizvedenie iskusstva v epokhu ego tekhnicheskoi vosproizvodimosti. Izbrannye esse. Pod. red. Iu.A. Zdorovogo* [Work of art in the epoch of its technological reproducibility. Selected essays. Yu.A. Zdorovy (Ed.)]. M.: Medium, 1996 [in Russian].
12. Bayer M. *Letuchie sobaki. Per. s nem. A. Katsur* [Flying dogs. Transl. from German by A. Kazur]. SPb.: Amfora, 2004 [in Russian].
13. Kuchumova G.V. *Nemetskoiazychnyi roman 1980–2000-kh: figura kollektionera* [German-language novel of 1980–2000-ies: image of a collector]. *Vestnik ViatGGU. T. 2. Filologiya i iskusstvovedenie. 2009. № 2(2)*. \[The Bulletin of Vyatka State Humanities University. Vol. 2. Philology and Study of Art]. 2009. No. 2(2). P. 183–187 [in Russian].
14. Ransmayr Christoph. *Morbus Kitahara*. Frankfurt am Main: Fischer Verlag, 1995 [in German].
15. Dunker A. *Die anwesende Abwesenheit. Literatur im Schatten von Auschwitz*. München: Wilhelm Fink Verlag, 2003 [in German].
16. Jelinek Elfriede. *Die Kinder der Toten*. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag, 1997 [in German].
17. Sokolova E.V. «Dialog nevozmozhn...»: *Kommunikativnaia problematika v sovremennoi literature Germanii (B. Shlink, M. Baier, K. Khaker, V. Genatsino, K. Krakht). Analiticheskii obzor* [«The dialog is impossible»: communicative problems in modern literature of German (B. Shlink, M. Bayer, K. Khaker, V. Genatsino, K. Krakht)]. RAN, INION. Center of Humanitarian Scientific and Information Researches. Department of Literature Studies. M., 2008 [in Russian].
18. Hacker Katharina. *Der Bademeister*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Taschenbuch Verlag, 2006 [in German].

G.V. Kuchumova*

GERMAN LANGUAGE NOVEL OF 1990–2000: THE WAR AS AN EXISTENTIAL «OTHER»

The modern literature notes an increased interest to the war as an existential «Other», that reflects the needs of a modern man to test the human spirit. The purpose of the article is to show, that in the situation of the deficit of the «Other», the German language novel of 1990–2000 searches for the existential «Other», using a postmodern aesthetic and new forms of reconstruction of existential experience. The characters of the novels desperately archive and collect signs of the war, insisting that the war can be a metaphor to describe any extreme and tragic experiences. This is illustrated in the novels by B. Schlink *Der Vorleser*, K. Kracht *Faserland*, M. Bayer *Flughunde*, K. Ransmayr *Morbus Kitahara*, E. Jelinek *Kinder der Toten*, K. Hacker *Der Bademeister*.

Key words: German language novel, deficit of the «Other», existential experience, extreme experiences, postmodern aesthetic, new forms of reconstruction of existential experience, archiving, collecting signs of the war, B. Schlink, *Der Vorleser*, K. Kracht, *Faserland*, M. Bayer, *Flughunde*, K. Ransmayr, *Morbus Kitahara*, E. Jelinek, *Kinder der Toten*, K. Hacker, *Der Bademeister*.

Статья поступила в редакцию 17/VI/2016.
The article received 17/VI/2016.

* Kuchumova Galina Vasilievna (gal-kuchumova@mail.ru), Doctor of Philological Sciences, associate professor, professor of the Department of German Philology, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

УДК 81:811.111

*Е.С. Балашова****СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА АБСТРАКТНЫХ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ**

В статье представлен анализ семантико-прагматических структур абстрактных имен существительных, ориентированных на специфику описания и объяснения содержания, структуры языковых единиц. Выявлены этапы в изучении этой проблемы, установлено, что соотношение социально закрепленного значения слова и значения говорящего рассматривает концепцию полевой модели слова, согласно которой оно представляет собой совокупность признаков, организованных определенными закономерностями в его структуре. Анализ позволил выявить изменения в содержании диалектики абстрактного понятия его функции и компетенции. В статье отмечено развитие динамики процессов в системе социальных коммуникаций. В этой связи обращено внимание на перспективы дальнейшего изучения проблемы, в частности исследования структуры слова с точки зрения значения и коммуникативного намерения в современном английском языке.

Ключевые слова: абстрактное имя существительное, значение слова, концепция, структура, динамика процессов, коммуникативное намерение.

В современной лингвистике особую актуальность приобретает изучение семантико-прагматического аспекта абстрактных имен существительных, ориентированное на «классические» категории для описания и объяснения содержания, структуры языковых единиц, отвечающих потребностям современных исследований теории референции. Описание референции связано с прагматикой коммуникативного акта. Семантика элементов языка прагматична: она обращена на говорящих, их общий фонд знаний, контекст. Смысл слова, выполняющего референциальную функцию, — это своего рода инструкция по нахождению референта, выполнить которую предстоит участникам речевого акта. Узкое понимание референции ведет к сужению коннотативной возможности языковых средств и даже к речевым неудачам [2, с. 47].

* © Балашова Е.С., 2016

Балашова Елена Сергеевна (balashovalena85@mail.ru), Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, 430000, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, 68.

В зависимости от структур, которыми осуществляется референция, последняя подразделяется на предметную и не предметную. Если для предметной референции главную роль играют определенные термины, то для не предметной — не столько слова, сколько грамматические категории — времени и наклонения. Основу составляет говорящий, который как бы осуществляет акт присвоения языка в процессе высказывания, при этом его присутствие образует центр «внутренней» референции. При перечислении классов языковых знаков, которые прямо участвуют в ее механизме, особая роль отводится всей парадигме временных форм, в которых категория настоящего обязана своим появлением высказыванию, а затем формированию категории времени. Таким образом, соотношенность события, обозначенного предикатом высказывания и объективным понятием внеязыковой реальности, является одной из важнейших точек, или индексов, референции [3, с. 170]. Механизмы высказывания принадлежат языку, входят в семантику предложения, вступают в многообразные связи со всеми другими аспектами и уровнями его структуры — с лексической семантикой, с семантикой грамматических категорий, прежде всего с видом, временем и наклонением, с синтаксической структурой.

Диалектика абстрактного понятия здесь совершенно точно выражает объективность перехода одних (исторически определенных) отношений между людьми в другие фактические отношения, обозначенные вещами. Поэтому все движение мысли от абстрактного к конкретному является вместе с тем строгим движением мысли по фактам, переходом от рассмотрения одного факта к другому, а не движением от понятия к понятию.

Попытки изучения значений, приписываемых отдельным словам конкретными носителями языка, предпринимаются в психологических и психолингвистических исследованиях, в которых рассматриваемое явление находит выражение в понятии личностного смысла. Вопрос, каково соотношение социально закрепленного значения слова и значения говорящего и какова его структура, предполагает рассмотрение взаимосвязи общепринятых, социально закрепленных понятий, положений концепции полевой модели слова, согласно которой оно представляет собой совокупность признаков, организованных определенными закономерностями в структуре, где разграничиваются ядерные и периферийные области. Результаты наблюдений над конкретным языковым материалом показали, что значение говорящего содержит такое когнитивное содержание, которое отражает особое видение предмета, явления, свойства, процесса и т. п. Индивидуальная обусловленность, которая может не совпадать с представлением о предмете, общем для всего коллектива говорящих на данном языке, не является элементом общепринятого, социально закрепленного значения слова и не входит ни в ядерные, ни в периферийные компоненты его структуры [5, с. 15].

В концепции семантико-прагматического представления высказывания дейктические средства интерпретируются как своего рода прагматические переменные, состоящие из разнообразных знаков-индексов, значение и функции которых могут быть определены только в непосредственном отношении к акту речи в момент его протекания. Смысл предложения как языкового высказывания может определяться только входящими в его состав прагматическими переменными [1; 2; 4–10].

При рассмотрении зоны идентификации английских рекламных текстов можно отметить следующее: базисную модель концептосферы английского рекламного текста составляют три типа концепта абстрактных имен существительных.

I. Рекламируемый товар/услуга (указаны основные способы репрезентации концепта «товар» в рекламных объявлениях рубрики «Красота и здоровье»). К ним относятся ниже перечисленные лингвистические и паралингвистические средства:

1) наглядное изображение и наименование рекламируемого продукта:

Zero budge, zero smudge, yet washes off easily! NEW! UNSTOPABLE super-lengthening mascara just spin the rolling brush and lashes look up to 50% longer. 12-hour rub-proof, sweat-proof, no-matter-what-proof lengthening formula wears like a water-proof, but washes right off!

К данной категории можно отнести следующие примеры: *deep cleansing mask, incredible hair booster, creamy body lotion, beauty, face cream, healing injections, shaver, hair color, lip-gloss, acne-fighting cleanser, eliminating gel, moisturizing scrub.*

2) наименование компонентов рекламируемого продукта:

NEW! Nail growth Miracle Soy protein, vitamins & keratin help stimulate healthy growth. Nails become longer, stronger – without brittleness.

DARE TO COMPARE. This salon strength treatment is guaranteed to outperform anything you've ever tried, or your money back. Miracles happen. Only from Sally Hansen – America's nail Expert.

Или, например: *oil-free formula, shimmery color, cleansing wipes, moisturizing botanicals, nourishing liquid, rolling brush, active components, molding paste, a medium-weight milk, straightening serum;*

3) лексические единицы, указывающие на новизну рекламируемого продукта, например:

A FIRST! RAINBOW in EVERY BOTTLE! Color in motion. The first 3D nails color. Exclusive microfine prismatic reflectants create waves of living color very time you move. Breakthrough formula for superior strength, length, wear and shine. Available while supplies last! Advanced salon formula. Dermatologist tested. Only from Sally Hansen – America's nail Expert.

II. Структура рекламного текста состоит из следующих элементов:

1) позиция автора рекламного текста (рекламодателя):

Style in the city. We've got the style you crave – modern makeup with an urban edge. Irresistibly affordable at 99c and up. Glamorous. Exciting. Sophisticated. www.newyorkcolor.com.

Также сюда можно отнести следующие примеры: *We've collected the best ideas for your skin to look the best! (Clean&Care); We've compiled a healthy diet for your skin (Clinique); There's something we have for you (Think Milk); Call us now to get a free sample (Colgate); Tell us what you would ban (Procter&Gamble); We'll send you a full refund (Proactive Solutions);*

2) наименование производителя (как правило, дается в начале и/или в конце рекламного сообщения):

Garnier Fructis Style, Shake Effect Ligu – Gel. Transform your look from shy to shaken! Introducing the first liquid – gel spray with fruit micro wax technology. Shake it up and spray on to create instant texture. For messy, unstructured style that refuses to play by the rules. GARNIER.

III. Важную роль в зоне идентификации рекламных текстов играет адресат рекламного текста (потребитель). Следующие примеры также отражают данный способ представления адресата рекламного сообщения:

1) Love the skin you're in (Olay); One sheer wash of color you can use on your cheeks, lips and eyes for shimmer that illuminates (Neutrogena); It's the only sonic with three modes to let you customize brushing (Oral-B); Because you're worth it (L'oreal); It's cooling tingle tells you it's working (Neutrogena); It'll give the style you're craving for! (Matrix).

Проведенное исследование показало важность учета взаимодействия между словесным знаком и его интерпретатором, говорящим субъектом, результат которого находит выражение в проявлении индивидуально-творческих структур личности. Значение говорящего предстало как одно из наиболее характерных проявлений спо-

собности человека к речетворчеству. Его изучение показало, что знаки языка не только воспроизводятся в речи индивидов, но и отчасти создаются вновь. В свете полученных результатов просматриваются перспективы дальнейшего изучения проблемы, в частности, исследование структуры на уровне слова с привлечением данных психолингвистики и когнитивного подхода к языку, более глубокий анализ связи значения и коммуникативного намерения.

После исследования динамики процессов в системе социальных коммуникаций можно утверждать, что в настоящее время формируется новое представление о целях общения в обществе. Доминирующим становится подход, трактующий коммуникацию как необходимую предпосылку для объединения членов общества через согласование их позиций. При таком подходе рекламное сообщение должно рассматриваться как реплика в диалоге между организацией и членами общества. Такой взгляд является доминирующим. Большинство коммерческих организаций представляют аудиторию как совокупность объектов, чьи действия могут способствовать или мешать осуществлению целей данных организаций. Рекламное сообщение – это некий способ заставить аудиторию совершать действия, выгодные коммуникатору (интересы аудитории могут учитываться в той или иной степени). Такая позиция является адекватной современному представлению о социальном общении и делает эффективным функционирование самой системы рекламных коммуникаций.

Библиографический список

1. Кёниг Т. Психология рекламы, ее современное состояние и практическое значение. М., 1925. 271 с.
2. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. М., 1969.
3. Линский Л. Референция и референты // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1982. Вып. 13. С. 161–178.
4. Падучева Е.В. Высказывание и его соотношенность с действительностью. М.: Наука, 1985. 271 с.
5. Сусов И.П. О двух путях исследования содержания текста // Значение и смысл речевых образований. Калинин, 1980. С. 11–24.
6. Field J. Psycholinguistics, The key concepts. L.; N.Y.: Routledge, 2004. 336 p.
7. Gibbs R.W., Jr. Introspection and cognitive linguistics: should we trust our own intuitions? // Annual Review of Cognitive Linguistics. Vol. 4. 2006. P. 135–151.
8. Glaz A. The Dynamics of Meaning: Exploration in the Conceptual Domain of Earth. Lublin: Maria Curie-Skłodowska university press, 2002. 209 p.
9. Gvishiani N. Current issues in corpus linguistics // Когнитивная лингвистика; Новые проблемы познания. Вып. 5. М.; Рязань: ИЯ РАН; Ряз. гос. ун-т им. С.А. Есенина, 2007. С. 20–30.
10. Wierzbicka A. Semantics, Culture and Cognition. Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations. N.Y.; Oxford, 1992. 487 p.

References

1. Kyonig T. *Psikhologiya reklamy, ee sovremennoe sostoianie i prakticheskoe znachenie* [Psychology of advertisement, its modern state and practical meaning]. M., 1925. 271 p. [in Russian].
2. Leont'ev A.A. *Iazyk, rech', rechevaia deiatel'nost'* [Language, speech and speech activity]. M., 1969 [in Russian].
3. Linskii L. *Referentsiia i referenty* [Referencing and referents]. In: *Novoe v zarubezhnoi lingvistike* [New in foreign linguistics]. M.: Progress, 1982. Issue 13. P. 161–178 [in Russian].
4. Paducheva E.V. *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deistvitel'nost'iu* [Utterance and its correlation with reality]. M.: Nauka, 1985. 271 p. [in Russian].

5. Sysov I.P. O dvukh putiakh issledovaniia sodержaniia teksta [On two ways of investigation of text content]. In: *Znachenie i smysl rechevykh obrazovani* [Value and meaning of speech formations]. Kalinin, 1980. P. 11–24 [in Russian].
6. Field J. Psycholinguistics, The key concepts. L.; N. Y.: Routledge, 2004. 336 p. [in English].
7. Gibbs R.W., Jr. Introspection and cognitive linguistics: should we trust our own intuitions? *Annual Review of Cognitive Linguistics*, Vol. 4, 2006. P. 135–151 [in English].
8. Glaz A. The Dynamics of Meaning: Exploration in the Conceptual Domain of Earth. Lublin: Maria Curie-Skłodowska university press, 2002. 209 p. [in English].
9. Gvishiani N. Current issues in corpus linguistics. In: *Kognitivnaia lingvistika; Novye problemy poznaniia. Vyp. 5* [Cognitive linguistics. New problems of cognition. Issue 5]. M.; Ryazan: IIA RAN; Riaz. gos. un-t im. S.A. Esenina, 2007. P. 20–30 [in English].
10. Wierzbicka A. Semantics, Culture and Cognition. Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations. N. Y.; Oxford, 1992. 487 p. [in English]

*E.S. Balashova**

SEMANTIC-PRAGMATIC SPECIFICS OF ABSTRACT NOUNS IN THE ENGLISH-LANGUAGE ADVERTISING TEXTS

The article presents an analysis of semantic-pragmatic structures of abstract nouns, focused on the specifics of description and explanation of the content, the structure of language units. Stages are revealed in the study of this problem, it was found that the ratio of social designated meaning of the word and value of the speaking person treats the concept of field model of speech, according to which it is a collection of signs, organized by certain laws in its structure. The analysis revealed a change in the content of dialectics of abstract concepts its functions and competence. The article noted the dynamics of development processes in the social communication system. In this regard, attention is drawn on the prospects for further study, in particular, on the study of the structure of a word, in terms of value and communicative intention in modern English.

Key words: abstract noun, meaning of the word, concept, structure, dynamics of the processes, communicative intention.

Статья поступила в редакцию 15/VIII/2016.
The article received 15/VIII/2016.

* *Balashova Elena Sergeevna* (balashovalena85@mail.ru), National Research Mordovia State University, 68, Bol shevistskaya Street, 430000, Russian Federation.

АМЕРИКАНИЗМЫ В ЗЕРКАЛЕ РУССКОГО СОЗНАНИЯ (МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ОБРАЗА СЕМЬИ И СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ)

В статье анализируется вхождение в современный русский язык английских и американских заимствований, отмечается их влияние на автохтонный язык России. Отмечается исключительная роль СМИ и интернет-коммуникации в навязывании вместе с «чужими» словами «чужих» смыслов, которые влекут за собой следование определенным поведенческим моделям, что, в свою очередь, несет изменение русских культурных констант. На основе анализа недавних заимствований делается вывод о внесении нетипичных коннотаций в понятийное поле некоторых русских слов, что дает основание утверждать о появлении новых ценностных ориентиров. Установлено, что посредством различных семиотических систем индивид принимает систему ценностей, норм и предписаний той среды, в которой он живет. Присваиваемые в процессе социализации под действием различных влияний, они могут неосознанно замещаться другими ценностями и стереотипами, навязываемыми и заимствованиями в том числе.

Ключевые слова: заимствования, когнитивная база, языковое сознание, изменение значений, ценности русской культуры, образ семьи.

Языковая ситуация на сегодняшний день в России такова, что многие лингвисты и просто неравнодушные люди опасаются за дальнейшую судьбу русского языка. Повод для беспокойства, на наш взгляд, есть, он существует реально, а не виртуально. Количество англоязычных заимствований, пришедших в русский язык в течение последних тридцати лет, явно превышает необходимое. Английский язык в его американском варианте стал односторонним донором, причем донором на разных языковых уровнях, начиная от уровня фонетики и заканчивая синтаксисом и стилистикой. «Скажите, кого из любящих русский язык и русскую культуру не шокирует нашествие английских словечек и интонаций в их северноамериканском исполнении, которыми чаще всего без всякой нужды заменяют русские? Это какое-то бедствие для русской речевой культуры, подобное колорадскому жуку для картошки» [1, с. 5]. Процесс заимствования идет такими темпами, что даже образованным людям довольно часто непонятна информация, транслируемая средствами массовой информации, поскольку их речь переполнена «чужими» словами и «смутными» смыслами. При этом способы заимствования довольно разнообразны. Это фонеозаимствования (*спикер, майкер, мейкер, тьютор*), гибриды (*лояльный, креативный, суперский, оффшорный*), кальки (*небоскреж, супердержава, сверхчеловек, трудоголик, девелоперы*), экзотизмы (*хайвей, мини-маркет, наггетс*), варваризмы (*фешн, клининг, аватар, ауто-*

* © Казаченко О.В., 2016

Казаченко Оксана Васильевна (kazachenko_07@mail.ru), кафедра зарубежной филологии, Московский городской педагогический университет, 129226, Российская Федерация, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4, корп. 1.

тренинг), композиты (*супермаркет, истеблишмент, ковбой, офис-менеджер*), жаргонизмы (*клёвый, реальный, колоссально, классно, супер*) и другие. Американизмы проникают в «живую ткань» русского языка и, осваиваясь в нем, влияют не только на лексический, самый подвижный строй языка, но и на фонетику, грамматику, синтаксис и стилистику, являющиеся традиционно ригидными ярусами языка. Появляясь и укореняясь в языке, иноязычные элементы со временем становятся собственностью не только языкового сознания конкретного индивида, но также впоследствии будут закрепляться в общественном и этнокультурном сознании. Языковое сознание нами понимается вслед за известным московским психолингвистом Е.Ф. Тарасовым как совокупность образов сознания, формируемых и овнешняемых при помощи языковых средств – слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей [2, с. 24]. Как указывает Е.Ф. Тарасов, языковое сознание связано с образами сознания как совокупностью перцептивных и концептуальных знаний личности об объекте реального мира, которые требуют овнешнений для стороннего наблюдателя. Эти овнешнения необходимы для «передачи» образов сознания от одного поколения другому [3, с. 10]. Но языковое сознание не является монолитным образованием, оно динамично развивается и постоянно изменяется со временем. Сознание трансформируется вследствие перемен, происходящих с определенными сложившимися в нем образами, на формирование которых оказывают влияние Интернет, средства массовой информации, литература, процессы социального, политического и экономического характера.

Сознание и язык неотделимы и взаимообусловлены, представляют собой диалектическое единство: идеальное внутреннее содержание находит воплощение во внешней материальной форме. Объекты и явления реальной действительности существуют в нашем сознании не в качестве реальных предметов, а как отражения, называемые ментальными образами. Сознание выявляется и формируется с помощью языка, поэтому накопление лишних непонятных заимствований не способствует пониманию и правильному восприятию информации, а значит, влечет за собой определенные изменения в структуре и объеме сознания. Так, в выражениях «перерыв на кофе-брейк» и «мини-супермаркет» явно прослеживается непонимание значений иноязычных слов, так как английское слово *break* означает *перерыв, пауза*, а *мини* никак не может стоять в одном словосочетании со словом *super (супер)*. Данные примеры, к сожалению, далеко не единичны.

Значения исконной русской лексики складывались веками, постоянно прирастая новыми смыслами и коннотациями, так как сложно не согласиться с мнением Яна Парандовского о том, что «в словах, в грамматических формах, в синтаксисе запечатлевает свой образ душа данного народа; как следы на окаменевших песках от воли давно не существующих морей, закреплены в нем стремления, склонности, неприязни, верования, предрассудки, первобытные знания о мире и человеке. Именно в ту мифотворческую эпоху были приданы мужской и женский род небу, звездам, земле, рекам, неодушевленным предметам, и принципы, которыми руководствовались те, кто производил родовое различие, теперь так же невозможно разгадать, как и самое происхождение слова. Ничто так не изумляло греков, как то, что у египтян небо было женщиной, а земля мужчиной» [4, с. 134].

В настоящее время русский язык, включая в свой состав многочисленные заимствования, теряет множество исконных ядерных слов и связанных с ними понятий. Так, например, произошло с образом *бабушки*, который приобрел в сознании современной молодежи несколько совершенно неспецифичных черт для русской культуры [5; 6]. Ранее образ столь важного члена семьи любого русского человека складывался из наивных детских представлений о доброте, домашнем уюте, вкусных пирожках и воспоминаниях, характеризующих детство. Впоследствии к наивному присоединился образ ли-

тературный, как, например, в повести М. Горького «Детство», показывающий бабушку как источник бесконечной мудрости, душевной красоты простой русской женщины. Именно такой представляется нам бабушка несчастного мальчика Алеши Пешкова. Всякого, читающего рассказ М. Горького «Детство», образ бабушки, с такою силой изображенный писателем, берет за душу и не позволяет остаться равнодушным. Даже весьма неоднозначный образ бабушки в рассказе П.В. Санаева «Похороните меня за плинтусом» изобилует добротой и заботливостью (пусть доходящих до крайности).

Многочисленны, но, по сути, едины образы бабушек в сказках и народном творчестве. Отличительной чертой бабушки было наличие множества детей и, как следствие, большого количества разнообразных родственников, которые проводили досуг вместе, и для каждого у бабушки находилось «местечко в сердце». Бабушек и других представителей старшего поколения называли на «вы», демонстрируя свое уважение и почитание. Тенденция называть бабушку по имени и на «ты» стала характерной чертой именно настоящего времени, причем современные бабушки совершенно не выглядят как «бабушки» и всячески поощряют такое обращение к себе, находясь с внуком/внучкой «на равных». Искажение традиционных основ семьи чревато определенными проблемами — как для одного человека, так и для всего общества. Как отмечают психологи, отказ от традиционных поведенческих стереотипов, их подавление и даже вытеснение порождают «тяжелейший “неврозогенный психологический конфликт”, имеющий в своей основе бессознательное противоборство устоявшихся семейных ценностей и новых стереотипов» [7, с. 118].

Нелишним будет отметить практически полное исчезновение из современной речи слов, обозначающих множество семейных отношений и родства, таких как *деверь, золовка, свояк, сват* и др. Наличие отдельных слов-названий каждого члена было обусловлено несомненной значимостью и важностью каждого человека в семье. Семейные узы были не обузой, а поддержкой в любых жизненных ситуациях. Наличие и широкое функционирование слов, обозначающих родство, согласуется, на наш взгляд, с понятиями русской культуры, исследуемыми О.Н. Трубачевым: соборностью, софийностью и космизмом. Соборность как понятие, обнаруживающее «семантику рода, родства и архетический примат коллективности», противостоит западному понятию индивидуализма [8, с. 41]. Он выделил ключевое слово славянской культуры — *свой, свои*, и примечательно, что слова *сваяк, свояченица, свойств'ю* являются однокоренными. Таким образом, с исчезновением данных слов из речи носителей русского языка будет происходить не только обеднение лексико-семантической группы «семья», но и соборность русского народа впоследствии можно подвергнуть определенному сомнению.

Язык и культура были всегда неразделимым целым, где каждая часть влияла и определяла другую, поэтому можно с большой долей уверенности сказать, что изменения, происходящие в настоящее время в русском языке, не могут не изменить национальную культуру и идеологию тех людей, которые считают русский язык и русскую культуру своими родными. Сейчас уже перестали играть роль «нравственных ограничителей» десять христианских заповедей и моральные устои общества, характерного для коммунистического строя, а новых так и не появилось. Таким образом, человеку стало сложно отделить добро от зла, определить понятия достоинства, чести, осознать свою роль в обществе. Человек не рождается с уже заложенной нравственностью, она, как и другие морально-этические принципы, закладывается в процессе социализации и воспитания. В настоящее время многих философов, психологов, лингвистов и просто неравнодушных людей беспокоит проблема изменения и разрушения нравственных и социальных устоев, что ведет, по мнению К.Ю. Ляшук, к «снижению гуманности, нетерпимости и ожесточению людей, дезинтеграции внутреннего мира личности, вакууму духовности» [9]. В современных условиях данные деструктивные тенденции, например утрата морально-нравственных целей, могут эксплуатировать в своих

целях экстремистски направленные течения. Если в прежние времена роль воспитателя молодого поколения и его гражданской позиции принадлежала школе, партии, церкви, то сегодня вместо них выступают телевидение, СМИ и Интернет. Так, жизненная позиция «лучше быть честным, но бедным» постепенно уходит в прошлое и сменяется на «успех любой ценой», что является следствием социальных, культурных, экономических, политических и других изменений, свидетелями и участниками которых мы являемся на протяжении последних десятилетий. Успех, деньги, процветание, амбициозность (амбиции), бизнес, карьера — вот жизненное кредо большей части современной молодежи, в этот далеко не полный список названий ценностей входят американские заимствования, но хуже всего то, что приходят чуждые русскому этносу нравственные ценности и установки, а не только новые слова и смыслы.

С легкой руки журналистов в русском языке появляются новые заимствованные слова, понятийная база которых совершенно не сформирована, но они уже широко функционируют в обычной речи как слова общей лексики, а не только как профессиональные термины, например: *лояльность, аннексировать, кемпинг, саммит, мэр, администрация, приватизация* и др. Во многих случаях употребление англоязычных заимствований вполне оправдано и стилистически, и функционально, ведь это связано со все более усложняющейся техникой, международной коммуникацией, но даже в этом случае для большинства людей данная лексика непонятна и неприятна.

Современная молодежь «юзает инет» гораздо шире, чем смотрит телевизор, — это уже характерно не только для столиц и больших городов России, но и для провинции. Парадоксально, но факт, что большинство людей не подвергает сомнению информацию, выложенную в Интернет, считая ее истиной в последней инстанции. Интернет-коммуникация представляет собой особую сферу, где знаменитые блоггеры обладают порой большим авторитетом, чем эксперты и ученые.

Интернет и телевидение — слишком объемные по своему контенту сферы. Значимым оказывается то, какие телевизионные каналы и передачи человек предпочитает, какие ресурсы в Интернете он читает, какие радиостанции слушает. Если задаться целью изучить те ресурсы, в которых читают новости в Интернете, то прежде всего можно назвать «Яндекс.Новости», «Mail.ru Новости», то есть так называемые агрегаторы. Агрегаторы обычно представляют обрывочную информацию, никоим образом ее не анализируя, в то время как телевидение дает готовую обработанную картинку. Телевидение не только информирует, но и формирует мнение о том или ином событии, продукте, действии и т. д., то есть задает некий «вектор»: что правильно, что неправильно, делая акценты на определенных сторонах явления. Интернет-новости, безусловно, тоже несут информативную нагрузку, но здесь приходится признать наличие актуальной информации и спама, так что человек должен сам разбираться в этом, иногда не контролируемом, потоке информации.

Человек в процессе присваивания культурных традиций посредством различных семиотических систем принимает и некоторую систему ценностей, норм и предписаний той среды, в которой он живет. Присваиваемые в процессе социализации под действием различных влияний, каких-либо жизненных обстоятельств или, шире, культурных, экономических или политических причин, они могут неосознанно, без какого-либо критического анализа или рационального осмысления, замещаться другими ценностями и стереотипами, если это будет способствовать более адекватной реализации адаптивной функции человека.

При использовании нового иностранного слова в речи человек не вкладывает дифференцированного значения в высказывание, так как поняты и приняты только некоторые компоненты значения либо некоторые значения семантического потенциала многозначного слова, поэтому слово не способно выразить вполне определенное значение. Таким образом, в индивидуальном сознании смысловое поле с иерархией

компонентов значения не определено, поэтому интериоризации фрагмента действительности в сознании не происходит, а следствием этого является неспособность индивида сформировать такую структуру знания, которая была бы адекватной и служила бы моделью обработки информации. В силу этих обстоятельств некоторые слова с диффузным значением, такие как *омбудсмен, праймериз, экзит-полз, саммит, скриншот*, могут оказывать дезориентирующее воздействие на сознание человека.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что большой объем иноязычных слов, функционирующих в современной речи, с течением времени, пусть и не в полном объеме, переместится в русский язык, подвергая изменениям не только отдельные значения слов, но и словарный состав в целом. Важно отметить, что неизбежные трансформации когнитивной базы языка-реципиента, в свою очередь, затронут и культурно-нравственные ценности, нормы и правила русской культуры. Новые приоритеты, находящие свое отражение в системе ценностей, интересов и социальных норм у молодежи, могут в дальнейшем трансформировать общественное сознание, а это, как показывает опыт, вопрос совсем не праздный.

Библиографический список

1. Исаев М.И. Наше речевое пространство // Русский язык в СНГ. 1992. Т. 79.
2. Тарасов Е.Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания // Языковое сознание и образ мира / отв. ред. Н.В. Уфимцева. М.: ИЯ РАН, 2000. С. 24–32.
3. Тарасов Е.Ф. Межкультурное общение новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания / отв. ред. Н.В. Уфимцева. М.: ИЯ РАН, 1996.
4. Парандовский Я. Алхимия слова. М.: Правда. 1992. 401 с.
5. Баландина Е.С. «Европеизация» образа бабушки в русском языковом сознании // Вестник ЮУрГУ. Сер.: Лингвистика. 2011. № 22 (239). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/evropeizatsiya-obraza-babushki-v-russkom-yazykovom-soznanii> (дата обращения: 14.03.2016).
6. Салихова Э.А., Нилова К.В. Особенности внутрисемейного вербального общения через поколение: бабушки-дедушки vs внуки-внучки // МНКО. 2013. № 1 (38). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-vnutrisemeynogo-verbalnogo-obscheniya-cherez-pokolenie-babushki-dedushki-vs-vnuki-vnuchki> (дата обращения: 14.03.2016).
7. Морозова Е.А. Подоровская И.А. Изучение взаимосвязи традиционных устоев семьи с качеством личности у современной молодежи // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2009. Т. 11, 4. С. 118–122.
8. Трубачев О.Н. Меняющийся мир и вечные слова: методическое пособие для ОУ и библиотек г. Волгограда / сост. Г.В. Егорова, Е.Г. Дмитриева, И.А. Сафонова. Волгоград: ООО «Царицынская полиграфическая компания», 2009. 112 с.
9. Ляшук К.Ю. Нравственные проблемы современного общества России. URL: <http://nabiraem.ru/blogs/culture/15721> (дата обращения: 14.03.2016).

References

1. Isaev M.I. *Nashe rechevoe prostranstvo* [Our language space]. In: *Russkii iazyk v SNG* [Russian language in the CIS], 1992. V. 79 [in Russian].
2. Tarasov E.F. *Aktual'nye problemy analiza iazykovogo soznaniia* [Urgent problems of analysis of linguistic consciousness]. In: *Iazykovoe soznanie i obraz mira. Otv. red. N.V. Ufimtseva* [Linguistic consciousness and the image of the world. V. Ufimtseva (Ed.)]. M.: IIA RAN, 2000. P. 24–32 [in Russian].
3. Tarasov E.F. *Mezhkul'turnoe obshchenie novaia ontologiya analiza iazykovogo soznaniia* [Intercultural communication new ontology of analysis of linguistic consciousness]. In: *Etnokul'turnaia spetsifika iazykovogo soznaniia. Otv. red. N.V. Ufimtseva* [Ethnocultural specificity of linguistic consciousness. V. Ufimtseva (Ed.)]. M.: IIA RAN, 1996 [in Russian].
4. Parandowski J. *Alkhimiia slova* [Alchemy of a word]. M.: Pravda, 1992. 401 p. [in Russian].

5. Balandina E.S. «Evropeizatsiia» obraza babushki v russkom iazykovom soznanii [“Europeanization” of the image of grandmother in the Russian linguistic consciousness]. *Vestnik JuUrGU. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the South Ural State University. Series «Linguistics»], 2011, no. 22(239). Retrieved from: <http://cyberleninka.ru/article/n/evropeizatsiya-obraza-babushki-v-russkom-yazykovom-soznanii> (accessed 14.03.2016) [in Russian].

6. Salikhova E.A., Nilova K.V. *Osobennosti vnutrisemeinogo verbal'nogo obshcheniia cherez pokolenie: babushki-dedushki vs vnuki-vnuchki* [Features of intrafamilial verbal communication across generations: grandparents vs grandchildren-granddaughters]. *MNKO* [The world of science, culture and education], 2013, no. 1(38). Retrieved from: <http://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-vnutrisemeynogo-verbalnogo-obshcheniya-cherez-pokolenie-babushki-dedushki-vs-vnuki-vnuchki> (accessed 14.03.2016) [in Russian].

7. Morozova E.A. Todorovska I.A. *Izuchenie vzaimosviasi traditsionnykh ustoev sem'i s kachestvom lichnosti u sovremennoi molodezhi* [Study of relationship of traditional foundations of the family with the quality of personality of modern youth]. *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk* [Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], Vol. 11, 4, 2009, pp. 118–122 [in Russian].

8. Trubachev O.N. *Meniaiushchiisia mir i vechnye slova: metodicheskoe posobie dlia OU i bibliotek g. Volgograda. Sost. G.V. Egorova, E.G. Dmitrieva, I.A. Safonova* [Changing world and eternal words: method book for educational institutions and libraries of Volgograd. Compilers G.V. Egorov, E.G. Dmitriev, A.I. Safonov]. Volgograd: OOO «Tsaritsynskaia poligraficheskaiia kompaniia», 2009. 112 p. [in Russian].

9. Liashchuk K.Y. *Nravstvennye problemy sovremennogo obshchestva Rossii* [Moral problems of modern society in Russia]. Retrieved from: <http://nabiraem.ru/blogs/culture/15721> (accessed 14.03.2016) [in Russian].

O.V. Kazachenko*

AMERICANISMS IN THE MIRROR OF RUSSIAN CONSCIOUSNESS (INTERGENERATIONAL SPECIFICITY OF THE IMAGE OF FAMILY AND THE OLDER GENERATION)

The article analyzes the occurrence of English and American borrowings in the modern Russian language, emphasizing their influence on the Russian language. It is noted an exceptional role of mass media and Internet communication together in the imposition of “alien” words with “foreign” meanings that entail certain following of behavioral patterns, which in turn carries the change of Russian cultural constants. Based on the analysis of recent borrowings, the conclusion has been made about introducing unusual connotations in the conceptual field of some Russian words that suggests the emergence of new values. It was found that through a variety of semiotic systems, an individual adopts values, norms and requirements of the environment in which he lives. Assigned in the process of socialization under the influence of different effects, they may unknowingly be replaced by other values and imposed stereotypes and borrowings.

Key words: borrowing, cognitive base, linguistic consciousness, changing values, values of Russian culture, image of the family.

Статья поступила в редакцию 12/VIII/2016.

The article received 12/VIII/2016.

* *Kazachenko Olga Vasilievna* (kazachenko_07@mail.ru), Department of Foreign Philology, Moscow City University, building 1, 4, 2nd Selskokhoziaistvenniy proezd, Moscow, 129226, Russian Federation.

*А.А. Габец**

ФУНКЦИИ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ В ДЕЛОВОМ ДИСКУРСЕ

В статье анализируются прецедентные феномены, актуализирующиеся в выступлениях руководителей МВФ, изучаются функции включения феноменов в дискурс и сферы-источники прецедентности. Кроме наиболее частотных для деловой коммуникации фатической и текстообразующей функций доминирующей функцией интердискурсивных включений признается персуазивная, которая прослеживается на всех уровнях дискурсивной практики.

Ключевые слова: институциональный дискурс, деловой дискурс, прецедентные феномены, лингвопрагматика, интертекстуальность, интердискурсивность.

Несмотря на то что функционирование прецедентных феноменов в текстах различных жанров изучается достаточно давно, внимание ученых в основном фокусируется на художественном дискурсе, где интертекстуальность выражает диалог писателя с другими авторами, культурами и эпохами и может рассматриваться как знак или код в контексте произведения, политическом дискурсе, где прецедентные феномены довольно часто используются в целях повышения экспрессивности высказывания, поддержки собственной позиции путем отсылки к историческому или литературному примеру, публицистическом дискурсе, где языковая игра привлекает внимание читателя или же прецедентный феномен служит целям экономии речевых усилий, быстро актуализируя в сознании реципиента информацию, описание которой иными способами было бы слишком громоздким. Частое использование форм прецедентности в этих видах дискурсивных практик дает исследователям множество возможностей для научного поиска. В рамках данной статьи мы рассмотрим использование прецедентных феноменов в институциональном деловом дискурсе, где их наличие не всегда гарантировано, а репрезентация в речи говорящего обладает особым лингвопрагматическим потенциалом.

В теории прецедентности и интертекстуальности на сегодняшний день остается еще много дискуссионных моментов. В целях нашего исследования мы будем подходить к текстам как к организованному смысловому поликодовому пространству и руководствоваться трактовкой прецедентности данной Ю.Н. Карауловым (прецедентные тексты – «значимые для личности в познавательном и эмоциональном отношении, имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [1, с. 216]), дальнейшими уточнениями термина и

* © Габец А.А., 2016

Габец Анна Александровна (annagabets@mail.ru), кафедра английского языка № 4, Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, 119454, Российская Федерация, г. Москва, пр. Вернадского, 76.

развитием теории Д.Б. Гудковым, И.В. Захаренко, В.В. Красных, Д.В. Багаевой. Однако, в отличие от последних, вслед за Ю.Н. Карауловым мы считаем, что невербальные феномены (музыкальные произведения, картины, архитектурные памятники) также должны быть включены в понятие прецедентности, поскольку имеют вербальное обозначение, вызывающее определенные ментальные образы и ассоциации, и являются важными элементами когнитивной базы социума.

Так как вопросы набора языковых единиц, входящих в понятие прецедентного феномена, остаются дискуссионными, в целях нашего исследования сосредоточим внимание на тех видах прецедентности, которые не ставятся под сомнение ни одним из ученых, работающих в этой области. Прецедентное имя – антропоним, связанный с широко известным текстом или ситуацией, имя, которое функционирует как символ совокупности эталонных качеств [2, с. 108]. «Прецедентный текст и прецедентное высказывание – это сложные знаки, смысл которых гораздо шире суммы значений их компонентов, прецедентная ситуация – «эталонная», ситуация которая обладает определенными коннотациями» [2, с. 106–107].

В связи с «эталонностью» всех прецедентных феноменов очевидно, что их употребление направлено на реализацию каких-либо прагматических задач. Среди функций прецедентных феноменов в основном выделяют номинативную, персуазивную, людическую, парольную [3], эстетическую, текстообразующую [4], оценочную [5]. В рамках теории интертекстуальности, инструментарий которой также используется для анализа прецедентных имен, текстов и высказываний, выделяется фатическая функция [6].

Под институциональным дискурсом мы понимаем коммуникацию в рамках того или иного социального института, в которой присутствуют заданные статусно-ролевые характеристики участников общения. Так, В.И. Карасик описывал участников такого вида дискурса как агентов – представителей института и клиентов – людей, которые обращаются к агентам [7, с. 16]. В своем определении институционального дискурса ученый также отмечал клишированность общения и осуществление коммуникации в соответствии с нормами социума [8, с. 279].

Ввиду того что виды коммуникации внутри институционального дискурса чрезвычайно разнообразны, ученые предпринимают попытки исследовать общие вопросы характеристик, алгоритмов и закономерностей выстраивания высказывания в рамках институционального дискурса через призму частных, поэтому научные работы в основном посвящены отдельным подвидам дискурсивной практики: политическому, юридическому, военному, медицинскому, образовательному дискурсам [9] и так далее. Внутри эти подвиды подвергаются разделению для удобства анализа, но единства в научных концепциях зачастую не наблюдается. Так, например, во многих исследованиях синонимом экономического дискурса выступают понятия бизнес-дискурса или делового дискурса. Однако экономический дискурс все же является более широким, «зонтиковым» термином, в рамках которого следует учитывать не только профессиональное общение специалистов данной сферы, но и межличностную коммуникацию ее участников (продавец – покупатель, сотрудник предприятия – руководитель), тогда как деловой дискурс накладывает ограничения на круг участников и сферу использования языка и ограничивается коммуникацией только специалистов в данной области [10, с. 44].

Объектом нашего исследования послужили выступления 2016 года руководителей и высокопоставленных представителей Международного валютного фонда – организации, способствующей расширению сотрудничества стран в финансовой сфере и росту международной торговли. Предметом исследования стали прецедентные феномены, актуализирующиеся в выступлениях, и функции прецедентности в данном типе делового дискурса.

Как было уже отмечено ранее, деловой дискурс не всегда предполагает включение прецедентных феноменов в коммуникацию. Официальный стиль в его традиционном понимании, пожалуй, наиболее полно иллюстрирует теорию коммуникативных импликатур Г.П. Грайса [11] и в идеале не подразумевает амбивалентности и избыточности. Но в проанализированном нами материале лишь в выступлении заместителя директора-распорядителя МВФ Мицухиро Фурусавы на Токийском форуме 6 июня 2016 [12] года не было идентифицировано ни одного прецедентного феномена. Другие руководители этой организации в своей официальной коммуникации апеллируют к элементам когнитивной базы различных культур довольно часто.

Характерным примером в этом отношении являются выступления директора-распорядителя МВФ Кристин Лагард, которая обязательно включает в тексты своих докладов прецедентные феномены с национальной спецификой тех стран, где она выступает, актуализируя в сознании слушателей память о великих гражданах своей страны, обращаясь к национальной мудрости народа, зафиксированной в пословицах и поговорках:

Few reputations are as towering as that of Frankfurts most famous son, Johann Wolfgang von Goethe: writer, philosopher, scientist, musician and statesman. I also think of him as an internationalist. Not only were his major works widely translated and read abroad, but he also embarked on the first Italian grand tour, – wrote Persian-style poetry, penned Sanskrit literature and yet still found time to be a global diplomat! Goethes genius was to see the world as a whole, comprised of its many interconnected parts [13]; I would also like to congratulate Governor Olsen on his reappointment a testament to his stewardship of this historic institution. It takes a wise man to lead this institution, and this brings me to a Norwegian proverb: “Wise men learn by other mens mistakes fools by their own” [14].

Поскольку прецедентные феномены включены в речь главы МВФ уже с самого начала выступления, очевидна фатическая функция их использования. Выражение глубокого уважения к культуре страны, демонстрация знания и понимания ценностей ее жителей призваны привлечь большее внимание граждан к выступлению, расположить к себе и спровоцировать максимально положительную ответную реакцию.

Дальнейшее развитие мыслей в докладах К. Лагард чаще всего демонстрирует, что прецедентные феномены помогают организовать пространство текста, выполняя текстообразующую функцию. Так, в речи, представленной во Франкфурте 5 апреля, отсылка к Гете появляется снова, уже в середине выступления. На этот раз глава МВФ обращается к его художественному произведению, причем цитирует его на немецком: *Now, many policy makers will be tempted to quote Faust on this issue: “Die Botschaft hör ich wohl, allein mir fehlt der Glaube” [“The message well I hear, my faith alone is weak”]. Well, there is always a good reason not to act. But that would be precisely the wrong move. The growth momentum is weak, risks are probably on the rise, and confidence is sorely lacking. Now is the time for leadership. And now is the time for cooperation [13].*

Цитата Гете включена в текст речи еще один раз, именно словами великого писателя К. Лагард заканчивает свое выступление: *To conclude: the global economy faces a time of increased risk and uncertainty. Now is the time to show leadership. Or to say it with Goethe himself: “It is not enough to know, we must also apply; it is not enough to will, we must also do” [13].*

В середине и конце текста становится очевидной и персуазивная функция цитат. Высказывания К. Лагард, подкрепленные словами Гете, продуцируют двойной перлокутивный эффект.

Интересно отметить, что сфера прецедентности у феноменов с функцией персуазивности, используемых в речи директора-распорядителя МВФ, может быть различной, несмотря на явное предпочтение, отдаваемое классической литературе. Так, апелляция к имени Бьорна Дэли, знаменитого титулованного лыжника, многократ-

ного победителя олимпиад и чемпионатов мира и, что немаловажно, современника, призывает норвежцев к самоотверженной работе на благо страны и мира: *Together, Norway's institutions evoke the image of its world champion skiers, navigating the slopes with so much agility, versatility, and skill. But the world stands not still, and there is more work to be done. Just like Bjorn Daehlie would train hours on end just to gain a fraction of a second on the cross-country slopes in the next performance* [14].

В завершение обозначенной речи К. Лагард опять подкрепляет свои выводы цитатой, и, поскольку в этот раз она выступает в Осло, источником цитаты становится Норвежский драматург: *Let me conclude. Henrik Ibsen once said: "A community is like a ship; everyone ought to be prepared to take the helm"* [14]. Очевидно, что семантика и прагматика, выбранных языковых средств двух выступлений очень похожи, однако разница культур предопределяет выбор национально маркированных единиц.

Выступления директора-распорядителя МВФ довольно часто выстраиваются по подобной схеме, а параллели современной политической и экономической ситуации подбираются из хорошо известных национальных ментальных образов. Например, в Перу К. Лагард проводит аналогии между линиями Наска и актуальными сложными вопросами общественной жизни: изменениями климата, миграцией, демографическими проблемами: *Another Nazca Line – closely related to migration – is demographic change. Think of the Middle East, where a third of the population is aged between 15 and 29* [15]. В начале речи цитируется стихотворение известного перуанского поэта Сесара Вальехо, строчки произведения упоминаются в середине речи и ее заключении и также содержат призыв действовать сообща: *This means it is also a time of opportunity and action. Someone who captured this spirit is the great Peruvian poet Cäsar Vallejo. I love how he concludes one of his best-known poems with a confident "Can do!" message: "Hay, hermanos, muchnsimo que hacer". "Brothers, there is still so much to do". Indeed, brothers and sistershermanas – there is much to do!* [15].

Таким же образом построена речь главы МВФ в Вене, где она сразу называет «Волшебную флейту» Моцарта своим любимым оперным произведением [16], и многие другие ее выступления.

Большинство зафиксированных в речах К. Лагард прецедентных феноменов, которые не выполняют текстообразующую или фатическую функции, реализуют персуазивную: *It has been said that "it takes great courage to see the world in all its tainted glory, and still to love it". So I wish bon courage to our fellow Europeans from the United Kingdom!* [16]. Интерес в этом примере представляет то, что речь произносится в Вене, но специально при обращении к гражданам Соединенного Королевства выбирается цитата Оскара Уайлда.

Все использованные прецедентные имена употребляются в речах Кристин Лагард денотативно, экстенциональное использование позволяет максимально точно передать сообщение слушателю и не подразумевает скрытых смыслов: *Justice all show that Immanuel Kant was right in thinking that nations should be able to settle their differences through international law* [16]; *Clearly, Adam Smiths principles did not only influence the countrys constitution; it helped forge a holistic and humanistic view of the world as well* [14].

Анализируя речи других высокопоставленных представителей МВФ, представляется возможным и далее идентифицировать персуазивную функцию прецедентных феноменов. Так, первый заместитель директора-распорядителя МВФ Дэвид Липтон периодически прибегает к помощи цитат для поддержки своей позиции: *To quote the philosopher George Santayana: "Those who cannot remember the past are condemned to repeat it". In other words, if a country doesnt address the governance issues at the heart of a debt problem, then that problem will inevitably recur* [17]; *There was a wholesale need to disassemble a decrepit economic system and create a market-based system in its place. As one Russian reformer saw the problem, it is easy to turn an aquarium into fish stew, but another thing to turn fish stew into an aquarium* [18].

Использование паремий и идиом также оказалось возможным в данном виде дискурсивной практики. Прагматический потенциал функционирования прецедентных высказываний в деловом дискурсе может быть разным, персуазивная функция выходит на первое место и здесь: *Actions speak louder than words. Where are we so far? On the monetary policy front, a lot has been achieved, even though there remains uncertainty about the path of U.S. monetary policy normalization* [19].

Были зафиксированы примеры использования прецедентных феноменов в эстетической функции, однако их количество не столь велико.

Подводя итоги исследования, можно утверждать, что деловой дискурс может включать в свое поле прецедентные феномены, присутствие которых в речи должностного лица достраивает модель действительности и обнаруживает свое культурное обоснование. Наиболее часто эти языковые единицы используются официальными представителями институтов в следующих целях: 1) персуазивных, помогая аргументировать свои политические и экономические позиции; 2) фатических, способствуя установлению контакта с аудиторией; 3) текстообразующих, являющихся крепким фундаментом для логического выстраивания коммуникации.

Еще одна глобальная функция прецедентных феноменов в текстах делового дискурса заключается в том, чтобы придать речевому произведению «неоднородность смысла» [6, с. 37; 20], динамичность и изменчивость. Введение в официальную коммуникацию национальных ментальных образов является не столько стилистическим приемом, сколько точкой взаимодействия различных видов дискурса. Доминирующие функции использования прецедентных феноменов в коммуникации высокопоставленных представителей МВФ – персуазивная, фатическая, текстообразующая – оказывают прагматическое воздействие на адресата путем приглашения реципиента в диалог не только с выступающим, но и с культурным контекстом. А тщательно подобранные речевые единицы, актуализирующие в сознании реципиента нужные элементы когнитивной базы, позволяют интердискурсивному включению работать еще эффективнее.

Таким образом, введение прецедентного феномена в дискурс деловой коммуникации не только выполняет стилистические, фатические или другие функции. Персуазивная становится глобальной функцией такого интердискурсивного включения и работает на уровне не только текста, но и дискурса, привлекая дополнительные смыслы из контекста культуры.

Библиографический список

1. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 263 с.
2. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 288 с.
3. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Academia, 2000. 128 с.
4. Нахимова Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации. Екатеринбург, 2007. 207 с.
5. Гудков Д.Б. Прецедентные феномены в языковом сознании и межкультурной коммуникации: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1999.
6. Фатеева Н.А. Контрапункт интертекстуальности или интертекст в мире текстов. М.: Агар, 2000. 280 с.
7. Карасик В.И. О категориях дискурса // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты. Волгоград; Саратов: Перемена, 1998. С. 5–20.
8. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
9. Харьковская А.А. Англоязычный образовательный дискурс: современные тенденции // Профессиональная коммуникация и мультикомпетентность: сб. науч. тр. к 15-ле-

тию кафедры английского языка № 5 МГИМО / под общ. ред. Л.К. Раицкой. М.: МГИМО-Университет, 2015. С. 177–181.

10. Евтушина Т.А., Ковальская Н.А. Экономический дискурс как объект лингвистического исследования // Вестник Челябинского государственного университета. Сер.: Филология, искусствоведение. 2014. Вып. 88. № 6 (335). С. 42–46.

11. Grice H. P. Logic and conversation. «Syntax and semantics», ed. by P. Cole and J.L. Morgan. V. 3. N. Y.: Academic Press, 1975. P. 41–58.

12. Mitsuhiro Furusawa. Achieving Sustainable Social Spending // Keynote Address at Tokyo Fiscal Forum 2016. URL: <http://www.imf.org/external/np/speeches/2016/060616.htm>.

13. Christine Lagarde. Decisive Action to Secure Durable Growth. URL: <https://www.imf.org/external/np/speeches/2016/040516.htm>.

14. Christine Lagarde. Managing Spillovers Striking the Right Balance of Domestic Objectives and External Stability. URL: <http://www.imf.org/external/np/speeches/2016/061616.htm>.

15. Christine Lagarde. Brothers and Sisters, There is Much to Do. URL: <http://www.imf.org/external/np/speeches/2015/100915.htm>.

16. Christine Lagarde. Unity in Diversity: The Case for Europe. URL: <http://www.imf.org/external/np/speeches/2016/061716.htm>.

17. David Lipton. Rebalancing China: International Lessons in Corporate Debt. URL: <http://www.imf.org/external/np/speeches/2016/061016.htm>.

18. David Lipton. Can Globalization Still Deliver? The Challenge of Convergence in the 21st Century. URL: <http://www.imf.org/external/np/speeches/2016/052416a.htm>.

19. José Vi als. FT Debt Capital Markets Outlook-Securing Stability amid The Great Distortion. Financial Stability: Vulnerabilities, Challenges and Enhancements. URL: <http://www.imf.org/external/np/speeches/2016/021016.htm>.

20. Пономаренко Е.В., Харьковская А.А. Риторическое воздействие как фактор межнационального делового общения // Язык и коммуникация в современном поликультурном социуме: сб. науч. тр. М.: Трансарт, 2014. С. 111–117.

References

1. Karaulov Yu.N. *Russkii iazyk i iazykovaia lichnost'* [Russian language and linguistic personality]. М.: Nauka, 1987. 263 p. [in Russian].
2. Gudkov D.B. *Teoriia i praktika mezhkul'turnoi kommunikatsii* [Theory and practice of intercultural communication]. М.: Gnosis, 2003. 288 p. [in Russian].
3. Slisshkin G.G. *Ot teksta k simvolu: lingvokul'turnye kontsepty pretседentnykh tekstov v soznanii i diskurse* [From text to symbol: linguocultural concepts of precedent texts in minds and discourse]. М.: Academia, 2000. 128 p. [in Russian].
4. Nahimova E.A. *Pretседentnye imena v massovoi kommunikatsii* [Precedent names in mass communication]. Yekaterinburg, 2007. 207 p. [in Russian].
5. Gudkov D.B. *Pretседentnye fenomeny v iazykovom soznanii i mezhkul'turnoi kommunikatsii: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Precedent phenomena in linguistic consciousness and intercultural communication: extended abstract of Doctoral thesis]. М., 1999 [in Russian].
6. Fateeva N.A. *Kontrapunkt intertekstual'nosti ili intertekst v mire tekstov* [Counterpoint of intertextuality, or intertext in the world of texts]. М.: Agar, 2000. 280 p. [in Russian].
7. Karasik V.I. *O kategoriiakh diskursa* [About categories of discourse]. In: *Iazykovaia lichnost': sotsiolingvisticheskie i emotivnye aspekty* [Linguistic personality: sociolinguistic and emotive aspects]. Volgograd; Saratov: Peremena, 1998. P. 5–20 [in Russian].
8. Karasik V.I. *Iazykovoi krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena, 2002. 477 p. [in Russian].
9. Kharkovskaya A.A. *Angloiazychnyi obrazovatel'nyi diskurs: sovremennye tendentsii* [English educational discourse: modern trends]. In: *Professional'naiia kommunikatsiia i mul'tikompetentnost': Sbornik nauchnykh trudov k 15-letiiu kafedry angliiskogo iazyka № 5 MGIMO. Pod obshch. red. L.K. Raitskoi* [Professional communication and multicompetence: Collection of research works to the 15th anniversary of the Department of English language №5 of MGIMO University. I.K. Raitskaya (Ed.)]. М.: МГИМО-Университет, 2015. P. 177–181 [in Russian].
10. Evtushina T.A., Kovalskaya N.A. *Ekonomicheskii diskurs kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniia* [Economic discourse as an object of linguistic research]. *Vestnik Cheliabinskogo*

gosudarstvennogo universiteta [Vestnik of Chelyabinsk State University] no. 6(335). *Filologiya, iskusstvovedenie*, vyp. 88 [Philology. Study of Art, issue 88]. 2014. P. 42–46 [in Russian].

11. Grice H.P. Logic and conversation. In: *Syntax and semantics*, ed. by P. Cole and J.L. Morgan. V. 3. N.Y., Academic Press, 1975. P. 41–58 [in English].

12. Mitsuhiro Furusawa. Achieving Sustainable Social Spending, Keynote Address at Tokyo Fiscal Forum 2016. Retrieved from: <http://www.imf.org/external/np/speeches/2016/060616.htm> [in English].

13. Christine Lagarde. Decisive Action to Secure Durable Growth. Retrieved from: <https://www.imf.org/external/np/speeches/2016/040516.htm> [in English].

14. Christine Lagarde. Managing Spillovers Striking the Right Balance of Domestic Objectives and External Stability. Retrieved from: <http://www.imf.org/external/np/speeches/2016/061616.htm> [in English].

15. Christine Lagarde. Brothers and Sisters, There is Much to Do. Retrieved from: <http://www.imf.org/external/np/speeches/2015/100915.htm> [in English].

16. Christine Lagarde. Unity in Diversity: The Case for Europe. Retrieved from: <http://www.imf.org/external/np/speeches/2016/061716.htm> [in English].

17. David Lipton. Rebalancing China: International Lessons in Corporate Debt. Retrieved from: <http://www.imf.org/external/np/speeches/2016/061016.htm> [in English].

18. David Lipton. Can Globalization Still Deliver? The Challenge of Convergence in the 21st Century. Retrieved from: <http://www.imf.org/external/np/speeches/2016/052416a.htm> [in English].

19. José Vi als. FT Debt Capital Markets Outlook Securing Stability amid The Great Distortion. Financial Stability: Vulnerabilities, Challenges and Enhancements. Retrieved from: <http://www.imf.org/external/np/speeches/2016/021016.htm> [in English].

20. Ponomarenko E.V., Kharkovskaya A.A. *Ritoricheskoe vozdeistvie kak faktor mezhnatsional'nogo delovogo obshcheniia* [Rhetoric impact as a factor of international business communication]. In: *Iazyk i kommunikatsiia v sovremennom polikul'turnom sotsiume: sbornik nauchnykh trudov* [Language and communication in modern multicultural society: collection of research papers]. M.: Transart, 2014. P. 111–117 [in Russian].

*A.A. Gabets**

FUNCTIONS OF PRECEDENT PHENOMENA IN FORMAL DISCOURSE

The article deals with precedent phenomena in IMF officials' speeches. Functions of precedent phenomena in the speeches and their sources are analyzed. Apart from phatic and text-creating functions which are the most frequent in formal communication persuasive function that can be studied on all the levels of discourse is acknowledged as dominant.

Key words: institutional discourse, formal discourse, precedent phenomena, linguopragmatics, intertextuality, interdiscourse.

Статья поступила в редакцию 21/VIII/2016.

The article received 21/VIII/2016.

* *Gabets Anna Alexandrovna* (annagabets@mail.ru), Department of the English Language № 4, MGIMO University, 76, Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation.

**КОГНИТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТА «RAIN» («ДОЖДЬ»)
В АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ
ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА)**

В данной статье рассматривается концепт «RAIN», важная составляющая концептосферы «Weather» в английской лингвокультуре, выявляются и описываются его когнитивные особенности через лексико-семантический анализ слова «rain».

Ключевые слова: концепт, концептосфера, когнитивная лингвистика, лингвокультурология, лингвокогнитология, менталитет, языковая картина мира, английская лингвокультура.

Современной лингвистике присуще несколько отличительных черт, среди которых особо стоит отметить когнитивизм и антропоцентризм [3, с. 212]. Данные характеристики ярко проявляются в лингвокогнитологии, лингвокультурологии и, в частности, в выделившейся из нее лингвоконцептологии [1] – развивающихся актуальных направлениях, получивших широкое распространение. Данные науки ориентированы на изучение языка сквозь парадигму человека и на изучение концептов, которые формируют его языковую картину мира.

Как утверждает А.В. Кравченко, объектом изучения концептологии являются единицы сознания, составляющие основу мыслительной деятельности человека. Выявление и описание этих единиц как главная задача концептологии осуществляется посредством выявления и описания языковых средств, репрезентирующих концепты [2, с. 45]. Изучая языковую вербализацию концептов, мы имеем возможность исследовать национальную концептосферу и картину мира, так как язык является их отражением.

Некоторые значимые концепты той или иной культуры до сих пор остаются недостаточно изученными. В данной статье мы рассмотрим концепт «дождь», который является значимым компонентом концептосферы «погода» в английской лингвокультуре. Вслед за Ю.С. Степановым мы принимаем следующее определение понятия «концепт»: это «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. <...> Тот “пучок“ представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, который сопровождает слово». «Концепт – основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [4, с. 40–41].

Концепт «погода», несомненно, является исключительно важным для англичан. Погода имеет большое влияние на формирование английского менталитета и характера. Данный предмет затрагивается многими авторами как в художественной литературе, так и в научных исследованиях. Еще в 1758 году английский литературный критик и выдающийся поэт эпохи Просвещения Сэмюэл Джонсон отметил: «It is commonly observed, that when two Englishmen meet, their first talk is of the weather; they are in haste to tell each other, what each must already know, that it is hot or cold, bright or cloudy, windy or calm» [7, с. 25]. Писатель Роберт Коллз в своей книге

* © Попова Т.А., 2016

Попова Татьяна Андреевна (dear.tania@yandex.ru), филологический факультет, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 119991, Российская Федерация, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, 1.

«Identity of England» утверждает, что с середины XIX века климат и погода считаются одними из основных факторов, определяющих национальный характер [6, с. 207].

Писатель Гарри Маунт также полагает, что погода в значительной степени влияет на английский национальный характер и что именно климат и погода определяют внешность людей, их манеру одеваться и даже оттенок их кожи [9, с. 2].

Погода неизменно является излюбленным предметом обсуждений и актуальной темой разговора и smalltalk (легкой светской беседы). Антрополог Кейт Фокс провела целое исследование погоды и ее влияния на характер англичан в книге «Watching the English. The Hidden Rules of English Behaviour». По ее словам, почти каждая беседа англичан начинается с обсуждения погоды. Автору удается сформулировать так называемые rules of the Englishweather-speak (правила английского разговора о погоде), подтверждающие, что разговор о погоде это своеобразная форма этикета и проявление вежливости. Для англичан является важным скорее не само обсуждение погоды, а установление контакта с собеседником через разговор о ней [8].

Концептосфера погоды достаточно обширна и включает в себя концепты «снег» («snow»), «гроза» («thunderstorm»), «ветер» («wind») и другие. Наиболее важным из них для представителя англоязычной культуры является концепт «RAIN». Подтверждением этому могут служить данные EAT (Edinburgh Associative Thesaurus) [7], в рамках которого проводится изучение ассоциаций, вызываемых тем или иным словом в сознании человека. Ниже представлены ассоциации носителей английского языка на слово «weather» (общее количество ответов – 99, в скобках представлено количество респондентов, давших этот ответ). Мы видим, что наиболее частой ассоциацией к слову «weather», представленной в ответах респондентов, является слово «rain»:

RAIN (24), FORECAST (7), BAD (5), WET (5), CLOUDS (4), COLD (4), VANE (4), CLOUD (3), FINE (3), MAN (3), SNOW (3), STORMS (3), COCK (2), METEOROLOGY (2), REPORT (2), STORM (2), WIND (2), AWFUL (1), BALLOON (1), BLUE (1), CENTRE (1), CLIMATE (1), DIRTY (1), DULL (1), FOG (1), GOOD (1), HOLIDAYS (1), LARGE (1), LEATHER (1), MISERABLE (1), MOD (1), RAINY (1), RIDE (1), SEASONS (1), SUNNY (1), THUNDER (1), WHETHER (1).

Задачей данной статьи является анализ лексемы «rain» и ее производных на материале лексикографических источников с последующим выявлением когнитивных признаков концепта. Рассмотрим, как представлено лексическое значение слова «rain» в некоторых авторитетных словарях английского языка. Начнем с существительного, у которого можно выделить три основных значения (в скобках приводятся примеры употребления слова; сокращенные обозначения словарей см. в списке сокращений) [10] (см. табл. 1).

Таблица 1

Первое значение существительного «rain» по лексикографическим данным

Словарь	Дефиниция
LDCE	water that falls in small drops from clouds in the sky (<i>The light rain had stopped</i>);
CED	precipitation from clouds in the form of drops of water, formed by the condensation of water vapour in the atmosphere; a fall of rain; shower;
ODTWG	the condensed moisture of the atmosphere falling visibly in separate drops

Существительное «rain» приобретает устойчивое значение, если оно употребляется во множественном числе и с определенным артиклем («the rains»). В данном случае, речь идет о сезоне продолжительных дождей преимущественно в тропическом поясе (табл. 2).

Таблица 2

Второе значение существительного «rain» по лексикографическим данным

Словарь	Дефиниция
LDCE	heavy rain that falls during a particular period in the year in tropical countries [= monsoon] (<i>Last year, the rains came on time in April</i>);
OALD	the season of heavy continuous rain in tropical countries (<i>The rains come in September</i>);
CED	the season of heavy rainfall, especially in the tropics

Приведем несколько примеров употребления существительного во втором значении из British National Corpus (далее – BNC) [5]:

*The heat, which had declined a little at the coming of **the rains**, grew more oppressive than ever.*

*If **the rains** come again today, hunting will be impossible later!*

Третье значение существительного «rain» представляет собой метафорический перенос, в основе которого лежит значение «большое количество каких-либо падающих или летящих предметов» (табл. 3).

Таблица 3

Третье значение существительного «rain» по лексикографическим данным

Словарь	Дефиниция
OALD	the large number of things falling from the sky at the same time (<i>the rain of arrows/ stones</i>);
LDCE	a large number of things falling or moving through the air together (<i>The archers sent a rain of arrows towards the enemy</i>);
CED	a large quantity of anything falling rapidly or in a quick succession (<i>a rain of abuse</i>)

Проиллюстрируем данное значение примерами из BNC:

*While all this is going on the archers can pour a **rain of arrows** on the foe.*

*Then the landing window fell out in a **rain of sparks**.*

Наряду с существительным представляется необходимым рассмотреть глагол «to rain». В составе данного слова также можно выделить несколько значений (табл. 4).

Таблица 4

Первое значение глагола «to rain» по лексикографическим данным

Словарь	Дефиниция
LDCE	if it rains, drops of water fall from clouds in the sky (<i>Outside it was still raining</i>);
OALD	when it rains, water falls from the sky in drops (<i>It had been raining hard all night</i>);
CED	to be the case that rain is falling

Второе значение глагола «to rain» так же, как и в случае с существительным, основано на метафорическом переносе (табл. 5).

Интересно использование фразового глагола «to rain off» (американский вариант «to rain out») в случае, когда говорится об отмене или остановке какого-либо мероприятия по причине дождя. В данном случае дождь представляется как плохие погодные условия, которые могут нарушить чьи-либо планы (табл. 6).

Значение данного глагола можно проиллюстрировать следующими примерами:

*You said your barbecue in Oxford was **rained off** (CED).*

*The Mens Open was **rained off** before the leaders played their second round (BED).*

Таблица 5

Второе значение глагола «to rain» по лексикографическим данным

Словарь	Дефиниция
LDCE	to fall or make something fall in large quantities (<i>Bombs rained on the city's streets</i>);
LDELС	to fall or cause to fall like rain; to bestow in large measure (<i>to rain abuse on someone</i>);
MEDAL	to hit or hit against someone or something violently many times (<i>He covered his face as the blows rained down on him</i>)

Таблица 6

Значение фразового глагола «to rain off» по лексикографическим данным

Словарь	Дефиниция
LDELС	to cause (an event or activity) to stop because of rain (<i>The game was rained off</i>);
OALD	(of an event) to be cancelled or to have to stop because it is raining

Для более полной картины исследования обратимся также к прилагательному «rainy» (табл. 7).

Таблица 7

Значение прилагательного «rainy» по лексикографическим данным

Словарь	Дефиниция
LDCE	a rainy period of time is one when it rains a lot (<i>a cold rainy day in October</i>);
LDELС CED	having a lot of rain (<i>a very rainy day / place</i>); characterized by a large rainfall (<i>a rainy climate</i>); wet or showery; bearing rain

В семантике прилагательного «rainy» присутствует значение «большое количество дождя», что доказывается лексемами «when it rains a lot», «a lot of rain», «large, considerable rainfall». От данного прилагательного возможно образование существительного «raininess», что соответствует русскому «дождливость» или «частые дожди».

Словосочетание «rainy day» («a future time of need, especially financial» (CED) и идиоматичное выражение «for a rainy day» («for a (future) time when money may be needed» (LDELС) находят отражение в русскоязычном «на черный день»: например, «откладывать деньги на черный день». Данное выражение представлено в вариациях «to save/ provide/ rescue something for the rainy day», «to put apart/ by for a rainy day» и может быть проиллюстрировано следующим примером: *I have a little money put apart for a rainy day* (LU).

Таким образом, трудное, тяжелое время, так называемый «черный день» в восприятии русского народа, у англичан превращается в день дождливый, что является показательным примером негативного восприятия концепта «RAIN» в целом.

Отметим также выражение со схожей семантикой «to sell ones hens on a rainy day», которое означает «продавать свой товар в неподходящее время, проявлять непрактичность». Восприятие словосочетания «дождливый день» в значении «неподходящее для чего-либо время» в очередной раз подтверждает наличие отрицательной коннотации в составе концепта «дождь».

Существительное «rain» достаточно продуктивно и порождает большое количество производных слов и словосочетаний. С целью изучения когнитивных признаков,

которые они в себе заключают, разделим данные лексические единицы на несколько категорий. К первой отнесем те, в которых дождь рассматривается как *плохие погодные условия, вызывающие отмену какого-либо события*:

– **Rain check** – «a ticket that can be used later if a game, show, etc. is cancelled because of rain» (билет, дающий право прийти на игру, шоу и т. д., перенесенные по случаю дождя; так называемый «дождевой» талон).

*Can I take a **rain check** on that?* (MEDAL).

– Когда мероприятие отменяется или переносится по причине дождя может быть назначена новая дата мероприятия – **rain date** – «an alternative date when an event will take place if it has to be cancelled on the original date because of rain».

*He will announce a **rain date** by Monday* (OALD).

– **Rainout** – «an occasion when bad weather prevents an event from starting or finishing» (мероприятие, перенесенное из-за дождя).

*Barring professional uncertainties such as **rainouts**, wrecks, engine trouble, etc., a racer has a chance for good money* («The Times»).

Вторая категория включает в себя слова, в которых дождь представляется как *погодное явление, от которого нужно защищаться*:

– **Rainproof** – «something that can keep rain out» (непромокаемый, водонепроницаемый).

*Prepare for the weather even though it looks like it's going to be a scorcher, pack a **rainproof** jacket just in case* («The Sun»).

– **Rainwear** – «clothes to be worn in the rain which do not allow water through» (LDELС) (непромокаемая одежда).

*It is very important to have a well-planned clean-up room beyond which no wellingtons, **rainwear** or dirty clothing is permitted* (BNC).

– **Raincoat** – «a coat that keeps you dry in the rain» (плащ, дождевик).

*She wore a cheap cloth **raincoat**, a scarf, and glasses* (LU).

В третью категорию вошли слова, значение которых подразумевает наличие *большого количества дождя*:

– **Rainforest** – «a thick forest in tropical parts of the world that have a lot of rain» (тропический лес).

*Enjoy the view over the falls and **rainforest** from lookouts along a walking track* («The Sunday Mail»).

– **Rain belt** – «a zone in which it usually rains» (зона дождей).

*The tropical **rain belt** lies in the southern hemisphere roughly from October to March* (Wikipedia).

– **Rainstorm** – «a sudden heavy fall of rain» (LDCE) (ливень).

*He was working one day, painting from nature, and got caught in a **rainstorm*** (BNC).

В лексических единицах четвертой категории дождь представлен как *метеорологическое явление*. Большинство подобных слов чаще всего употребляется в узкоспециализированном дискурсе метеорологов:

– **Rainband** – «a dark band in the solar spectrum caused by water vapor in the atmosphere» (ODTWG) (полоса дождя).

*The extent of **rainbands** around a tropical cyclone can help determine the cyclone's intensity* (Wikipedia).

– **Rain cloud** – «a cloud or a mass of clouds that yields rain» (ODTWG) (дождевое облако).

*The sky looked like one massive mottled **rain cloud*** (BNC).

– **Rainfall** – «a fall or shower of rain; the amount of water falling in rain, snow, etc., within a given time and area, usually expressed as a hypothetical depth of coverage (a rainfall of 70 inches a year)» (ODTWG) (дождь, ливень, осадки).

*What is average winter and summer **rainfall**?* (BNC).

– **Rain shadow** – «a relatively dry region sheltered from prevailing rain-bearing winds by a range of hills» (ODTWG) (область, защищенная от осадков, «дождевая тень»).

*Soon we are out on the savannah leaving behind the **rain shadow** of the mountain* (BNC).

– **Acid rain** – «rain that contains harmful chemicals from factory gases and that damages trees, crops and buildings» (кислотный дождь).

*Sulphur, falling as **acid rain**, is killing fish in the Great Lakes* (OALD).

В пятой категории приводятся наименования *устройств, предназначенных для измерения параметров дождя или сбора дождевой воды*:

– **Rain gauge** – «an instrument that is used for measuring the amount of rain that falls somewhere» (LDCE) (дождемер, пювиометр).

*We had a **rain gauge** and an anemometer for wind speeds — no more guess work with the wet finger held aloft — and, Thank God, no more slippery ladders to the roof* (BNC).

– **Rain barrel** (AmE) / **water butt** (BrE) – «a large barrel for collecting rain as it flows off a roof» (бочка для дождевой воды).

*They were made to wash their hands and faces in a **rain barrel** outside, before being allowed into one of the empty warehouses* (BNC).

Шестая категория объединяет наименования *составляющих дождя*:

– **Raindrop** – «a single drop of rain» (дождевая капля).

*She listened to the **raindrops** pattering on the tin roof* (OALD).

– **Rainwater** – «water that has fallen as rain» (дождевая вода).

*She saw her reflection in a pool of **rainwater** beside her* (OALD).

Последнюю, седьмую категорию составляют обозначения *животных организмов*, в составе которых присутствует лексема «rain»:

– **Rainbird** – «a bird that is said to foretell rain by its call, especially (in Britain) the green woodpecker or (in South Africa) a kind of coucal» (ODE) (птица, предвещающая своим криком дождь).

– **Rainworm** – «the earthworm, which often comes to the surface after rain» (ODE) (дождевой червь).

На основе вышеприведенной категоризации можно сделать вывод о том, что концепт «RAIN» преимущественно воспринимается как плохие погодные условия, вызывающие отмену или перенос каких-либо планов или мероприятий, от которых следует защищаться при помощи чего-либо водостойчивого. В данных случаях концепт «RAIN» несет в себе преимущественно негативную коннотацию.

Но существуют лексические единицы, доказывающие наличие и положительной коннотации у данного концепта, например, существительное «**rainmaker**» – «a person who makes a business grow and become successful» (OALD). *They were an unlikely team — Peter the **rainmaker**, Sandy the corporate survivor, and Josh the rebel visionary* («Business Today»). В данном случае образ дождя явно положителен: человек, способный «делать дождь», рассматривается как сильный, могущественный, обладающий властью. Соответственно, появляется позитивная окраска концепта «RAIN».

Положительное восприятие концепта «RAIN» иллюстрируется также словосочетанием **rain dance** – «a dance traditionally performed by some Native Americans to encourage rain». *Some farmers are now asking for help from higher powers. He says he is praying for rain, but isn't yet resorting to a **rain dance*** (BNC). Дождь рассматривается как долгожданное, желанное явление, люди видят в нем единственное спасение в условиях засухи.

Таким образом, концепт «RAIN» несет преимущественно негативную коннотацию и представляет собой плохие погодные условия, которые вызывают отмену или перенос каких-либо событий в жизни человека и от которых следует защищаться. Вместе с тем в его семантике может быть выделена и положительная коннотация, которую возможно отметить в случаях, когда дождь рассматривается как нечто жизненно важное.

Библиографический список

1. Воркачев С.Г. Постулаты лингвоконцептологии // Антология концептов. М.: Гнозис, 2007. С. 10–11.
2. Кравченко А.В. Что изучает концептология? // Функционально-когнитивный анализ языковых единиц и его аппликативный материал. Барнаул: Изд-во АлтГПА, 2011. С. 248–251. URL: <http://www.academia.edu/1148123>.
3. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца 20 века: сб. ст. / под ред. Ю.С. Степанова; РАН, Ин-т языкознания. М.: Издательство РГГУ, 1995. С. 144–238.
4. Степанов Ю.С. Концепт // Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. С. 40–76.
5. BNC British National Corpus. Mode of access URL: <http://corpus.byu.edu/bnc>.
6. Colls R. Identity of England. Oxford University Press, 2002. 422 p.
7. EAT Edinburgh Associative Thesaurus. Kiss G.R., Armstrong C., Milroy R. and Piper J. An associative thesaurus and its computer analysis // Aitken A.I., Bailey R.W. and Hamilton-Smith N. (Eds.), The Computer and Literary Studies. Edinburgh: University Press, 1973. URL: <http://www.eat.rl.ac.uk>.
8. Fox K. Watching the English. The Hidden Rules of English Behaviour. Nicholas Brealey Publishing, 2008. 424 p.
9. Mount H. How England Made The English. London, 2012. 368 p.

Принятые сокращения

1. BED – BBC English Dictionary. BBC English and Harper Collins Publishers Ltd, 1992.
2. CED – The Collins English Dictionary. Glasgow: Harper Collins, 2000.
3. LDEL – The Longman Dictionary of English Language and Culture. Third edition, 2006.
4. LDCE – The Longman Dictionary of Contemporary English. Third edition, 2001.
5. LU – Lingvo Universal. Англо-русский словарь общей лексики. URL: <http://www.lingvo-online.ru>.
6. MEDAL – The Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. International Student Edition, 2006.
7. OALD – Oxford Advanced Learners Dictionary of Current English. Hornby, A.S. Oxford: Oxford University Press, 2005.
8. ODE – Oxford Dictionary of English. Second edition. Oxford University Press, 2003.
9. ODTWG – Oxford Dictionary Thesaurus and Wordpower Guide. Oxford University Press, 2001.

References

1. Vorkachyov S.G. *Postulaty lingvokontseptologii* [Postulates of linguoconceptual studies]. In: *Antologiya kontseptov* [Anthology of concepts]. M.: Gnozis, 2007, pp. 10–11 [in Russian].
2. Kravchenko A.V. *Chto izuchaet kontseptologiya?* [What is the subject of conceptual studies?]. In: *Funktsionalno-kognitivnyi analiz yazykovih edinits i ego aplikativnyi material* [Functional-cognitive analysis of linguistic units and its applicative materials]. Barnaul: Izd-vo AltGPA, 2011, pp. 248–251. Retrieved from: <http://www.academia.edu/1148123> [in Russian].
3. Kubryakova E.S. *Evolutsiya lingvisticheskikh idei vo vtoroi polovine XX veka (opyt paradigmal'nogo analiza)* [Evolution of linguistic ideas in the second half of the 20th century (the experience of paradigmatic analysis)]. In: *Yazyk i nauka kontsa 20 veka. Sbornik statei pod redaktsiei Yu. S. Stepanova. RAN, In-t yazykoznaniiya* [Language and science of the end of the 20th century: Collection of research papers edited by Yu.S. Stepanov. Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistics]. M.: RGGU, 1995, pp. 144–238 [in Russian].
4. Stepanov Yu.S. *Kontsept* [Concept]. In: *Konstanty: Slovar russkoy kultury. Opyt issledovaniya* [Constants: Dictionary of the Russian culture. Experience of the research]. M.: Shkola “Iazyki russkoi kul'tury”, 1997, pp. 40–76 [in Russian].

5. BNC British National Corpus. Retrieved from: <http://corpus.byu.edu/bnc/> [in English].
6. Colls R. Identity of England. Oxford University Press, 2002, 422 p. [in English].
7. EAT Edinburgh Associative Thesaurus. Kiss, G.R., Armstrong, C., Milroy, R., and Piper, J. An associative thesaurus and its computer analysis. In: Aitken, A.I., Bailey, R.W. and Hamilton-Smith, N. (Eds.). The Computer and Literary Studies. Edinburgh: University Press, 1973. Retrieved from: <http://www.eat.rl.ac.uk> [in English].
8. Fox K. Watching the English. The Hidden Rules of English Behaviour. Nicholas Brealey Publishing, 2008, 424 p. [in English].
9. Mount H. How England Made The English. London, 2012, 368 p. [in Russian].

Adopted abbreviations

1. BED – BBC English Dictionary. BBC English and Harper Collins Publishers Ltd, 1992 [in English].
2. CED – The Collins English Dictionary. Glasgow: Harper Collins, 2000 [in English].
3. LDELС – The Longman Dictionary of English Language and Culture. Third edition, 2006 [in English].
4. LDCE – The Longman Dictionary of Contemporary English, Third edition, 2001 [in English].
5. LU – Lingvo Universal. English-Russian dictionary of common lexis. Retrieved from: <http://www.lingvo-online.ru> [in English and in Russian].
6. MEDAL – The Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. International Student Edition, 2006 [in English].
7. OALD – Oxford Advanced Learners Dictionary of Current English. Hornby, A.S. Oxford: Oxford University Press, 2005 [in English].
8. ODE – Oxford Dictionary of English. Second edition. Oxford University Press, 2003 [in English].
9. ODTWG – Oxford Dictionary Thesaurus and Wordpower Guide. Oxford University Press, 2001 [in English].

*T.A. Popova**

COGNITIVE FEATURES OF THE CONCEPT «RAIN» IN THE ENGLISH LINGUISTIC CULTURE (ON THE MATERIAL OF LEXICAL-SEMANTIC ANALYSIS)

The article deals with the concept «Rain», an important constituent part of the conceptual sphere «Weather» in the English linguistic culture, and describes its cognitive peculiarities through lexical-semantic analysis of the word «rain».

Key words: concept, conceptual sphere, cognitive linguistics, cultural linguistics, linguocognitive studies, mentality, linguistic view of the world, English linguistic culture.

Статья поступила в редакцию 17/VII/2016.
The article received 17/VII/2016.

* *Popova Tatyana Andreevna* (dear.tania@yandex.ru), Philological faculty, Lomonosov Moscow State University, 1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation.

ОППОЗИЦИОННЫЕ МОДЕЛИ, СИМВОЛЫ В ОСЕТИНСКОЙ РЕЛИГИОЗНО-МИФОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ: КОНЦЕПТ «НЫМÆЦ» (ЧИСЛО)

В статье на материале Нартского эпоса раскрывается значение числа как параметра описания модели мира, получившее национальную трактовку в осетинской фольклорной картине мира. Выявляются бинарные оппозиции символических структур репрезентантов *æртæ* «три» и *æвд* «семь» в рамках осетинской религиозно-мифологической традиции.

Ключевые слова: число, номинатор, концепт, когнитивный признак, символизм

С древнейших времен числа служили средством описания миропорядка и ориентации в нем человека, им приписывали скрытый смысл и магическую возможность влияния на все окружающее. Числа считались неотъемлемыми характеристиками всех существ и предметов: они управляли не только физической гармонией и законами жизни, пространством и временем, отношениями с Богом, который понимался как Мировое единство, Высшая Истина, но и трактовались как божественные символы Вселенной, основа представлений о мироздании, символ гармонии и порядка в противовес Хаосу [7, с. 629].

В архаичных традициях числа описывали ситуации, которым придавалось сакральное значение. Тем самым число становилось образом мира и отсюда – средством для его периодического восстановления в циклической схеме развития для преодоления хаотических тенденций [7, с. 630]. Также числу придавалось сакральное «космизирующее» значение: фиксировать параметры образа мира, с одной стороны, и служить матрицей для его периодического восстановления в циклической системе развития – с другой.

Роль числа наиболее значима в тех культурах, тексты которых базируются на развитом классификационном принципе, согласно которому все объекты (особенно сакрально значимые) связаны друг с другом определенной системой иерархических отношений [7, с. 630].

Концепт «число» в языковой картине мира объективирует один из наиболее известных классов знаков, ориентированный на качественно-количественную оценку элементов особого числового кода, с помощью которого описывается мир. Все сущее в проявленном мире отличается количеством и качеством, то есть числом.

Все числа происходят от единицы. Далее число все глубже погружается в материю, усложняющиеся процессы, «мир». Первые десять цифр рассматриваются как духовные образования: это сущности, архетипы и символы. Остальные – продукт комбинации основных чисел. Базовые универсалии обнаруживаются и в западной, и в восточной культурах. Современная символическая логика возвращается к идее количественного измерения как основы качественного [7, с. 632].

* © Дзедаева М.С., 2016

Дзедаева Марина Суликоевна (vikris-0507@mail.ru), кафедра английской филологии и иностранных языков факультета лингвистики, Северо-Осетинский государственный педагогический институт, 362003, Российская Федерация, г. Владикавказ, ул. Карла Маркса, 36.

На материале Нартского эпоса были зафиксированы значение числа как параметра описания модели мира и универсальные числовые коды, получившие национальную трактовку в осетинской фольклорной картине мира. Нартский эпос как совокупность преданий сказаний (авторство которого приписывают себе одновременно несколько народов Северного Кавказа) — это древний и архаичный по типологии эпос, построенный на мифологической подоснове. Нартский эпос создавался скифо-сармато-аланскими и местными кавказскими племенами с VIII—VII вв. до н. э. до XIII—XIV вв. н. э. [2, с. 66].

Формирование и развитие эпоса возможно не только под действием объективной действительности, но также в силу внутренних закономерностей, составляющих необходимый компонент национальной специфики. Мельчайшие изменения содержательной стороны текста, связанные с заимствованием или инокультурным влиянием, вписываются во внутреннюю канву жанра повествования, обрастая национальным колоритом.

В данной статье на материале Нартского эпоса (НЭ) выявляются бинарные оппозиции числовой символики в осетинской фольклорной картине мира.

Число три (*æртæ*) практически во всех религиозных традициях имеет особое, священное значение, ассоциирующееся с жизнью, явлением абсолюта в акте творения (преодоления единичной замкнутости и двойственности), продолжением рода — от союза мужчины (единица) с женщиной (двоица) рождается ребенок (триада) [6, с. 69].

Число три связано с тремя важнейшими категориями жизни осетин: Хуыцау — Бог, хур — солнце и *зæхх* — земля. Когнитивные признаки актуализируются в концепте «число» через божественную символику «слеза», «святылище» и «голубка»: «Хуыцау *æрæппæрста* Батрадзы *мæлаты фæдыл æртæ цаессыджы, кæм æрхаудтой, уым фæвзарди æртæ кувæндон* — Таранджелос, Мыкалгабыртæ *æмæ Реком*» [НЭ]. Бог оплакал Батраза и пролил три слезы, где слезы упали, появились три святылища — Таранджелос, Мыкалгабырт и Реком; «*Æмæ æртæ æхсинæджы йæ хъулай атахт*» [НЭ]. И взлетели три голубки из его альчика; «*Бæлас ныррухс и, æмæ йыл бады æртæ хсинæджы*» [НЭ]. Дерево (золотая яблоня) озарилось, и при свете увидели они три голубки, сидящих на нем; «*Уыцы афон Уастырджы ратахт йæ ртыкъыхыг бæхыл*» [НЭ]. В этот час появился Уастырджи на трехногом коне; «*Уаигæн йæ тых йæ ныфс æмæ уд сты хохы фидары; уым болат лагъзы мидагис æртæ бæлоны. Уыдонæй цу у йæ тых, дыккаг йæ ныфс, æртыккаг та йæ уд*» [НЭ]. У великана его сила воля и душа спрятаны в горе, там в железном сундуке сидят три голубя: один — его сила, второй — его воля, третий — его душа. Голубки — это существа-медиаторы, проводники древней космогонии, объединяющие все три мира.

В осетинской религиозной традиции молитва к Богу произносится с тремя пирогами круглой формы (чъири). Круг символизирует землю, бесконечности и законченность. Три пирога означают прошлое настоящее и будущее: «*Кувæггаг та уыд æртæ гуыдыны æмæ галлы сгуы*» (НЭ). Для обращения к Богу у них было три лепешки и рог быка; «*Кæстæртæ æртæ чъирийы æрбахастой кувывымæ*» [НЭ]. Младшие принесли три пирога для обращения к Богу; «*Æртæйæ хуыцауæн кувынц* [поговор.]. Трое Богу молятся; «*Æртæ кæрдзинимæ дзуары хуылфмæ цæуын*» [ФЕ]. С тремя пирогами к святылищу ходить.

Поскольку на пироги-моления в доме Алагата (НЭ) обычно собирались хорошо известные «три (группы) нартов», или «три нартовских (рода)» — Алагата, Ахсартагата и Бората, следовательно, они входили в число «семи (групп) нартов»: «*Арастты Æртæ Нарты фæсивасивæд, Уырызмæг сæ разæй*» [НЭ]. Отправились молодые нарты из Трех Нартов, возглавляемые Урызмагом; «*Æртæ Нарты ныхасы бадынц æмæ тархон канынц*» [НЭ]. Заседают старейшие Трех Нартов на совете; «*Æртæ хаты хуыцау дæр хатыр кæны*» [послов.]. Три раза и Бог прощает; «*Нартæн æртæ фæткæн базад: царды хъуыддаджы, куысты æмæ фынгыл дæр*» [НЭ]. Нарты унаследовали три традиции — поведение в жизни, в делах и в ведении стола.

Семь (авд) – священное число, символ божественности. Мир, по представлениям осетин и других индоевропейских народов, по вертикали делится на три части: верхнюю, где обитают боги и птицы, среднюю, где живут люди, а также дикие и домашние животные, и нижнюю, где обитают злые духи, рептилии и пр. Верхний и нижний миры, согласно осетинской мифологии, делятся на семь частей. Именно число «семь» характеризует культ семи богов у осетин и общую идею Вселенной. Влияние семичастного деления отразилось на мировой оси. Авд Дзуары («семь божеств») сочетает в себе семь божеств Афсати, Донбеттыр, Реком, Фалвара, Уастырджы, Уацилла, Тутыр. Согласно верованиям осетин, Авд Дзуары живет на небе, но иногда появляется на земле, но не в своем образе – образе небожителя, который осетинской мифологией не описан, а в образе ярко светящейся птицы с большими крыльями. От Авд Дзуара зависит урожай хлебных злаков, увеличение поголовья домашнего скота и его защита от болезней, благополучие людей [1, с. 7].

Такая религиозная символика осетин имеет мифологические истоки: *«Цæугæ цæуын арвыл авд Уастырджы æмæ авд Елийы ауыдта»* [НЭ]. *Во время пути увидел он в небе семь Уастырджы и семь Елийя; «Агуындайы чындздзон уæрдон уыдис æвзистæй æмæ дзы ифтыгъд уыдис авд сæрджын сæджы – Афсатийы лæвæр»* [НЭ]. *Во время свадьбы арба Агунды была запряжена семью большеговыми оленями – подарок Афсати; «Цы стъалты гуппар хонныц, уыдон кæддæр уыдысты авд хойы. Звезды, которые самые яркие на небе, когда-то были семью сестрами.*

В осетинской демонологии *уæйыг* – «великан» – имеет семь голов *авд сæры*. Эпитет ваигов *авдсæрон* «семиглавый» в ряде нартовских сказаний превратился в имя собственное этих существ. Нередко великаны выступают группами по семь. Повидимому, семь ваигов в осетинской мифологии предстают в качестве антагонистов Семи богов. А сам факт их противопоставления свидетельствует о наличии в религиозных воззрениях древних осетин элементов дуализма, для которого свойственно противопоставление светлого и темного начал, поэтому семь демонов были покровителями «семи мраков»: *«Авд уæйыджы цардысты, иу иннаемæй тынгдæр»* [НЭ]. *Семь уаигов, один другого сильнее, жили вместе; «Авд дæлдзæхы ныххауын»* [ФЕ]. *Упасть в преисподнюю до седьмого уровня; «Авд дæлдзæхы бын»* [ФЕ]. *Быть за седьмым уровнем загробного мира; «Быдыр нæ баурæдтæ Байсæдæды Цалх æмæ йæ Сослан ралгъыста авд азæй фылдар дæ пайда ма уад»* [НЭ]. *Поле не остановило огненное колесо, и Сослан проклял его, чтобы более семи лет с него не было проку.*

Таким образом, семичастное деление верхнего и нижнего миров и их обитателей – божественных и демонических сил – характерно для осетинской мифологии. Такие представления о семичастном делении мира восходят к арийским представлениям, которые распространились у осетин и на социум: *«Бурæфæрныгæн уыди авд хъæуы»* [НЭ]. *У Бориати Борафарнуга было семь селений.*

Семичастное деление нашло отражение и в ряде других фактов этнографии и мифологии осетин. В Нартском эпосе осетин упоминаются *Авд Нартæ / Авд Нарт*, или *Авд Нарты* – «семь (групп) нартов». Нартовское общество делилось на семь групп; в нартовском селении было семь общественных мест для собраний – авд ныхасы; в большом доме рода Алагата нарты пируют, сидя в семь рядов: *«Авд Ныхасæ рахастой хъуыддаг, Авд Ныхасы йыл фæтæрхон кодтой, уæддæр ницæуыл ахицен сты»* [НК]. *Дело о делении наследства было отдано на рассмотрение семи Ныхасам, но и семь Ныхасов не смогли решить его; «Урызмаджы сбадын кодтой уæле авд рагъы сæр, алы рагъыл дæр йæм дæттынц авд нуазæн»* [НК]. *Во время пира Урызмага посадили во главе семи столов и с каждого стола подали ему семь кубков. Нарты жили в родовых башнях, которые были преимущественно семиэтажными: Ратæррæст кодта æмæ раст Уырымæг æмæ Сатанайы авд æддæгуæле мæсыджы сæр сæмбæлд* [НК]. *Запрыгнул и оказался прямо на крыше семиэтажной башни Урызмага и Сатаны* [НЭ].

Факт совмещения в рамках осетинской религиозно-мифологической традиции семи- и трехчастного деления социума позволяет предположить, что сакрализации у осетин числа «семь» произошла в результате объединения троичной и четверичной числовых характеристик Вселенной в представлениях древних осетин: по горизонтали мир делится на четыре стороны света, а по вертикали – на три (верхний, средний и нижний миры). Средний мир не подвергся делению на семь частей по вертикали, так как в этой сфере следует принять во внимание, что со средней частью мировой оси соотносились родовые или аульные башни осетин [6, с. 115].

Таким образом, символические структуры репрезентантов *æртæ* «три» и *авд* «семь» включают положительные и отрицательные аспекты. Бинарные оппозиции отражают: 1) дуалистические представления осетин о существовании божественного пантеона и демонария; 2) оппозицию кувдового и поминального символических представлений («жизнь» – «смерть»); 3) противоборство позитивных и негативных сил – положительные и отрицательные мифологические и сказочные герои; 4) структуру верхнего и нижнего миров.

Библиографический список

1. Абаев В.И. Избранные труды: Религия, фольклор, литература. Владикавказ: Ир, 1990. 640 с.
2. Дзадзиев А.В., Дзутев Х.В., Караев С.М. Этногафия и мифология осетин. Владикавказ, 1994. 284 с.
3. Крылов А.Б. Религия и традиция абхазов (по материалам полевых исследований 1994–2000 гг.): монография. М., 2001. С. 68–70.
4. Магкеева Л. Последние из Арктогеи-Арсии. Владикавказ: Изд-ко-полиграф. предприятие им. В. Гассиева, 2009. 752 с.
5. Концептосфера внутреннего мира человека // Введение в когнитивную лингвистику: учебное пособие / З.Д. Попова, И.А. Стернин, В.И. Карасик [и др.]. Кемерово: ИПК «Графика», 2004. С. 128–177 (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 4).
6. Тамерьян Т.Ю., Дзедаева М.С. Числовои код осетинской лингвокультуры: монография. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2011. 172 с.
7. Топоров В.Н. Числа // Мифы народов мира. Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1988. Т. 2. С. 629–631.

References

1. Abaev V.I. *Izbrannye trudy: Religii, fol'klor, literatura* [Selected works: Religion, folklore, literature]. Vladikavkaz: Ir, 1990. 640 p. [in Russian].
2. Dzdziev A.V. Dzutsev H.W., Karaev S.M. *Etnogafii i mifologii osetin* [Ethnography and mythology of the Ossetians]. Vladikavkaz, 1994. 284 p. [in Russian].
3. Krylov A.B. *Religiia i traditsiia abkhazov (po materialam polevykh issledovaniï 1994–2000 gg.): monografiia* [Religion and tradition of the Abkhazians (based on the field researches of 1994–2000-ies): monograph]. Moscow, 2001. P. 68–70 [in Russian].
4. Magkeeva L. *Poslednie iz Arktogei-Arsii* [Last of Arktogei-Arsii]. – Vladikavkaz: Izd-ko-poligraf. predpriiatie im. V. Gassieva, 2009. 752 p. [in Russian].
5. *Kontseptosfera vnutrennego mira cheloveka* [Sphere of concepts of the inner world of a person]. In: *Popova Z.D., Sternin I.A., Karasik V.I., Kretov A.A., Boriskina O.O., Pimenov E.A., Pimenov M.V. Vvedenie v kognitivnuiu lingvistiku: Uchebnoe posobie* [Introduction to cognitive linguistics: schoolbook]. Kemerovo: IPK «Графика», 2004. P. 128–177 (Series «Conceptual Studies». Issue 4) [in Russian].
6. Tameryan T.Yu., Dzedaeva M.S. *Chislovoi kod osetinskoï lingvokul'tury: monografiia* [Numeric code of Ossetian linguoculture: monograph]. SOGPI, Vladikavkaz, Izd-vo SOGU, 2011. 172 p. [in Russian].
7. Toporov V.N. *Chisla* [Numbers]. In: *Mify narodov mira. Entsiklopediia* [Myths of nations of the world. Encyclopedia]. M.: Sovetskaia entsiklopediia, 1988, Vol. 2. P. 629–631 [in Russian].

OPPOSITIONAL MODELS, SYMBOLS IN THE OSSETIAN RELIGIOUS MYTHOLOGICAL TRADITION: CONCEPT «NYMÆTS» (NUMBER)

In the article on the Nart sagas material the value of a number as a parameter describing the model of the world that has received national treatment in the Ossetian folk picture of the world is disclosed. The binary oppositions of the symbolic structures of representantives *ærtæ* «three» and *æвд* «seven» are identified in the framework of the Ossetian religious and mythological traditions.

Key words: number, nominator, concept, cognitive feature, symbolism.

Статья поступила в редакцию 11/VIII/2016.
The article received 11/VIII/2016.

* *Dzedaeva Marina Sulikoevna* (vikris-0507@mail.ru), Department of English Philology and Foreign Languages of the Faculty of Linguistics, North Ossetian State Pedagogical Institute, 36, Karl Marx Street, Vladikavkaz, 362003, Russian Federation.

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ЛАНДШАФТА В НЕМЕЦКИХ И РУССКИХ СЛОВАРЯХ

Статья посвящена представлению ландшафтных концептов в немецких и русских словарях. Проводится сопоставительный анализ дефиниций, направленный на выявление общих и специфических черт концептуализации в немецких и русских источниках. На примере единиц базисного уровня категоризации (Wald, Berg, Bach, Feld и т. д.) и их соответствий в русском языке анализируются структура концептов, количество и иерархия представленных значений, состав идиоматических структур, эмоциональный компонент значения.

Ключевые слова: концепт, ландшафтная лексика, категоризация, признаки концептов, сравнение.

Ландшафтные объекты представляют естественную среду обитания человека, образуя тем самым неотъемлемую часть картины мира в любой лингвокультуре. Единицей изучения картины мира считается концепт, «ментальное образование, с помощью которого и в котором хранятся сведения о мире» [1, с. 30]. Номинации таких объектов и интерпретация их значений фиксируются одно- и двуязычными словарями, отражая особенности их концептуализации. Целью настоящей статьи является сопоставительный анализ дефиниций ландшафтных объектов в немецких и русских словарях. Содержащаяся в словарных статьях информация рассматривалась нами в аспекте когнитивного анализа. Подобное сопоставление может составить основание для сопоставления соответствующих менталитетов, лежащих в основе немецкой и русской языковой картины мира. Результаты сопоставительного анализа могут использоваться в методических целях преподавания немецкого языка для русских.

В современных когнитивных исследованиях выделяются два основных направления анализа: концептуализация и категоризация объектов реального мира. Номинации природных объектов рассматриваются при этом как концепты, отражающие особенности их восприятия, значимые для той или иной лингвокультуры. Взаимодействие когнитивных и языковых категорий в этом процессе создает специфику мировосприятия, понимание которой – необходимая составляющая межкультурного взаимодействия.

В исследованиях отечественных лингвистов выработаны общие принципы сопоставительного анализа концептов, в том числе природных, на базе разных языков [2]. Ландшафтные концепты проанализированы в аспекте дидактики [3]. На материале английского языка есть ряд исследований, посвященных ландшафтной лексике и отражающих концептуализацию и категоризацию природных объектов в англоязычной лингвокультуре [4–6]. Авторы этих исследований считают, что категориальное знание ландшафта хранится в концептах [6], что существует определенная иерархия концептуальных признаков [4] и единицы концептосферы «природное пространство» имеют ярко выраженные когнитивные свойства, в формировании которых главную роль играют зрительно воспринимаемые признаки [5, с. 198].

* © Беспалова Е.В., 2016

Беспалова Екатерина Викторовна (bespalowa@mail.ru), кафедра немецкой филологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Мы ставим своей задачей сопоставление с когнитивных позиций лексикографического представления имен ландшафтных концептов в немецкой и русской лингвокультурах. Методология исследования исходит из теории Э. Рош [7], опираясь на которую мы выделили базисные ландшафтные концепты и сопоставили их словарные дефиниции в немецких и русских толковых словарях. Следующий этап исследования предполагал выделение, иерархизацию и сопоставление концептуальных признаков. Далее проводилось сопоставление развития переносных значений имен ландшафтных концептов во вторичных номинациях и фразеологизмах в немецком и русском языках.

Материалом исследования послужили одноязычные словари немецкого языка: корпус DWDS [8], словарь DUDEN-online [9], словарь WANRIG [10]. При анализе русскоязычного материала мы опирались на Национальный корпус русского языка (НКРЯ) [11], ресурс СЛОВАРИ.РУ [12], объединяющий данные словарей В. Даля, Н.Ю. Шведовой, А.П. Евгеньевой и др. Для анализа привлекались также данные изданных в России двуязычных словарей немецкого языка под редакцией О.И. Москальской [13] и Д.О. Добровольского [14]. Использование этих двуязычных словарей дает дополнительный ракурс рассмотрения проблемы с позиций другой культуры.

Ландшафтные концепты можно разделить на две группы. Первая группа – это обозначения водоемов, вторая – обозначения наземных элементов ландшафта [6]. На первом этапе анализа мы выделили имена базисного уровня категоризации. По критериям Э. Рош [7] они морфологически просты, легко узнаваемы, стилистически нейтральны, могут быть использованы практически в любых видах дискурса. К **водоемам** в обеих лингвокультурах относятся: *Bach / ручей, Quelle / источник, Fluss / река, See / озеро, Meer / море*; к **наземным элементам ландшафта**: *Berg / гора, Tal / долина, Wald / лес, Feld / поле, Heide / степь*.

Рассмотрим концептуальные признаки названий водоемов на основе дефиниций толковых словарей.

Bach – *kleiner natürlicher Wasserlauf von geringer Tiefe und Breite* [9], *kleiner Fluss* [10, S. 559].

Ручей – *водный источник, текущий быстрой струей* [12, СЕМ1 8550]; *ричушка, лотомь мистами пересыхающая; не болие сажени ширины* [12, Даль 59423].

Fluss – *größeres fließendes Gewässer des Festlandes* [8]; *größerer natürlicher Wasserlauf* [9].

Река *постоянный водный поток значительных размеров* [12, СЕМ1 8372]; *естественный значительный и непрерывный водный поток* [12, МАКС 62597].

Как показывает анализ дефиниций названий водоемов, у соответствующих концептов в немецком и русском языке можно выделить следующие общие признаки: состоящий из воды, имеющий размер, объем, глубину, форму, происхождение (естественное / искусственное), протяженность, характер течения, являющийся частью земной поверхности, перцептивный признак (соленая вода моря). В русских толковых словарях дефиниции водоемов включают также признак сезонных особенностей (летом пересыхающий) и границы (границы моря определяются формой подводного рельефа), то есть дефиниции содержат больше информации энциклопедического характера.

Анализ дефиниций наземных элементов ландшафта в немецких и русских толковых словарях выявил совпадение основной части признаков. Так *Berg / гора* определяется словарями как значительное возвышение:

Berg – *große, aus dem Gelände herausragende Bodenerhebung* [8]; *deutlich sichtbare, größere Geländeerhebung* [10, S. 646].

Гора – *значительная возвышенность, резко поднимающаяся вверх над окружающей местностью (на несколько тысяч метров над уровнем моря)* [12, Даль 9272].

При толкованиях единиц *Feld / поле*, однако, не наблюдается единства как между немецкими и русскими словарями, так и между разными немецкими словарями. Так, в корпусе DWDS первым значением указывается „*offene, weite Bodenfläche in der*

Landschaft” (открытая широкая поверхность земли), вторым значением следует “*bearbeitete landwirtschaftliche Nutzfläche, Acker*” (обрабатываемая в сельском хозяйстве полезная площадь земли, пашня). Словарь Wahrig дает первым значением “*abgegrenztes Stück Acker, Ackerland*” (ограниченный участок пашни, пахотная земля) и только вторым “*Gefilde, Landschaft*” (равнина, поле) [10, S. 1268]. Словарь DUDEN первым указывает возвышенное значение — “*weite, unbebaute Bodenfläche*” (широкая незастроенная поверхность земли), вторым — “*abgegrenzte Bodenfläche für den Anbau von Nutzpflanzen*” (ограниченная поверхность земли для выращивания полезных культур) [9]. Таким образом, в немецкой лексикографии отсутствует единое мнение об иерархии этих значений. В русских толковых словарях *поле* определяется как *большое открытое ровное пространство, не поросшее лесом, кустами* [12, СЕМ1 7248]; *обрабатываемая под посев земля, участок такой земли* [12, СЕМ2 290]; *просторъ за городомъ, селеньемъ, безлiсная, незастроенная, обширная равнина* [12, Даль 46704].

На основании анализа дефиниций других элементов наземного ландшафта мы выявили следующие общие для немецкой и русской языковой картины мира концептуальные признаки: часть земной поверхности, величина, высота, характер возвышения (*steil, sanft, ansteigend*), глубина, протяженность, открытость / ограниченность, связь с другими формами ландшафта, определенная флора, форма, свойства почвы, перцептивные признаки (*deutlich sichtbar, rotlilablühend*), следы / цель человеческой деятельности. В дефинициях русских словарей встречаются также указания на следующие дополнительные признаки: принадлежность к определенной климатической зоне, влажность, положение выше / ниже уровня моря, что также означает включение в словарные статьи большего объема энциклопедической информации. У признака открытость / ограниченность в русских дефинициях отсутствует второй компонент, большинство единиц наземного ландшафта определяются как большие / протяженные / не ограниченные в пространстве.

Следует отметить, что даже в восприятии базисных концептов в исследуемых лингвокультурах прослеживаются определенные различия приоритетного и семантического плана. Приоритетность концепта в лингвокультуре мы определяем по признаку **когнитивной выделенности** (термин Р. Лангакера), которая может быть выявлена в ходе лексикографического анализа, анализа частотности употребления в электронных корпусных словарях. Кроме того, когнитивная выделенность подтверждается достаточно высокой активностью единиц в слово- и фразообразовании. Данные о частотности употребления той или иной единицы в электронных корпусах показывают, на наш взгляд, общие тенденции, при их анализе необходимо иметь в виду разный объем и различную структуру корпусных лексикографических данных немецкого и русского языков. Так, корпус немецкого языка имеет больший объем и предоставляет больше математически обработанных данных по каждому отдельному слову.

Анализ показывает, что некоторые из концептов обнаруживают разную когнитивную выделенность у представителей различных лингвокультур. Одни из них в большей мере характерны для немецкой (*Bach, Heide*), другие — для русской (*река, степь*) языковой картины мира. Семантические различия ярко проявляются, например, в лексикографической интерпретации слова *Heide*, в корпусе DWDS указано три значения: 1) *unbebauter, ebener Landstrich, der mit rotlilablühenden Zwergsträuchern, Wacholder, Gräsern und Kräutern bewachsen ist*; 2) разг. *Kiefernwald auf Sandboden*; 3) разг. *Heidekraut*. Для первого и второго значений признаки отсутствия построек, формы поверхности, наличия определенной флоры и типа почвы определяющие. Русско-немецкие словари предлагают для перевода следующие варианты: *пустошь, полупустыня, вересковая степь, верещатник, поле, луг* [13, с. 609], ср.-нем., вост.-ср.-нем. (*сосновый*) *бор* [14, т. 1, с. 329]. Данные варианты являются либо словосочетаниями (*вересковая пустошь*), либо генерализацией различной степени (*пустошь, луг, поле, полупустыня*), во всех последних вариантах признак наличия определенной флоры (*вереск, можжевельник*) не является определяющим, ср.: «пустошь — невозде-

ланный участок земли, заросший травами, мелким кустарником» [12, СЕМ1 8057]. Национальный корпус русского языка не закрепляет ни одного употребления словосочетания *вересковая пустошь* и дает всего 4 употребления лексемы *верещатник*, в то время как, по данным DWDS, лексема *Heide* насчитывает на 2000 год около 10 миллионов употреблений, а по текстам 1600 года таких употреблений было около 100 миллионов. Лексема *Steppe*, по немецким лексикографическим данным, имеет более низкий индекс частотности: за 2000 год она употребляется 2,5 млн раз. Слово- и фразообразование подтверждают выявленные тенденции. Так, лексема *Heide* входит в состав довольно большого количества сложных слов в качестве первого компонента: *Heidebauer, Heideboden, Heidefläche, Heidehonig, Heidekorn, Heidekraut, Heideland, Heidelandschaft, Heidelerche, Heidemoor, Heiderose, Heidschnucke* [8]. Словарями зафиксированы фразеологические единицы с *Heide*: фам. *Dass die Heide wackelt* означает «на полную катушку; страшно, изо всех сил (напр. избить кого-либо)» [9; 14, с. 329]. Лексема *Steppe* при наличии словообразовательной активности не входит в состав фразеологических единиц.

Для русской лингвокультуры концепт *степь*, напротив, обладает довольно высокой когнитивной выделенностью, НКРЯ дает 4433 употребления соответствующей лексемы, в то время как лексема *пустошь* насчитывает лишь 308 употреблений. Лексема *степь* входит в состав устойчивых словосочетаний *степная растительность, степное разнотравье, степной ковыль, степные табуны, степной сурик, степная куропатка* [12, СЕМ1 9537] и фразеологических единиц *степь лиса не лучше, вь степи просторь, вь лису угодые* [12, Даль 64150], разг. *не в ту степь* «совершенно не к месту, не то, не о том» [12, СЕМ1 9537].

В наименованиях водоемов также отмечается разница в лингвокультурных приоритетах. В немецком языке лексема *Bach* обладает весьма высокой когнитивной выделенностью, о чем свидетельствуют такие факты, как частотность употреблений, достаточно высокая словообразовательная активность и вхождение в состав идиоматических выражений [8; 9]. Так, по корпусным данным DWDS, за 2000 год количество употреблений лексемы составило примерно 23 миллиона единиц — это почти столько же, сколько насчитывают употребления лексемы *Fluss* за тот же период (примерно 26 миллионов). Лексема *Bach*, как и *Fluss* входит в состав сложных существительных в качестве первого (*Bachbett, Bachforelle, Bachkiesel, Bachmündung, Bachquelle, Bachregulierung, Bachrinne, Bachstelze, Bachufer, Bächlein*) или второго (*Alpenbach, Bergbach, Blutbach, Dorfbach, Forellenbach, Gebirgsbach, Gießbach, Gletscherbach, Murrelbach, Mühlbach, Nebenbach, Quellbach, Regenbach, Schmelzbach, Silberbach, Sturzbach, Tränenbach, Waldbach, Wiesenbach, Wildbach*) компонента. *Den Bach runtergehen* (букв. «спуститься вниз по ручью») означает в разговорном языке «превратиться в ничто» [9].

Подобное сопоставление когнитивной значимости соответствующих лексем *река* и *ручей* в русском языке показывает иные результаты. По данным Национального корпуса русского языка, лексема *ручей* обладает гораздо более низкой частотностью (1790 употреблений) по сравнению с лексемой *река* (8040 употреблений). Лексема *река* проявляет большую активность в словообразовании: так, дериват *речной* (1037 употреблений по НКРЯ) отмечается в составе устойчивых словосочетаний *речной песок, речная вода, речная рыба, речные мели, перекаты, речной флот, речной порт, речная система* [12, СЕМ1 8372]. Словари содержат также довольно большое число фразеологизмов разных стилевых регистров: афоризм *в одну реку нельзя ступить дважды*, высок. *Река забвения*, разг. *молочные реки, кисельные берега, хоть с моста в реку* [12, СЕМ1 8372]. Лексема *ручей* подобной активностью не обладает. Так, в качестве однозначно употребительного прилагательного словари предлагают 4 разных варианта: *ручьево́й, ручейко́вый, ручьи́стый, ручейны́й*. Частотность их употребления в НКРЯ колеблется от 3 до 10. Выявлено небольшое количество терминологических словосочетаний: *ручьевая форель* [12, СЕМ 1 8550], *ручейное русло* [12, Даль 59423] и переносных значений: *ручьи слез, кровь льет ручьем* [12, СЕМ3 3742].

Согласно современным когнитивным исследованиям, в формировании концептов особую роль играет эмоциональный компонент значения. Словари закрепляют в словарных статьях примеры единиц, содержащих эмоциональный компонент. В русском языке это примеры производных слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами, например: *горушка, горка* (для катания детей), *речка, речушка, реченька* [12]. Эмоциональный компонент значения может присутствовать и в некоторых устойчивых словосочетаниях, например *красная горка* (первая неделя после Пасхи, когда празднуется большое количество свадеб) [12].

Базовые концептуальные признаки элементов ландшафта, такие как величина, форма, текучесть, служат как в немецком, так и в русском языках основой для переносных метафорических значений. Очень многие из них эквивалентны: *гора снега, напок / ein Berg von Schnee, Akten; море цветов, людей, света / ein Meer von Blumen, Menschen, Licht; кровь льет ручьем, слезы ручьем струятся / Bäche von Blut, Tränen* [8]. При этом все же существует ограничение сочетаемости некоторых имен. Так, в русском не говорят **гора пирогов, море деревьев, крыши, знамен, домов, звуков, цветущих роз*. Подобные употребления в текстах художественной литературы, в публицистическом или песенном дискурсе были бы вполне понятны на основе прозрачного метафорического образа. Сравните примеры из некоторых видов дискурса: *зеленое море тайги* (песенный дискурс), «*Море деревьев*» (переводное название кинофильма), *море из балканских крыш* (дискурс путеводителя), «*Море звуков*» (название шоу-программы). Русскому *море крови* соответствует в немецком *Bäche von Blut* [8], *die Bäche Blutes* [13, Т. 1, с. 275], признак большого количества текущего вещества сохраняется, по-другому осмысливается количество. При этом в русском также возможно *кровь льет ручьем* [12].

Концептуальные признаки элементов ландшафта служат также для мотивации фразеологических единиц. Благодаря универсальности базовых признаков и механизмов образования метафорических значений в фонде фразеологизмов с ландшафтной лексикой в русском и немецком обнаруживается много эквивалентных или почти эквивалентных единиц:

- (1) *Berge versetzen können* [8; 9] / *Гору свернуть (разг.), горы (горами) двигать* [12];
- (2) *Goldene Berge versprechen* [8; 9] / *Сулить золотые (златые) горы кому-н.* [12];
- (3) *Wenn der Berg nicht zum Propheten kommt, muss der Prophet zum Berge kommen* [8; 9] / *если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе* [12].

Первый пример демонстрирует эквивалентные фразеологизмы, хотя в русском глагол «свернуть» подразумевает большее усилие и меньший по значимости результат, чем «двигать». Во втором примере устаревшие русские лексемы «сулить» и «златые» придают всему выражению временную коннотацию по сравнению с нейтральным немецким фразеологизмом. В третьем примере при эквивалентности смысла в немецком фразеологизме речь о пророке вообще, в русском о Магомете.

Один и тот же концептуальный признак может, однако, по-разному переосмысливаться во фразеологических выражениях. Так признак горы как большого надежного укрытия лежит в основе немецкого разг. *mit etw. Hinter dem Berge halten* “nicht mit der Sprache heraus wollen, etw. verheimlichen” [8] (не хотеть рассказать что-то, утаивать что-то). Субъект действия как бы скрывается «за горой», не желая выдать какие-либо намерения, мысли или информацию. Тот же самый признак служит основой метафоризации и в русском: *горой стоять за кого-то, что-то* [12], коллективная помощь и поддержка метафорически переосмысливаются как гора, способная защитить кого-то / что-то от нападков / врагов / уничтожения / разрушения и т. п.

Вышеизложенные наблюдения позволяют сделать следующие выводы: словарные дефиниции показывают, что концептуализация природных объектов в обоих языках основана на конкретном опыте. Наименования базисных категорий ландшафта могут иметь в разных языках различную степень когнитивной выделенности, что проявля-

ются в частотности их употребления, слово- и фразообразовательной активности. Универсальные признаки ландшафтных концептов, такие как форма, величина, текучий характер находят в переносных значениях и фразеологизмах как общий, так и различный способ языкового выражения.

Дальнейшими задачами исследования могут стать сопоставительный анализ других ландшафтных концептов, созданных, например, в результате деятельности человека, а также дискурсивные исследования контекстов употребления, где проявляется интерпретационный потенциал этого вида лексики и возникают всевозможные способы концептуализации и оттенки значения.

Библиографический список

1. Гришаева Л.И., Попова М.К. Картина мира как проблема гуманитарных наук // Картина мира и способы ее репрезентации: науч. доклады конференции «Национальные картины мира: язык, литература, культура, образование» (21–24 апреля 2003 г., Курск) [под ред. Л.И. Гришаевой, М.К. Поповой]. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2003. С. 13–38.
2. Пименова М.В. Концептуальные исследования и национальная ментальность // Гуманитарный вектор. 2011. № 4 (28). С. 126–132.
3. Кольовска Е.Г. Природно-ландшафтный код русской культуры в аспекте лингводидактики: дис. ... канд. филол. наук. М., 2014. 240 с.
4. Гавриленко О.В. Когнитивное освоение ландшафта в британской и американской лингвокультурах: сравнительно-сопоставительное исследование: дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2010. 239 с.
5. Ивашкевич И.Н. Лексическая категоризация // Когнитивные исследования языка. 2012. Вып. X. С. 174–199.
6. Болдырев Н.Н., Е.В. Чистякова. Категоризация ландшафтов и интерпретационный потенциал ландшафтной лексики в современном английском языке: монография. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.П. Державина, 2015. 206 с.
7. Rosch E. Principles of categorization // E. Rosch, B.B. Lloyd (eds.). Cognition and Categorization. Hillsdale, N. J.: Lawrence Erlbaum Publishers, 1978. P. 27–48.
8. DWDS: Das Wortauskunftssystem zur deutschen Sprache in Geschichte und Gegenwart. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dwds.de/> (дата обращения: 03.10.2016).
9. DUDEN: DUDEN-online-Wörterbuch. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.duden.de/> (дата обращения: 03.10.2016).
10. WANRIG: Wahrig G. Deutsches Wörterbuch. Berlin: Bertelsmann Lexikon-Verlag, 1977. 4322 S.
11. НКРЯ: Национальный корпус русского языка. Основной корпус. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/search-main.html> (дата обращения: 03.10.2016).
12. СЛОВАРИ.РУ: [Электронный ресурс]. URL: www.slovari.ru (дата обращения: 03.10.2016).
13. Большой немецко-русский словарь: в 3 т. / под общ. рук. О.И. Москальской. М.: Рус. яз., 2001.
14. Новый большой немецко-русский словарь: в 3 т. / под общ. рук. О.Д. Добровольского. М.: АСТ: Астрель, 2008; 2010.

References

1. Grishaeva L.I., Popova M.K. *Kartina mira kak problema gumanitarnykh nauk* [World view as a problem of humanitarian sciences]. In: *Kartina mira i sposoby ee reprezentatsii: nauch. doklady konferentsii «Natsional'nye kartiny mira: iazyk, literatura, kul'tura, obrazovanie» (21–24 apreliia 2003 g., Kursk) [pod red. L.I. Grishaevoi, M.K. Popovoi]* [World view and means of its representation: Scientific reports of the conference «National world views: language, literature, culture, education» (21–24 April, 2003, Kursk) [L.I. Grishaeva, M.K. Popova (Eds.)]]. Voronezh: Voronezhskii gosudarstvennyi universitet, 2003. P. 13–38 [in Russian].
2. Pimenova M.V. *Kontseptual'nye issledovaniia i natsional'naia mental'nost'* [Conceptual researches and national mentality]. *Gumanitarnyi vektor* [Humanitarian Vector], 2011. no. 4 (28). P. 126–132 [in Russian].

3. Kolovska E.G. *Prirodno-landshaftnyi kod russkoi kul'tury v aspekte lingvodidaktiki: dis. ... kand. filol. nauk* [Natural and landscape code of Russian culture in the aspect of linguodidactics: Candidates of Philological Sciences thesis]. M., 2014. 240 p. [in Russian].
4. Gavrilenko O.V. *Kognitivnoe osvoenie landshafta v britanskoi i amerikanskoi lingvokul'turakh: sravnitel'no-sopostavitel'noe issledovanie: dis. ... kand. filol. nauk* [Cognitive exploration of landscape in British and American linguocultures: relative-comparative study: Candidates of Philological Sciences thesis]. Vladivostok, 2010, 239 p. [in Russian].
5. Ivashkevich I.N. *Leksicheskaia kategorizatsiia* [Lexical categorization]. *Kognitivnye issledovaniia iazyka* [Cognitive researches of language]. 2012. Issue X. P. 174–199 [in Russian].
6. Boldyrev N.N., Chistyakova E.V. *Kategorizatsiia landshaftov i interpretatsionnyi potentsial landshaftnoi leksiki v sovremennom angliiskom iazyke: monografiia* [Categorization of landscapes and interpretation potential of landscape vocabulary in modern English language: monograph]. Tambov: Izdatel'skii dom TGU im. G.R. Derzhavina, 2015. 206 p. [in Russian].
7. Rosch E. *Principles of categorization*. In: E. Rosch, B.B. Lloyd (Eds.). *Cognition and Categorization*. Hillsdayl, N.J.: Lawrence Erlbaum Publishers. 1978. P. 27–48 [in English].
8. DWDS: Das Wortauskunftssystem zur deutschen Sprache in Geschichte und Gegenwart. Retrieved from: <http://www.dwds.de/> (accessed 03.10.2016) [in German].
9. DUDEN: DUDEN-online-Wörterbuch. Retrieved from: <http://www.duden.de/> (accessed 03.10.2016) [in German].
10. WAHRIG: Wahrig G. *Deutsches Wörterbuch*. Berlin: Bertelsmann Lexikon-Verlag, 1977. 4322 S. [in German].
11. NKRIa: *Natsional'nyi korpus russkogo iazyka. Osnovnoi korpus* [НКРЯ: National corpus of Russian language. Basic corpus]. Retrieved from: <http://www.ruscorpora.ru/search-main.html> (accessed 03.10.2016) [in Russian].
12. SLOVARI.RU. Retrieved from: www.slovari.ru (accessed 03.10.2016) [in Russian].
13. *Bol'shoi nemetsko-russkii slovar': V 3-kh t. Pod obshch. ruk. O.I. Moskal'skoi* [Unabridged German-Russian dictionary: In 3 Vols. O.I. Moskalskaya (Ed.)]. M.: Rus. iaz., 2001 [in Russian].
14. *Novyi bol'shoi nemetsko-russkii slovar'. V 3-kh t. Pod obshch. ruk. O.D. Dobrovolskogo* [New unabridged German-Russian dictionary. In 3 Vols. O.D. Dobrovolsky (Ed.)]. M.: AST: Astrel', 2008. 2010 [in Russian].

*E.V. Bepalova**

CONCEPTUAL INTERPRETATION OF LANDSCAPE IN GERMAN AND RUSSIAN DICTIONARIES

The article is devoted to the exploration of landscape concepts in German and Russian dictionaries. The aim of the study is to evaluate common and different features of conceptual interpretations. Being basic landscape concepts (Wald, Berg, Bach, Feld), they show many common features in different languages. The differences in the conceptual structure, the quantity and hierarchy of meanings and phraseological entities are analyzed.

Key words: concept, landscape vocabulary, categorization, features of concepts, comparison.

Статья поступила в редакцию 15/II/2016.
The article received 15/II/2016.

* *Bepalova Ekaterina Viktorovna* (bepalowa@mail.ru), Department of German Philology, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

УДК 930.85

*Н.Н. Кабытова, М.М. Леонов****ПЕРВЫЙ БИОБИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПРАВОЧНИК
ПО ИСТОРИИ НАРОДНИЧЕСТВА XX ВЕКА**

В рецензии отмечается уникальность и актуальность представленного справочника, указываются перспективы дальнейшей работы над темой. Сборник включает в себя перечень периодических и неперидических изданий народников; сочинения по истории партии эсеров; историографические исследования на русском и иностранном языках, а также биографии отечественных и зарубежных исследователей.

Ключевые слова: биобиблиографический справочник, история народничества, архивы, партия эсеров.

Традиция изучения народничества в России насчитывает более века. Опубликовано тысячи работ, затрагивающих проблемы зарождения и становления народнического движения в России, партийной борьбы, деятельности народников-эмигрантов. Народники участвовали во всех ключевых событиях начала XX века: революциях 1905–1907 и 1917 годов, Гражданской войне. Они имели колоссальное влияние в народных массах, прежде всего в крестьянской среде, и представляли собой реальную альтернативу большевизму.

Московское издательство «Новый хронограф» в 2016 году опубликовало биобиблиографический справочник «Народничество и народнические партии в истории России в XX веке» [1]. Выход этого издания в свет стал знаковым событием. В отечественной историографии имеется значительное количество биографических и библиографических справочников по истории российских политических партий и революционных деятелей начала XX столетия. Однако народническому движению начала XX века в них почти не уделялось внимания. Рецензируемая работа заполнила эту лакуну.

Сборник включает в себя перечень периодических и неперидических изданий народников; сочинения по истории партии эсеров, принадлежащие перу современников; историографические исследования на русском и иностранном языках, а также биографии отечественных и зарубежных исследователей. Кроме того, в книге приводится обширный

* © Кабытова Н.Н., Леонов М.М., 2016

Кабытова Надежда Николаевна (don.kabytov2012@yandex.ru), доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории; *Леонов Михаил Михайлович* (mmlleonov@gmail.com), доктор исторических наук, профессор кафедры философии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

список неопубликованных (архивных) источников, хранящихся в российских государственных архивах. Издание снабжено развернутым именованным указателем, занимающим более пятидесяти страниц (с. 487–543). Составители сборника – известные исследователи русского народничества XX века: доктор исторических наук, профессор Самарского национального исследовательского университета М.И. Леонов (автор работ по истории народничества и партии социалистов-революционеров); доктор исторических наук, профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ К.Н. Морозов (исследователь народничества и политических процессов 20–30-х гг. XX века); доктор исторических наук, профессор Казанского национального исследовательского технологического университета А.Ю. Суслов (специалист по историографии и библиографии народнического движения в революции 1917 года и Гражданской войне).

Вскоре после выхода книги в Москве состоялась ее презентация научному сообществу. На мероприятии присутствовало большое количество отечественных и зарубежных исследователей, среди них – Т. Шанин, Д.Б. Павлов, А.П. Ненароков, А.И. Аврус, Я.В. Леонтьев. На презентации зачитали обстоятельное выступление профессора университета Геттингена Л. Хэфнера. В целом издание было встречено положительно. Вместе с тем отмечалась неполнота биографической части исследования, а также списка архивных источников. В разделе «От составителей», помещенном в начало книги, авторы обосновали структуру сборника и методологические подходы по его компоновке. Они не ставили целью перечисление всех исторических сочинений о народничестве начала XX века – этот перечень занял бы несколько томов, – а ограничились наиболее значимыми исследованиями, акцентируя внимание на работах последних десятилетий. Составители подчеркнули, что «научный анализ истории народнических партий, выяснение их роли в истории России начала XX в. невозможны без обобщающих исследований, позволяющих оценить их историческую судьбу на протяжении всего периода существования их организационных структур» (с. 7–8).

Периодическая печать народничества рассмотрена в нескольких разделах справочника. Три из них посвящены российской печати (до 1917 года, с февраля по октябрь 1917 года, с октября 1917 до середины 1920-х годов). Следует заметить, что перечень народнической периодической печати до 1917 года является, по сути, исчерпывающим библиографическим списком периодики. В него были включены раритетные издания местных организаций, выявленные авторами в многочисленных библиотеках и архивохранилищах страны. Наиболее значимыми изданиями из этого перечня были газета «Революционная Россия» и журнал «Вестник русской революции». Еще два раздела отведены под эмигрантские издания народников (до 1917 года, с октября 1917 года до конца 1950-х годов). Авторы систематизировали неперiodические издания народников за период с 1901 по 1916 годы. Это протоколы, стенографические отчеты народнических форумов (съездов и конференций), работы теоретиков партий и организаций, агитационная литература, уставы и программы. Отдельным блоком размещен перечень сборников и брошюр неонароднической направленности в эмиграции (с. 113–115).

Несомненным достоинством сборника является список основных неопубликованных источников, хранящихся в российских государственных архивах. Авторы приводят перечень дел из фондов Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива социально-политической истории, Российского государственного архива литературы и искусства, Центрального архива Федеральной службы безопасности РФ. За этим списком кроется большая работа, многолетние изыскания. На московской презентации сборника поднимался вопрос о неполноте этого раздела. Это и неудивительно, так как народнические организации присутствовали в России повсеместно; материалы о них имеются практически во всех местных архивах. В связи с этим работа по выявлению материалов, как отмечали многие участники презентации, должна быть продолжена.

Большой интерес представляет раздел «Исследователи», который посвящен историкам, оставившим заметный след в изучении народнических организаций. Авторы отметили вклад таких видных представителей научного мира, как М. Хильдермайер [2], Ю.Г. Фельштинский, Л.Г. Прайсман, К.В. Гусев, А.Л. Литвин, М. Янсен. Естественно, что систематизация столь большого массива публикаций в одной книге - задача большой сложности. Не все разделы сборника одинаково полны. В частности, перечень исследований на иностранных языках насчитывает лишь 123 позиции. В значительной мере это объясняется авторской установкой: в первую очередь выявить отечественные публикации. К тому же начиная с конца XX века интерес зарубежных авторов к народничеству в России постепенно угасал.

Подводя итог, следует отметить, что рецензируемая книга явилась результатом большой предварительной работы составителей. Это издание представляет интерес прежде всего для профессионалов, специалистов-историков, литературоведов, исследователей политической мысли, партий и общественных движений, а также всех интересующихся отечественной историей.

Библиографический список

1. Народничество и народнические партии в истории России в XX в.: биобиблиографический справочник / сост. М.И. Леонов, К.Н. Морозов, А.Ю. Суслов. М.: Издательство «Новый хронограф», 2016. 544 с. ISBN 978-5-94881-313-4.
2. Хильдермайер М. Шансы и пределы аграрного социализма в русской революции // Россия в XX веке. Историки мира спорят. М., 1994. С. 133–134.

References

1. *Narodnichestvo i narodnicheskie partii v istorii Rossii v XX v.: biobibliograficheskii spravochnik / sost. M.I. Leonov, K.N. Morozov, A.Yu. Suslov* [Narodnik movement and narodnik parties in the history of Russia in the XX century: biobibliographical reference book. Compilers: M.I. Leonov, K.N. Morozov, A.Yu. Suslov]. M.: Izdatel'stvo «Novyi khronograf», 2016, 544 p. ISBN 978-5-94881-313-4 [in Russian].
2. Hildermeyer M. *Shansy i predely agrarnogo sotsializma v russkoi revoliutsii* [Chances and limits of agrarian socialism in Russian revolution]. In: *Rossia v XX veke. Istoriki mira sporiat* [Russia in the XX century. Historians of the world argue]. M., 1994, pp. 133–134 [in Russian].

*N.N. Kabytova, M.M. Leonov**

FIRST BIOBIBLIOGRAPHICAL REFERENCE BOOK ON THE HISTORY OF NARODNIK MOVEMENT OF THE XX CENTURY

In the review the uniqueness and topicality of the presented reference book is noted, prospects of further work over the subject are pointed out. The reference book includes the list of periodical and non-periodical editions of narodniks, essays on the history of the party of Socialists-Revolutionaries, that were issued from contemporaries' pen, historiographic researches in Russian and foreign languages, as well as biographies of native and foreign researches.

Key words: biobibliographical reference book, history of narodnik movement, archives, party of Socialists-Revolutionaries.

Статья поступила в редакцию 25/V/2016.
The article received 25/V/2016.

* *Kabytova Nadezhda Nikolaevna* (don.kabytov2012@yandex.ru), Doctor of Historical Sciences, professor of the Department of Russian History; *Leonov Mikhail Mikhailovich* (mmleonov@gmail.com), Doctor of Historical Sciences, professor of the Department of Philosophy, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Дубман Эдуард Лейбович, д-р ист. наук, проф. кафедры российской истории, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева. Тема канд. дис.: «Церковно-монастырские феодалы в Симбирско-Самарском Поволжье в XVII – начале XVIII вв.» (защ. в 1986 г.); тема докт. дис.: «Промышленное предпринимательство и освоение Понизового Поволжья во второй половине XVI – XVII вв.» (защ. в 2000 г.). Автор и соавтор 203 науч. работ, в т. ч. монографий «Обретение родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI – начало XX в.). (Ч. 1. Самара, 2013, в соавт.); «Обретение родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI – начало XX в.). Часть 2. Заселение региона и этнодемографическая ситуация» (Самара, 2014, в соавт.).

Область научных интересов: средневековая история России; экономика и предпринимательство, колонизация, демография, фортификация России в XVI – первой половине XVIII вв., ономастика и топонимика.

Малинкин Евгений Михайлович, канд. ист. наук, главный специалист отдела использования архивных документов ГБУСО «Самарский областной государственный архив социально-политической истории». Тема канд. дис.: «Вооруженные силы Юго-Восточной части Европейской России в XVII – начале XVIII вв.» (защ. в 2013 г.). Автор и соавтор 11 науч. работ.

Область научных интересов: служилые люди Российского государства конца XVI – начала XVIII в., понизовые города в конце XVI – начале XVIII в. сооружение засечных черт в XVII в. в Поволжье, военная история России.

Годовова Елена Викторовна, канд. ист. наук, доцент, зам. директора по научной работе, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Оренбургский филиал; докторант кафедры российской истории, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева. Тема канд. дис.: «Оренбургское казачье войско в 1798–1865 гг.» (защ. в 2005 г.). Автор и соавтор 140 науч. работ, в т. ч. монографий «Оренбургское казачье войско в 1798–1865 гг.» (2007 г.), «Из истории повседневной жизни оренбургских казаков XIX века» (2011 г.), «Взаимодействие органов государственной власти Оренбургской области с казачеством» (2012 г.).

Область научных интересов: история казачества России, история оренбургского казачества.

Кабьгов Петр Серафимович, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой российской истории, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева. Тема канд. дис.: «Поволжская деревня накануне Февральской буржуазно-демократической революции» (защ. в 1972 г.); тема докт. дис.: «Аграрные отношения в Поволжье в начале XX века» (защ. в 1983 г.). Автор и соавтор более 450 науч. работ, в т. ч. 18 монографий.

Область научных интересов: аграрная история; полит. история начала XX в.; история и культура регионов России; история войн и революций в России в начале XX в.

Тюрин Валим Александрович, канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры российской истории, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева. Автор более 60 науч. работ, в том числе 7 монографий.

Область научных интересов: регионоведение, история Самарского края в XIX – начале XX вв.

Парамонов Вячеслав Николаевич, д-р ист. наук, проф., проф. кафедры истории и философии науки, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева. Тема канд. дис.: «Партийное руководство формированием и развитием трудовых коллективов промышленных предприятий 1966–1975 гг. (на материалах Куйбышевской областной партийной организации)» (защ. в 1984). Тема докт. дис.: «Индустриальное развитие РСФСР в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945 гг.» (защ. в 2001). Автор более 200 публикаций, в том числе монографий: «Россия в 1941–1945 гг.: проблемы индустриального развития» (Самара: Изд-во «Са-

марский университет», 1999. 460 с.); «Динамика промышленности РСФСР в 1941–1945 гг.» (Самара: Самарский университет, 2005. 156 с.); «Информационный контроль в СССР в условиях войны» в кн. «Великая война и великая победа народа. Кн. 1» (М.: Институт российской истории РАН. НКЦ «Академия». 2010. С. 402–428); «Институты развития региональных экономических систем: монография» (под ред. Ю.В. Матвеева, Г.В. Семенова. Самара, Россия: ООО «Издательство АсГард», 2015. 736 с., в соавт.).

Область научных интересов: история Отечества, история экономики, история защиты информации, история науки и техники, в т. ч. история ракетно-космической отрасли. **Гуменюк Алексей Анатольевич**, канд. ист. наук, доцент, кафедра отечественной истории и историографии Саратовского государственного научного исследовательского университета им. Н.Г. Чернышевского. Тема канд. дис.: «Переход к нэпу в Саратовской губернии: социально-экономические и политические процессы (1921–1923)». Автор и соавтор 100 науч. работ.

Область научных интересов: история Саратовского края в 1917–1928 гг.; социальная политика и практика советского государства в период раннего социализма во второй половине 1950-х – середине 1980-х гг. (на материалах Нижнего Поволжья); история повседневной жизни городского социума в советский период отечественной истории.

Руднева Татьяна Ивановна, д-р пед. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ, заведующая кафедрой теории и методики профессионального образования, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева. Тема канд. дис.: «Исследование деятельности деканов факультетов» (защ. в 1977 г.). Тема докт. дис.: «Формирование профессионализма у студентов университета» (защ. в 1996 г.). Автор 143 науч. публикаций, в т. ч. монографий «Профессиональная деятельность в ситуации риска: коллективная монография» (2014), «Методологические подходы к исследованию проблем в области профессиональной педагогики» (коллективная монография, 2013).

Область научных интересов: профессионально-педагогическая деятельность, профессиональная культура, профессионализм преподавателей вуза, методологическая грамота педагогических исследований, профессиональная компетентность преподавателя вуза.

Соловцова Наталья Валентиновна, д-р пед. наук, проф. кафедры теории и методики профессионального образования Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева. Тема докт. дис.: «Управление методической работой вуза в условиях реализации инновационных методических задач» (защ. в 2012 г.). Автор и соавтор более 60 науч. работ, в т. ч. монографий: «Методическая компетентность преподавателя вуза» (2010), «Устойчивое развитие вуза на основе стратегии образовательного процесса» (2012), «Методологические подходы к проблемам профессиональной педагогики» (2013).

Область научных интересов: теория и методика профессионального образования, оценка профессиональной компетентности специалистов, профессиональное развитие и переподготовка специалистов.

Стрекалова Наталья Борисовна, канд. пед. наук, докторант кафедры теории и методики профессионального образования, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева. Тема канд. дис.: «Средовой подход как фактор формирования информационно-коммуникационной компетентности студентов гуманитарных специальностей» (защ. в 2009 г.).

Область научных интересов: информатизация образования, электронное обучение, эффективность использования информационно-образовательных сред и информационно-коммуникационных технологий в учебном процессе.

Сысоева Елена Юрьевна, доцент, доцент кафедры теории и методики профессионального образования, Самарский государственный университет. Тема канд. дис.: «Подготовка учителей к формированию опыта морального поведения

старших школьников». Автор 45 науч. статей и трех монографий: «Формирование морального поведения старших школьников» (2005); «Имиджевые характеристики преподавателя вуза. Образование в современной России. Проблемы и решения» (под науч. ред. В.И. Левина. Вып. 3. Пенза; Москва: Приволжский Дом знаний; МИЭМП, 2013. 152 с.); «Психолого-педагогические основы формирования имиджевой компетентности преподавателя вуза. Наука и образование: современные тренды (коллективная монография; гл. ред. О.Н. Широков. Чебоксары: ЦНС «Интерактивплюс» 2014. 266 с.).

Область научных интересов: совершенствование профессиональной и имиджевой культуры педагога.

Санько Альбина Михайловна, канд. пед. наук, доцент кафедры теории и методики профессионального образования, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева. Тема канд. дис.: «Формирование социально-технологической мобильности конструкторов-модельеров швейных изделий в процессе профессиональной подготовки в вузе» (защ. в 2009 г.). Автор и соавтор 22 науч. работ, в т. ч. монографии «Социально-технологическая мобильность специалиста» (2012).

Область научных интересов: педагогика высшей школы, социально-профессиональная мобильность, педагогические технологии, технологический и функциональный подходы.

Никулина Ирина Вячеславовна, канд. пед. наук, доцент кафедры теории и методики профессионального образования, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева. Тема канд. дис.: «Формирование профессионально-педагогической мобильности преподавателя высшей школы» (защ. в 2005 г.). Автор и соавтор 30 науч. работ, в т. ч. монографий: «Профессионально-педагогическая мобильность преподавателя высшей школы» (2007), «Управление образовательным учреждением в инновационных условиях» (2016).

Область научных интересов: педагогическая конфликтология, профессионально-педагогическая мобильность преподавателя высшей школы, педагогическая психология.

Соловов Алексей Андреевич, студент (магистр) направления подготовки «Социология», образовательная программа «Социальная аналитика новых медиа», специалист по учебно-методической работе отдела нормативно-правового сопровождения учебного процесса, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева.

Область научных интересов: нормативно-правовое сопровождение учебного процесса, медиа.

Егорова Ульяна Геннадьевна, канд. психол. наук, ст. преподаватель кафедры педагогики, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева. Тема канд. дис.: «Формирование психологической готовности родителей к изменению социального статуса ребенка в период подготовки к поступлению в школу» (защ. в 2009 г.). Автор 27 науч. работ, в т. ч.: «Личностно развивающие взаимодействия с детьми как основа позитивного родительства» (2013), «Родительско-детские отношения в контексте психологической готовности родителей к возрастным кризисам ребенка» (2015).

Область научных интересов: семейное консультирование, возрастная психология, профориентология, психология воспитания, педагогическая психология.

Чистакова Ольга Анатольевна, воспитатель, МБДОУ детский сад общеразвивающего вида № 341, г.о. Самара.

Область научных интересов: возрастная психология, психология воспитания, педагогическая психология.

Горячев Михаил Дмитриевич, д-р пед. наук, проф., зав. кафедрой педагогики, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева. Тема докт. дис.: «Социально-педагогическая деятельность муниципальных учреждений как фактор развития образования: теоретико-исторический аспект» (защ. в 1998 г.). Автор и соавтор 130 науч. и учебно-методических работ, в т. ч. монографий: «Социальная опека над ребенком» (1998), «Социальная педагогика и социальная

работа за рубежом» (1998), «Просветительская и благотворительная деятельность земских учреждений в России (по материалам Самарского земства)» (2001), «Организация социально-педагогической деятельности в школе» (2005), «Формирование эстетической культуры младших школьников» (2008), учебные пособия «Социальная педагогика: хрестоматия» (1996), «Психология и педагогика» (2003), «Педагогическая профилактика злоупотребления ребенком» (2003), «Система социальной защиты детства» (2011).

Область научных интересов: теория и история педагогики, социальная педагогика, деятельность социально-педагогических учреждений, педагогическое образование, пути и средства подготовки студентов к социально-педагогической деятельности.

Яндуква Татьяна Анатольевна, аспирант, кафедра педагогики, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева. В 2008 г. окончила Самарский государственный университет по специальности «Социальная педагогика», в этом же году поступила в аспирантуру. Тема канд. дис.: «Социально-педагогический аспект проблемы формирования коммуникативной культуры младших школьников». Автор и соавтор 18 науч. работ.

Область научных интересов: коммуникативная культура младших школьников, подходы к формированию коммуникативной культуры, средства формирования коммуникативной культуры младших школьников.

Ишимбаева Галина Григорьевна, д-р филол. наук, проф., зав. кафедрой зарубежной литературы и художественной культуры, Башкирский государственный университет. Тема канд. дис.: «Исторические романы В. Алексиса 30–50-х годов XIX века» (защ. в 1989 г., МГУ). Тема докт. дис.: «Фаустовская тема в немецкой литературе» (защ. в 1999 г., МГУ). Автор 195 работ, в том числе монографий: «Фаустовская тема в немецкой литературе» (1996); «Проблемы фаустовства в Германии» (1997); «Образ Фауста в немецкой литературе XVI–XX веков» (2002); «Русская фаустиана XX века» (2002); «Страницы русской фаустианы XIX века» (2005); «И.В. Гете и проблемы диалога Запада и Востока» (2006); «Античный триптих Иоганна Вольфганга Гете» (2009); «Стефан Гейм. Очерк жизни и творчества» (2011); «Виллибальд Алексис. Очерк жизни и творчества» (2012); «Интердискурсивность романа Т. Манна “Д-р Фаустус”» (2013); «Энергия мифа, или “Кассандра” Кристины Вольф» (2014).

Область научных интересов: немецкая литература, английская литература, американская литература, русская литература, компаративистика, теория литературы.

Коржова Инесса Николаевна, канд. филол. наук, зав. отделом общеобразовательных, гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Орский колледж искусств. Тема канд. дис.: «Драматургия В.В. Набокова в контексте театральных исканий Серебряного века» (защ. в 2011 г.). Автор 30 науч. работ.

Область научных интересов: творчество В.В. Набокова, драматургия модернизма, литература Серебряного века, русская лирика XX века.

Кучумова Галина Васильевна, д-р филол. наук, проф. кафедры немецкой филологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева. Тема канд. дис.: «Поздняя проза К.М. Виланда: Проблематика и поэтика его романов» (год защ. 1997 г.). Тема докт. дис.: «Роман в системе культурных парадигм (на материале немецкоязычного романа 1980–2000 гг.)» (защ. в 2010 г.). Автор и соавтор 170 науч. работ, в т. ч. 5 монографий: «Немецкоязычный роман 1980–2000 гг.: курс на демифологизацию» (2009), «Роман конца XX века в системе культурных парадигм. Новые романские формы и новый культурный герой» (2011), «Миры дискурса» (2015), «Проза Кристиана Крахта: коды постмодернизма» (2015), «Эстетическая реальность немецкого романа поворота» (2015).

Область научных интересов: мировая культура и литература, новейшая западноевропейская литература нового рубежа веков в поле культурологических и филологических построений.

Балашова Елена Сергеевна, факультет иностранных языков МГУ им. Н.П. Огарева. Окончила аспирантуру ФГБОУ ВО «МГУ им. Н.П.Огарева» по специальности 10.02.04 – Германские языки. Тема канд. дис.: «Абстрактные имена существительные в текстах англоязычной рекламы: когнитивно-прагматический аспект». Автор более 10 науч. работ.

Область научных интересов: теория референции, когнитивная лингвистика.

Казаченко Оксана Васильевна, канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры зарубежной филологии, докторант кафедры зарубежной филологии, Московский городской педагогический университет.

Область научных интересов: зарубежная филология, литературоведение.

Габец Анна Александровна, канд. филол. наук, доцент кафедры английского языка № 5, доцент. В 2007 году с отличием окончила филологический факультет Самарского государственного университета по специальности «Английский язык и литература». Имеет дополнительные квалификации «Переводчик английского языка в сфере профессиональной коммуникации» и «Преподаватель высшей школы». В 2013 году защитила диссертацию на соискание ученой степени канд.а филол. наук на тему: «Прагмативно-лингвистический потенциал речевых характеристик персонажей в произведениях Джека Керуака». Работает на кафедре английского языка № 5 с 2014 года. Имеет ряд публикаций.

Область научных интересов: художественный дискурс, интертекстуальность, гендерная лингвистика, концептология.

Попова Татьяна Андреевна, аспирантка 2-го года обучения филологического факультета, кафедра английского языкознания, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, в 2014 г. окончила Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова по специальности «Филология». Тема канд. дис.: «Концептофера «погода» в английской лингвокультуре».

Область научных интересов: лингвокультурология, лингвоконцептология, когнитивная лингвистика, языковая картина мира.

Дзедзева Марина Суликоевна, канд. филол. наук, доцент, кафедра иностранных языков для гуманитарных

факультетов факультета иностранных языков, Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова. Тема канд. дис.: «Концепт «нымæц» («число») в осетинской лингвокультуре» по специальности 10.02.19 – Теория языка (защ. в 2011 г.); тема будущей докт. дис.: «Концептуальные числовые пространства в осетинской, русской и английской лингвокультурах». Автор и соавтор 23 науч. работ, в т. ч. монографий «Числовой код осетинской лингвокультуры» (2011) и «Символика нечетного числа в осетинском фольклоре» (2011).

Область научных интересов: языкознание, лингвистика, лингвокультурология.

Беспалова Екатерина Викторовна, канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры немецкой филологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева. Автор 30 науч. работ.

Область научных интересов: когнитивная лингвистика, концептуальные исследования.

Кабытова Надежда Николаевна, д-р ист. наук, проф. кафедры российской истории, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева. Тема канд. дис.: «Крестьянские съезды в Поволжье в 1917 г.» (защ. в 1979 г.); тема докт. дис.: «Власть и общественные организации в Поволжье в 1917 г.» (защ. в 1999 г.). Автор и соавтор более 200 науч. работ, 10 монографий, в т. ч. «Власть и общество российской провинции в революции 1917 г.» (2002).

Область научных интересов: политическая и социальная история России в революции и Гражданской войне (1917–1920 гг.); социокультурное пространство российской провинции в XIX–XX вв.

Леонов Михаил Михайлович, д-р ист. наук, проф. кафедры философии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева. Тема докт. дис.: «Патронат и протектирование: российские салоны второй половины XIX – начала XX вв.» (2011). Автор более 45 науч. работ и публикаций.

Область научных интересов: история России конца XIX – начала XX в.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Dubman Eduard Leibovich, Doctor of Historical Sciences, professor of the Department of Russian History, Samara National Research University. Subject of Candidate's thesis: «Church and monasterial feudal lords in Simbirsk and Samara Volga Region in the XVII – beginning of the XVIII century» (1986); subject of Doctoral thesis «Fishery entrepreneurship and reclamation of the Lower Reaches of the Volga in the second half of XVI – XVII centuries» (2000). Author and coauthor of 203 scientific works, including monographs «History of Samara: from military governor management to Regional Duma (Book 1. Samara, 2011, in coauthorship)» (2011), «South East of European Russia. Part I. Povolzhskiy frontier in the middle XVI – XVII centuries. Essays on history» (2012); «"Acquisition of the native land": society and power in Middle Volga Region (second half of the XVI – beginning of the XX centuries). Part I» (2013, in coauthorship); «Acquisition of the native land»: society and power in Middle Volga Region (second half of the XVI – beginning of the XX centuries). Part II» (2014, in coauthorship)

Research interests: medieval history of Russia; economics and entrepreneurship, colonization, demography, fortification of Russia in XVI – first half of the XVIII centuries, name-study and toponymy, regional history of south-east of European Russia.

Malinkin Evgeny Mikhailovich, Candidate of Historical Sciences, chief specialist of the Department of the Use of Archival Documents, Samara Regional State Archive of Socio-Political History. Subject of Candidate's thesis: «Armed forces of southeast part of European Russia in the XVII – beginning of the XVIII centuries» (2013). Author and coauthor of 11 scientific works.

Research interests: service class people of Russian state of the end of the XVI – beginning of the XVIII centuries, Lower Reaches cities at the end of the XVI – beginning of the XVIII century, construction of zasechnaya cherta in the XVII century in the Volga Region, military history of Russia.

Kabytov Petr Seraphimovich, Doctor of Historical Sciences, professor, head of the Department of Russian History, Samara National Research University. Subject of Candidate's thesis: «Volga village on the eve of the February bourgeois-democratic revolution» (1972); subject of Doctoral thesis: «Agriculture relations in the Volga Region in the early XX century» (1983). Author and coauthor of over 450 scientific papers, including 18 monographs.

Research interests: agrarian history; political history of the beginning of XX century; history and culture of the regions of Russia; history of wars and revolutions in Russia in the early XX century.

Tyurin Vadim Alexandrovich, Candidate of Historical Sciences, associate professor, assistant professor of the Department of Russian History, Samara National Research University. Author of more than 60 scientific works, including 7 monographs.

Research interests: region studies, history of the Samara Region un the XIX – beginning of the XX century.

Paramonov Vyacheslav Nikolaevich, Doctor of Historical Sciences, professor, professor of the Department of History and Philosophy of Science, Samara National Research University. Subject of Candidate's thesis: «Party leadership formation and development of labor collectives of industrial enterprises in 1966–1975 (on the materials of the Kuibyshev regional party organization)» (1984). Subject of Doctoral thesis:

«Industrial development of the RSFSR during the Great Patriotic War of 1941–1945» (2001). Author of more than 200 publications, including monographs: «Russia in 1941–1945: problems of industrial development». Samara: Izd-vo «Samarskii universitet», 1999. 460 p.; «Dynamics of industry of the RSFSR in 1941–1945». Samara: Izd-vo «Samarskii universitet», 2005. 156 p.; «Information control in the Soviet Union in a War // The Great War and the great victory of the people. Book 1». M.: Institut rossiiskoi istorii RAN. NKTs «Akademii». 2010. P. 402–428; «Institutes of development of regional economic systems: monograph». Yu.V. Matveev, G.V. Semenov (Eds.). Samara: OOO «Izdatel'stvo AsGard», 2015. 736 p. (Co-authored).

Research interests: history of Russia, economic history, history of the protection of information, history of science and technology, including history of the space industry.

Gumenyuk Alexey Anatolyevich, Candidate of Historical Sciences, assistant professor of the Department of Domestic History and Historiography, Institute of History and International Relations, Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky. Subject of Candidate's thesis: «Transition to the new economic policy in the Saratov region: social-economic and political processes (1921–1923)». Author and coauthor of 100 scientific works.

Research interests: history of the Saratov region in 1917–1928 years; social politics and social practice in the period of the early socialism in the second half of the 1950-ies – mid 1980-ies (on material of the Lower Volga); history of the daily life of urban society in the Soviet period of domestic history.

Rudneva Tatyana Ivanovna, Doctor of Pedagogical Sciences, professor, Honoured scientist of the Russian Federation, head of the Department of Theory and Methods of Professional Education, Samara National Research University. Subject of Candidate's thesis: «Research of activity of deans of faculties» (1977). Subject of Doctoral thesis: «Formation of professionalism at students of a university» (1996). Author of 143 scientific publications, including monographs «Professional activity in risk situations» (2014), «Methodological approaches to the investigation of the problem in the sphere of professional pedagogics» (2013).

Research interests: professional and teaching activities, professional culture, professionalism of university professors, methodological document of pedagogical researches, professional competence of university professors.

Solovova Natalia Valentinovna, Doctor of Pedagogical Sciences, professor of the Department of Theory and Methods of Professional Education, Samara National Research University. Subject of Doctoral thesis: «Management by methodological work of an Institution of Higher Education in the conditions of realization of innovative methodological tasks» (2012). Author and coauthor of 60 research papers including monographs: «Method competence of a high school teacher» (2010), «Sustainable development of a high school on the basis of strategy of educational process» (2012), «Methodology approaches to the study of problems of professional pedagogics» (2013).

Research interests: theory and methods of professional education, evaluation of professional competence of specialists, professional development and occupational retraining of specialists.

Strekalova Natalia Borisovna, Candidate of Pedagogical Sciences, doctoral candidate of the Department of Theory and Methods of Professional Education, Samara National Research University. Subject of Candidate's thesis: «Environmental approach as a factor of formation of information and communication competence of students of the Humanities» (2009).

Research interests: informatization of education, e-learning, efficiency of the use of educational media and information and communication technologies in the educational process.

Sysoeva Elena Yurievna, associate professor, assistant professor of the Department of Theory and Methods of Professional Education, Samara National Research University. Subject of Candidate's thesis: «Training of teachers to the formation of experience of moral behavior of senior schoolchildren». Author of 45 scientific articles and 3 monographs: «Formation of moral behavior of senior schoolchildren», «Image characteristics of a university professor. Education in modern Russia. Problems

and solutions» (2013), «Psychological and pedagogical bases of formation of image competence of a university professor. Science and Education: modern trends» (2014).

Research interests: improvement of professional and image culture of a teacher.

Sanko Albina Mikhailovna, Candidate of Pedagogical Sciences, assistant professor of the Department of Theory and Methodology of Professional Education, Samara National Research University. Subject of Candidate's thesis: «Formation of social and technological mobility of designers-dress designers of sewn products in the process of professional readiness in the university (2009)». Author and co-author of 22 scientific works including monograph «Social and technological mobility of a specialist» (2012).

Research interests: pedagogics of higher school, social and professional mobility, pedagogical technologies, technological and functional approaches.

Nikulina Irina Vyacheslavovna, Candidate of Pedagogical Sciences, associate professor of the Department of Theory and Methods of Professional Education, Samara National Research University. Subject of Candidate's thesis: «Formation of a professional-pedagogical mobility of a higher school teacher» (2005). Author and coauthor of 30 scientific works, including monographs «Vocational and educational mobility of a high school teacher» (2007), «Management of educational institution in terms of innovation» (2000).

Research interests: pedagogical conflictology, professional and educational mobility of a high school teacher, pedagogical psychology.

Solovov Alexey Andreevich, student (Master) of «Sociology» training program, educational program «Social analysis of new media»; teaching and learning specialist of the Department of Regulatory Support of Educational Process, Samara National Research University.

Research interests: regulatory support of educational process, media.

Egorova Ulyana Gennadyevna, Candidate of Psychological Sciences, senior lecturer of the Department of Pedagogy, Samara National Research University. Subject of Candidate's thesis: «Forming parents' psychological readiness to child social status changes at school enter period» (2009). Author of 27 scientific works, including «Personally developing interactions with children as basis of positive parental care» (2013), «Parents and children relations and parents psychological readiness to children age crisis» (2015).

Research interests: family consulting, developmental psychology, professional orientation, psychology of bringing up, pedagogical psychology.

Chistakova Olga Anatolievna, kindergartener, kindergarten of general developmental type № 341.

Research interests: developmental psychology, psychology of upbringing, pedagogical psychology.

Goryachev Mikhail Dmitrievich, Doctor of Pedagogical Sciences, professor, head of the Department of Pedagogy, Samara National Research University. Subject of Doctoral thesis «Socio-pedagogical activity of municipal institutions as a factor of development of education: theoretical and historical aspects» (1998). Author and coauthor of 130 publications, including monographs «Child care» (1998), «International child welfare and social work», «Educational and charitable activities of Russian zemstvo» (2001), «Child welfare at school» (2005), «Formation of aesthetic culture of young school-age children» (2008), textbooks «Social pedagogy» (1996), «Psychology and pedagogy» (2003), «Child abuse prevention» (2003), «Child welfare system» (2011).

Research interests: theory and history of pedagogy, child welfare institutions activity, ways and means of training students in social and pedagogical activity.

Yandukova Tatyana Anatolievna, postgraduate student of the Department of Pedagogy, Samara National Research University, in 2008 graduated from Samara State University with a degree in «Social pedagogy», in 2008 entered a PhD program. Subject of Candidate's thesis: «Social and pedagogical aspect of the problem of formation of communicative culture of junior pupils». Author and coauthor of 18 scientific works.

Research interests: communicative culture of junior pupils, approaches to the formation of communicative culture, means of formation of communicative culture of junior pupils.

Ishimbaeva Galina Grigorjevna, Doctor of Philological Sciences, professor, head of the Department of Foreign Literature and Arts, Bashkir State University. Subject of Candidate's thesis: «Historical Novels by W. Alexis in 30–50-ies of the XIX century» (1989); subject of Doctoral thesis: «Faustian theme in the German Literature» (1999). Author of 195 scientific works, including monographs: «Faustian theme in the German Literature» (1996); «Problems of Faustian Theme in Germany» (1997); «The image of Faust in German Literature of XVI–XX centuries» (2002); «Russian Faust Story of XX century» (2002); «Pages of Russian Faustian Theme of XIX century» (2005); «I.W. Goethe and the Problem of Dialogue between East and West» (2006); «Antique Triptych of Johann Wolfgang Goethe» (2009); «Stefan Heym. Essay on the Life and Work» (2011); «Willibald Alexis. Essay on the Life and Work» (2012); «Interdiscourse of Thomas Mann's novel «Doctor Faustus»» (2013); «The Energy of a Myth, or «Cassandra» by Christa Wolf (2014).

Research interests: German literature, English literature, American literature, Russian literature, comparative studies, theory of literature.

Korzhoва Inessa Nikolaevna, Candidate of Philological Sciences, head of the Department of General Education, Humanitarian and Socioeconomic Disciplines, Orsk College of Arts. Subject of Candidate's thesis: «V. Nabokov's drama in the context of a theatrical search of the Silver Age» (2011). Author of 30 scientific works.

Research interests: artistic works of V. Nabokov, modernism drama, literature of the Silver Age, Russian poetry of the XX century.

Kuchumova Galina Vasilievna, Doctor of Philological Sciences, professor of the Department of German Philology, Samara National Research University. Subject of Candidate's thesis: «Last prose of K.M. Wieland: problematics and poetics of his novels» (1997). Subject of Doctoral thesis: «German novel in the system of cultural paradigms» (2010). Author and coauthor of 170 scientific works, including monographs: «German novel of the 1980–2000: course on the demythologization» (2009), «German novel in the system of cultural paradigms» (2011), «Worlds of discourse» (2015), «Christian Kracht's novels: codes of postmodernism» (2015), «Aesthetic reality in the German «novel turn» (2015).

Research interests: world culture and literature, modern European literature of the XX–XXI centuries in the field of culturological and philosophical constructions.

Balashova Elena Sergeevna, Faculty of Foreign Languages, Ogarev Mordovia State University. Finished a postgraduate study of Ogarev Mordovia State University on specialty 10.02.04 – German Languages. Subject of Candidate's thesis: «Abstract nouns in the English-language advertising texts: a cognitive-pragmatic aspect». Author of more than 10 scientific works.

Research interests: theory of reference, cognitive linguistics.

Kazachenko Oksana Vasilievna, Candidate of Philological Sciences, associate professor of the Department of Foreign Philology, Doctoral student of the Department of Foreign Philology, Moscow City University.

Research interests: foreign philology.

Gabets Anna Alexandrovna, Candidate of Philological Sciences, assistant professor of the Department of English Language № 5. In 2007 graduated with honors from the Philological Faculty of Samara State University with a specialty in «English language and Literature». Has additional qualification «Translator from the English language in the sphere of business communications» and «Teacher in higher education». In 2013 defended Candidate's thesis on the subject «Pragmalinguistic potential of speech characteristics of characters in the works by Jack Kerouac». Works on the Department of English Language № 5 since 2014. Has a number of publications.

Research interests: artistic discourse, intertextuality, gender linguistics, conceptology.

Popova Tatyana Andreevna, 2 year of study postgraduate student of Philological Faculty, Department of the English Linguistics, Lomonosov Moscow State University, in 2014 graduated from Lomonosov Moscow State University with a degree in «Philology». Subject of Candidate's thesis: «Conceptual sphere «weather» in the English linguistic culture».

Research interests: linguocultural studies, conceptual studies, cognitive linguistics, linguistic view of the world.

Dzedaeva Marina Sulikoevna, Candidate of Philology, assistant professor of the Department of Foreign Languages for the Humanitarian Faculties of the Faculty of Foreign Languages, North Ossetian State University. Subject of Candidate's thesis: «Concept «nymæts» («number») in the Ossetian lingvoculture» (2011); Subject of Doctoral thesis: «Conceptual number space in the Ossetian, Russian and English lingvocultures» (in progress). Author and coauthor of 23 scientific works, including monographs «Numeric code of the Ossetian lingvoculture» (2011) and «Symbolism of an odd number in the Ossetian folklore» (2011).

Research interests: linguistics, study of language, cultural linguistics.

Bespalova Ekaterina Viktorovna, Candidate of Philological Sciences, associate professor, assistant professor of the Department of German Philology, Samara National Research University. Author of 30 scientific works.

Research interests: cognitive linguistics, concept studies.

Kabytova Nadezhda Nikolaevna, Doctor of Historical Sciences, professor of the Department of Russian History, Samara National Research University. Subject of Candidate's thesis: «Peasant congresses in the Volga Region in 1917» (1979); subject of Doctoral thesis: «Authorities and public organizations in the Volga Region in 1917» (1999). Author and coauthor of over 200 scientific papers, 10 monographs, including «Power and Society in the Russian province during the period of the Revolution of 1917» (2002).

Research interests: political and social history of Russia in the Revolution and the Civil War (1917–1920); social and cultural space of the Russian province in the XIX–XX centuries.

Leonov Mikhail Mikhailovich, Doctor of Historical Sciences, professor of the Department of Philosophy, Samara National Research University. Subject of Doctoral thesis: «Patronage and protection: Russian salons of the second half of the XIX – early XX centuries» (2011). Author of more than 45 scientific works and publications.

Research interests: Russian history of the end of the XIX – beginning of the XX century.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Для публикации научных работ в выпусках серий журнала «Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология» (прежнее название – «Вестник Самарского государственного университета») принимаются статьи, соответствующие научным требованиям, общему направлению журнала и представляющие интерес для достаточно широкого круга российской и зарубежной научной общественности.

Предлагаемый в статье материал должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написанным в контексте современной научной литературы, а также содержать очевидный элемент создания нового знания.

Все представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат» и направляются на независимое (внутреннее) рецензирование. Решение об опубликовании принимается редколлегией на основании рецензии.

Периодичность выхода журнала – 4 выпуска в год.

В журнале публикуются статьи по отраслям «Филологические науки», «Исторические науки и археология», «Педагогические науки», а также рецензии на монографии и другую научную литературу.

Правила оформления

Текст статьи

- Статья предоставляется на русском или английском языке в печатном (формат А4) и электронном (dubmane@mail.ru) видах.
- Перед заглавием статьи проставляется шифр УДК.
- Название работы, список авторов (ФИО, место работы, индекс и адрес места работы, должность, электронная почта), аннотация, ключевые слова, библиографический список должны быть представлены на русском и английском языках.
- Текст статьи должен быть набран в текстовом редакторе Word для Windows с расширением doc или rtf гарнитурой Times New Roman 14 кеглем через 1,5 интервала.
- Объем основного текста не должен превышать 8–10 страниц.
- Рисунки и таблицы предполагают наличие названия и сквозную нумерацию.
- Библиографический список оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.05–2008 по порядку цитирования после основного текста. Допускается не более 20 источников.
- Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках, например [14, с. 28]. Ссылки на иностранные источники приводятся на языке оригинала.

Графика

- Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формат TIF.
- Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0–11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран гарнитурой Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы.

Формулы

- Единицы измерения следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- В статье приводятся лишь самые главные, итоговые формулы. Набор формул производится в редакторе формул Microsoft Equation с параметрами: обычный – 14, крупный индекс – 9, мелкий индекс – 7, крупный символ – 20, мелкий символ – 14.
- Вставка в текст статьи формул в виде графических объектов недопустима.
- Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Статьи, оформленные не по правилам, редколлегией рассматриваться не будут.